

Купава Огинская

A man with short, light-colored hair, wearing a dark, heavy coat with a fur collar, stands in a snowy city at night. He is holding a small, brown, scruffy dog in his arms. The dog has its mouth open, holding a golden pocket watch. The background shows a cityscape with a large, dark spire and a domed building under a starry night sky. The ground is covered in snow, and there are street lamps in the distance.

ПУШИСТАЯ
КАТАСТРОФА

Annotation

Я — тарса. Нечисть мелкая и на первый взгляд безобидная. Не боюсь трудностей, ловко справляюсь с проблемами, могу найти общий язык с ребенком и укротить оборотня.

Способна мастерски выследить преступника и виртуозно его покарать.

Я незаменима, неоценима и... о, блестяшка!

- [Огинская Купава](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
-

Огинская Купава

Пушистая катастрофа. Темный дар

Глава 1

Хвост беспощадно коченел от холода, и лапы примерзали к железному краю мусорного бака, но я не шевелилась. Замерла в предвкушении, гипнотизируя голодным взглядом дверь с местами вздувшейся и кое-где облупившейся серой краской.

Старенький светильник над козырьком изредка мигал, освещая широкую каменную ступеньку и притоптанный грязный снег. До стены соседнего здания свет не доставал и не тревожил темноту позднего зимнего вечера, так надежно меня укрывающую.

За этой неприглядной дверью находился мой самый сладкий сон, объедки которого по вторникам, четвергам и субботам — во время смен лучшего человека на земле — попадали на мой праздничный стол. Там находилась кухня одного довольно популярного ресторана. Самого популярного на этой улице.

Где-то внизу, в снегу под баком, лениво переругивались местные кошки. Это была их кормушка, пока о ней не узнала я. Теперь она стала нашей, что блохастые мешки костей не сильно радовало, но ничего изменить они не могли.

Я была сильнее и по законам животного мира имела право диктовать свои правила.

Заветная дверь медленно открылась, и на мороз, зябко ежась в тонкой форме официантки, выскользнула девушка.

— Кис-кис-кис, — по привычке позвала она, оглядываясь, потом увидела блеск моих глаз и улыбнулась. — А, ты уже здесь.

— Р-р-ря! — гордо подтвердила, спрыгнув с бака. Входя в круг света, я жадно приняхивалась к подносу, что держала в руках девушка.

— Вот. — В снег рядом с каменной ступенькой встали три тарелки. — Ешьте, посуду заберу минут через двадцать.

Я не понимала, зачем она это говорит, но на всякий случай невнятно твякнула, уже сунув нос в первую миску.

Ужин мой был вкусным, но скудным. Съесть все не позволяла совесть и голодные взгляды, щекочущие спину. От миски оторвалась с

трудом, обернулась на бак, из-под которого на меня сверкали три пары глаз, и махнула лапой.

— Вылезайте, недоразумения.

Разрешение кошки проигнорировали и бросились к еде, лишь когда я отошла достаточно далеко. Остановившись в начале переулка, я обернулась, прежде чем выбраться на улицу, и увидела, как они жадно, с утробным рычанием заглатывают скромные подношения.

Замешкалась ненадолго, за что и поплатилась.

— Ты смотри!

Рядом со мной остановились три мальчишки. В человеческих детенышах я совсем не разбиралась и не могла точно сказать, совсем они мелкие или уже подростки, зато знала наверняка, что ничего хорошего от них мне ждать не стоит. От центрального, самого высокого, тощего и нескладного, с выглядывающими из-под шапки светлыми волосами, пахло недобрыми намерениями. Угрозой.

— А если рыжую шерсть поджечь, она будет гореть ярче? — задумчиво спросил сопливый пацан справа от опасного, с интересом мясника разглядывая мою шубку и вытирая нос рукавом куртки.

Я оскалилась.

— Сейчас узнаем, — решил светленький и склонился ко мне с жутковатой улыбкой. — Кис-кис-кис, уродина.

Предостерегающее шипение на него никак не подействовало, он даже ни на мгновение не замедлился, продолжая склоняться надо мной, и я побежала. Сорвалась с места, одним длинным прыжком оказавшись на безопасном расстоянии.

Детеныши не растерялись и бросились следом.

Вечер был поздний, людей на улицах было мало, недостаточно, чтобы замедлить их.

Я не могла бежать быстро, вынужденная внимательно следить, куда прыгаю: состав, которым зимой посыпали улицы, разъедал подушечки на лапах, раз прочувствуешь на себе — больше не сунешься.

Редкие прохожие ругались вслед мне и несущимся не глядя по сторонам детенышам.

Долго так продолжаться не могло, мне нужно было укрытие, но закоулки я игнорировала — не была уверена, что смогу найти там

спасение, зато точно знала, что выбраться на главную улицу уже не успею.

Мстительная мысль остановиться, подождать, пока кто-нибудь из гаденышей меня схватит, и прожечь ему руки до костей — хотели посмотреть, как горит рыжая шерсть, я покажу — мелькнула и пропала.

Впереди, возвышаясь над всеми прохожими, прямо рядом с козырьком здания стоял огромный мужик. Мое спасение и путь на крышу.

Я уже представляла, как вскарабкаюсь на мужика, с него перепрыгну на козырек, попаду на карниз и уже с карниза, по цветочному узору, украшавшему полуколонну, заберусь на крышу...

Но успела только вскарабкаться на широкое плечо. Потом была схвачена за шкурку и подвешена в воздухе. Мужик оказался быстрым. Еще мужик оказался волком, и мне бы стоило держаться от него подальше, только густой звериный запах я почувствовала слишком поздно.

— Хм-м-м, — глубокомысленно изрек оборотень, рассматривая меня.

Под взглядом прозрачных голубых глаз мне стало настолько не по себе, что я неосознанно поджала хвост и вцепилась в него лапками.

— Что это такое? — дрожащим голосом спросила девушка, внимания на которую я раньше не обратила. Невероятное преступление с моей стороны — девушка с ног до головы была украшена блестяшками. Кольца, браслеты, сережки, заколки в волосах. И даже ее платье, хорошо видное из-под распахнутого пальто, было украшено искрящимися в свете фонарей камешками.

Сколько сокровищ...

— Нечисть, — коротко ответил волк, продолжая меня разглядывать.

— Р-р-ря! — трусливо твякнула я, заодно поджав и задние лапы. Чтобы не дрожали.

С оборотнем ни одна здравомыслящая тарса не стала бы связываться. И я бы не стала, мне просто не повезло немножко.

— Дяденька, это хорошо, что вы ее поймали! — Светленький пироманьяк уже был рядом. Запыхавшийся и радостный, он протянул руки ко мне. — Это мое, отдайте, пожалуйста.

— Твое?

— Вернее, моей сестры. Родители на день рождения подарили. Поводок был плохо закреплен, и она сбежала. Отдайте, пожалуйста, иначе мама заругает.

Врал он мастерски, с такой жуткой верой в свои слова, что даже я поверила бы, не иди речь обо мне.

И волк поверил. С заминкой, будто сомневаясь, он опустил руку, собираясь отдать меня этому. И я осознала, что жечь сегодня все же придется.

В груди потеплело, будто кто-то на потухающие угли подул, но огонь разгорался медленно, через силу — слишком холодно было в последнее время, и слишком давно я не горела. Меня это не устраивало. Я зажмурилась, рыкнула, подбадривая себя, и на мгновение забыла, как дышать. По телу прошлась быстрая волна яркой боли, и я загорелась.

Волк коротко охнул и отпустил меня, я мгновенно распрямилась, собираясь приземлиться на дорогу и тут же бежать, и оказалась совсем не готова к тому, что буду поймана за хвост. За мою единственную уязвимость.

Звериная реакция оборотня проявилась очень не вовремя...

Хвост не горел, и волк мог спокойно меня за него удерживать.

— Не самый лучший подарок для девочки, — нахмурился он, разглядывая обожженную ладонь.

— Вот и папа... так считает, — растерянно пробормотал пироманьяк, глядя на меня с восторгом. Его малолетние подельники топтались в нескольких шагах позади, но я отчетливо слышала, как сопливый сдавленно выругался такими словами, которых детенышу знать не положено.

— У тебя есть защитные перчатки?

Светленький покачал головой.

— Давайте я тоже ее за хвост... пока не успокоится.

Я пожароопасная, непредсказуемая нечисть, которую взрослый ответственный человек ни при каких обстоятельствах не должен отдавать ребенку. И волк, кажется, об этом подумал, но все испортила блестяшка.

— Отдай это чудовище и пойдём. У нас осталось не так много времени, чтобы выбрать подарок для Эдит.

Рука, удерживающая меня, дрогнула.

При упоминании имени некой девицы волк резко перестал быть ответственным и собирался меня отдать. Меня, потерявшую преимущество, продемонстрировавшую этим живодерам свою уязвимость...

Я запаниковала, забыла, что не должна раскрывать свою особенность, что могу сделать только хуже, и позорно заверещала:

— Да не домашняя я нечисть, блохосборник ты плешивый! Дикая я. Ничейная! Свободная! Чтоб у тебя хвост отсох, сволочь!

Пироманьяк почувствовал, что пахнет жареным — с такими-то увлечениями у него на это дело должен был быть нюх, — и рванул прочь раньше, чем я успела сдать его и его дружков.

Вслед улепетывающим живодерам мы смотрели недолго. Я вверх лапами, волк с непередаваемым выражением лица.

Блестяшка смотрела исключительно на меня.

— Оно... разговаривает.

— Высшая нечисть, — восхитительно невозмутимо поправил самого себя волк.

— Я еще и петь могу, но вам не понравится.

— Почему? — глупо спросила блестяшка.

— Потому что «могу» не значит «умею», — запальчиво твякнула я и попыталась лягнуть волка. — Отпусти меня, блохастый, у меня дела.

— Это у меня из-за тебя дела, — сказал он мрачно, поднимая меня на уровень глаз. — Высшей нечисти, не сопровождаемой боевым магом, запрещено находиться в черте города.

— Ди... дискриминация, — грустно выдохнула я.

— Ты точно не домашняя?

— Обижаешь, блохастик, я исключительно свободная личность, а что?

— Разговорчивая слишком.

С этим спорить было бессмысленно. Поговорить я любила, хотя большую часть времени приходилось молчать или односложно твякать, что было мучительно для моей общительной натуры.

Но жизнь мелких хищников легкой никогда не была, мне следовало бы радоваться, что сохранность моей шубки стоит так дешево. В конце концов, шесть лет назад разговаривать я совсем не умела — и ничего, жила как-то.

— Ну так что, не отпустишь, значит?

— Нет.

— Куда мы сейчас тогда?

— В отделение. Ночь посидишь в питомнике, а завтра порталом отправим тебя в какой-нибудь лес. К собратьям.

— На шубках я своих собратьев видела, — фыркнула оскорбленно.

В лес очень не хотелось, но лучше так, чем попасть в услужение к какому-нибудь боевому магу... или того хуже, стать академическим образцом. Повезло, что город для перезимовки я выбирала осознанно и специально проверила, нет ли поблизости академий.

Свою невероятную особенность я осознавала и потому берегла себя с особым старанием. Мелкая нечисть высшей становилась настолько редко, что за всю свою жизнь мне удалось повстречать такую лишь однажды. Мельком, в каком-то западном лесу.

Друзьями мы не стали, подрались из-за птичьей тушки и разошлись.

Только несколько месяцев спустя я запоздало сообразила, что нужно было узнать у той глупой рагры, как это получилось, как так вышло, что она себя осознала, как стала высшей?

Даже если бы в качестве платы пришлось оставить ей отвоеванную в честной драке перепелку. Не такая уж большая цена за возможность хоть что-то узнать.

К тому же мясо все равно было отвратительным на вкус, вроде как птица больной оказалась.

— У нас дела, — настойчиво напомнила блестяшка, за что я полюбила ее еще больше. Не только сверкает вся, но и правильные вещи говорит.

— Эдит простит мне опоздание, — не очень уверенно отозвался волк. И совсем уж неуверенно добавил: — И отсутствие подарка.

Взгляд блестяшки был красноречив и красочен, но волк его искусно проигнорировал.

Подъехавшую карету и девочку, выкатившуюся из нее с криком «папа!», проигнорировать он уже не смог.

Ровно в тот момент, как рядом с нами заржали лошади, я потухла и продолжила висеть в руках оборотня примерным смирным зверьком,

хотя хвост у самого основания уже начинал болеть, а мне хотелось рычать и кусаться.

Детеныш был очарователен в своем пышном платице, но совсем не походил на отца. От светловолосого и голубоглазого волка в ребенке была разве что аристократическая бледность. Девочку она делала похожей на куколку, оборотню же придавала нездоровый вид.

Темные искрящиеся глаза нашли меня сразу.

Она выдохнула и восторженно застыла, цепляясь за пальто волка и глядя прямо на меня.

— Подарок! — решила она. — Красивый!

— Это... нет, — попытался объяснить хоть что-то оборотень, но девочка уже схватила меня за лапу и потянула на себя. Я жалобно заскулила. Не потому, что стало больно, просто представила, как больно станет, когда меня начнут перетягивать, и не смогла сдержаться. Точно без хвоста же останусь.

Блестяшка прикрыла глаза ладошкой — и даже на ее перчатке искрилась россыпь мелких камешков.

— Осторожно, — беспомощно попросил волк, перехватив девочку за запястье. — Она опасна.

— Клевета, — тихо, чтобы слышал только оборотень, сказала я и энергично заурчала. Громко, раскатисто, как самая настоящая кошка.

Детенышу понравилось. Сдавленный восторженный визг и короткий миг свободы стали моей наградой.

Волк сдался и отпустил меня, и в следующее мгновение я уже была прижата к хрупкой детской груди.

— Спасибо.

— Без глупостей, — негромко и угрожающе велел мне волк, слабо улыбаясь дочери.

— Простите меня. — Из кареты с трудом выбралась немолодая женщина внушительных размеров. — Я говорила, что нужно подождать вас дома, но Эдит так хотела вас встретить. И ведь это же ее день рождения...

— Да, — рассеянно отозвался оборотень, — день рождения.

Я мурлыкала как ошалелая, старательно не замечая многообещающего взгляда. Хвостом чуяла: так просто с дочкой этот блохастый меня не оставит. Усыпит бдительность ребенка, выкрадет

меня, а ей потом что-нибудь на замену подарит. Меня же вышвырнет в самый глухой и страшный лес.

Поэтому мне следовало быть к девочке как можно ближе, чтобы волк не мог и пальцем тронуть, выждать нужный момент и сделать лапы.

Глава 2

Ни мой план, ни план волка так просто привести в действие не удавалось. Детеныш не выпускал меня из рук ни на секунду. Тискал, гладил, просто таскал с собой.

Даже завтракать утром мы спустились вместе. Еще прошлым вечером помытая лично волком под чутким руководством его дочери я и сияющая Эдит.

Говорить при девочке я опасалась, хотя порой очень хотелось попросить ее душить меня с чуточку меньшим энтузиазмом.

Блестяшки за столом не было. Носительница невероятных сокровищ оказалась не женой волка, не матерью девочки и вроде бы даже не их близкой родственницей и сразу после праздничного ужина отбыла к себе. Ее статус в этой семье был мне непонятен, но я надеялась, что мы еще встретимся и я буду достаточно удачливой, чтобы позаимствовать у нее хотя бы парочку блестяшек.

Сокровищница моя не пополнялась уже несколько месяцев, пора было это исправить.

— Эдит, зачем ты принесла ее за стол? — спросил волк, враждебно глядя на меня.

За девочку ответила ее нянька, та самая немолодая женщина из кареты.

— Она не желает разлучаться с ней ни на минуту. Если забрать, тут же впадает в истерику.

За столом воцарилась недобрая тишина.

Эдит сладко зевнула, прикрыв рот ладошкой, — спать она легла поздно, до полного изнеможения сглаживая с меня всю шерсть, утром встала трудно и до сих пор не проснулась, что не мешало ей крепко меня держать. Не вырваться, не вздохнуть лишний раз.

Но, кажется, я могла бы со временем привыкнуть к этой неосознанно жестокой детской любви. Несмотря на помятые бока и зудящую от постоянных поглаживаний шкуру, спала этой ночью я в тепле и относительной безопасности, потому утром была в прекрасном настроении.

Настолько прекрасном, что ни мрачная рожа волка, ни недовольные вздохи няньки меня не тревожили.

После завтрака Эдит усадила меня на свои колени и, как ей казалось, незаметно таскала мне еду с тарелок.

Волк сначала собирался одернуть дочь, но не смог, слишком блаженное у нее было выражение лица, пока она меня подкармливала.

Я же не только досыта наелась, но и подтвердила свои подозрения: перед детенышем оборотень был беспомощен. Первый день в этом доме, а я уже нашла слабое место самого страшного местного хищника.

Мне определено везло.

Так я думала, пока Эдит не вышла из-за стола и мы, попрощавшись с отбившим на работу волком, не поднялись в детскую.

Мой жизненный опыт можно было назвать богатым. Я успела побыть жертвой, хищницей и даже падальщицей, но ни разу еще мне не доводилось быть куклой.

— Тебе очень идет, пушистик, — широко улыбаясь, сказала девочка, поправляя завязки чепчика на моей голове. — Сейчас мы будем пить чай.

Пока она расставляла игрушечные чашки на столике, я почесывала кружавчики на чепчике и чувствовала, как начинают болеть придавленные уши.

День обещал быть сложным.

У Эдит было много сил, много энергии, а главное — имелась убойная фантазия. И к этой фантазии прилагалась куча адских приспособлений, любовно купленных ей отцом, нянькой, блестяшкой... неважно кем, главное — детеныш был вооружен и опасен. Приспособления удачно прикидывались детскими игрушками и не вызывали у меня особых подозрений, пока мы не познакомились ближе. И теперь я знала, что первое впечатление обманчиво.

Не то чтобы я не знала этого раньше, просто после дня, проведенного с ребенком, это знание стало ярче, больше... глубже, что ли. Как и нелюбовь к кружевам и персиковому цвету.

Волк вернулся вечером, за час до ужина.

Он был очень рад видеть выбежавшую встречать его дочь и совсем не был рад болтающейся у нее под мышкой мне.

Обменявшись тяжелыми взглядами, мы решили просто друг друга игнорировать.

* * *

Достижением сегодняшнего дня можно было считать то, что я пережила все испытания, не повредившись рассудком, и мисочку с едой, стоявшую теперь у правой ножки стула детеныша.

Ужинала я сама, несмотря на обиженное сопение моей жутковатой хозяйки, и еда от этого казалась еще вкуснее.

И ночью, сумев выскользнуть из ослабевшей хватки детских рук, я смогла сама пройтись по коридору второго этажа. Почувствовать, как тянет сквозняком над самым полом, как лапы мягко и тихо ступают по ковру, а когти вязнут в коротком ворсе, и увидеть, как косая линия света из приоткрытой двери перечеркивает пол и стену, разрезая почти пополам висящую там картину.

Из щели пахло зверем, усталостью и неуловимым терпким запахом чего-то алкогольного. Чтобы почувствовать все это, мне пришлось подобраться к самой двери.

Отступить, поджимая лапы, вернуться в спальню детеныша, поднырнуть под тонкую руку и уснуть у меня уже не получилось.

— Входи, — велел волк, почувствовав мое присутствие.

Я замешкалась, сомневаясь в том, что мне стоит подчиняться. Оборотень поторопил.

— Мне долго ждать?

— Ты, блохастик, мной не командуй, у меня другой хозяин, — с трудом выдавила из себя я это наглое заявление. Быть самоуверенной и дерзкой под внимательным взглядом волка было сложновато.

Я проскользнула в кабинет, приблизилась к столу, за которым сидел оборотень, и с трудом забралась на столешницу, чуть не уронив на себя малахитовый треугольник пресс-папье. И все это в гнетущей тишине.

— Чего хотел? — спросила опасливо, запоздало заметив, что в свете единственного зажженного светильника волк выглядит как-то по-особенному устрашающе.

Возможно, все дело в том, как хищно сверкали глаза в полумраке, скрывшем от меня его лицо.

— Как Эдит?

— Замечательно все у твоей Эдит. Весь день веселилась, в обед покушала, сейчас крепко спит, — отчиталась я.

— Хорошо. — Волк устало прикрыл глаза.

— Слушай, блохастик, а ты чего такой замученный?

— Не зови меня так.

— Как? Блохастиком?

— Да.

— Почему нельзя? Ты же оборотень?

Волк посмотрел на меня странно и промолчал.

— Оборотень же! — стояла на своем я. — Мехом обрастаешь, а где мех, там и блохи.

— Нет, — односложно ответил он.

— Что нет? Как нет? Я чую зверя.

Он снова промолчал, а я начинала чувствовать себя глупо.

— Слушай, папа у тебя оборотень?

— Да.

— Мама оборотень?

— Да.

— Значит, и ты оборотень! — торжественно заключила я.

— Оборотень, — повторил он с горькой улыбкой и оборвал себя, не закончив. — Только...

Я начинала раздражаться. Волк вел себя не как волк, а как трепетная пансионерка. Мялся, мямлил... разве что не краснел.

— Что «только»?

— Зверь не проснулся, — ровным голосом сказал он.

Прозвучало как приговор, как самое страшное, что может случиться в жизни.

— А если разбудить? — с надеждой спросила я.

— Невозможно.

— То есть ты пушистым никогда не был?

— И не стану.

Проклиная свою настойчивость и прямоту волка, я судорожно пыталась придумать, что сказать. Все слова после такого признания казались не теми. Я не хотела ему сочувствовать, потому что саму

меня чужое сочувствие только разозлило бы, но чем-то нужно было заполнить эту неловкую тишину?

— Ну... кхм, слушай, а зовут тебя как? — мучительно выдавила из себя я.

— Хельму.

— Глупое имя, — нетактично заметила я, прежде чем представиться: — А меня можешь звать Анха.

Волк фыркнул.

— И это ты будешь критиковать мое имя?

— Меня так в пансионе называли, — оскорбилась я. — Анха, между прочим, значит «священный дар».

— Ты — священный дар?

— Щенком я была очень миленьким.

В те безмятежные времена я была в несколько раз пушистее себя сегодняшней, меньше, круглее, а главное — с аккуратным, полностью покрытым мехом хвостом. Это уже с возрастом я полиняла, морда моя вытянулась, а хвост полностью облысел, усиливая мое сходство с крысами.

Собственно, три года я жила в пансионе, в клетке в учебном кабинете, и имела возможность заниматься вместе с пансионерками. Читать научилась раньше, чем говорить, подглядывая в книги и тетради девушки, сидевшей за последней партой, прямо рядом со мной. А считать — прежде, чем меня выкинули на улицу, посчитав слишком страшной.

Маленького хорошенького пушистика они готовы были любить, холить и лелеять, а большую ушастую крысу с огненно-рыжей шерстью почему-то нет.

— Слушай, блох... босс, а ты передумал, что ли, меня из города изгонять?

— Босс? — удивился волк.

— По имени звать не буду, оно дурацкое, — предупредила я.

Он пожал плечами, не имея никаких возражений.

— У меня есть к тебе деловое предложение, — сообщил он, будто вживаясь в образ моего босса.

— М-м-м?

— Ты ведь тарса, верно? Я ознакомился с информацией о твоём виде и должен сказать, она впечатляет. Я хочу, чтобы ты приглядывала

за Эдит и докладывала мне о ее делах. От Марты мало толку, она боится потерять работу и многое умалчивает. Меня это не устраивает, я хочу знать все.

— Даже так... но ты ведь знаешь, что знать все может быть вредно для здоровья?

— Мое здоровье не должно тебя заботить.

Это было мое самое удачное ночное приключение, итогом которого стало неожиданное повышение. Я больше не была бессловесной зверюшкой, рисковавшей в один не самый лучший день своей жизни оказаться в самом дремучем лесу государства. Я стала настоящей охранительницей своей хозяйки.

Самой близкой, самой незаметной, самой главной ее защитой.

— Тебя ведь впечатлило, как тарсы о своих щенках заботятся, да?

Волк улыбнулся и не ответил.

Не знал он, что не всем щенкам достается материнская любовь и защита, как и не знал, что Эдит по всем показателям не смогла бы заслужить ни того ни другого — слишком слабым, беспомощным и бесперспективным детенышем она была.

Кто-то другой сказал бы, что такие не выживают в дикой природе, и отказался иметь с ней дело, я лишь потеряла лапки.

— Я согласна, — сказала и протянула Хельму лапу, чтобы скрепить наш договор лапопожатием. Я видела, как это делали люди, и давно хотела попробовать сама.

Волк с серьезным видом, едва сдерживая улыбку, осторожно пожал мою лапу двумя пальцами, откинулся на спинку кресла и отсалютовал бокалом.

— Завтра отвезу тебя к ветеринару, после оформим тебя официально как домашнее животное.

— Что?

— И закажем ошейник.

— Что? Погоди, что?! Я передумала!

— Поздно, — оскалился он.

Глава 3

Самой ужасной в моем новом статусе была не необходимость каждый день играть с Эдит, терпеть ее сокрушительные нежности и молчать. И не в унижительной процедуре ветеринарного осмотра.

Самое ужасное в моем новом статусе было имя, указанное в документах.

— Пушистик? Seriously, Пушистик?! — вполголоса бушевала я, пока детеныш спал, привалившись к стенке кареты. Равномерное укачивание и насыщенный событиями, основательно вымотавший ее день сделали свое дело.

Ребенок спал, а я могла переползти из ее объятий на колени волка и негодовать, дергая его за жилет.

— Это выбор Эдит, — с серьезным видом ответил... Хельму. Ему, конечно, с именем совсем не повезло, но это же не повод отыгрываться на мне!

— А ты не мог отказаться? Запретить? Хотя бы сказать, что это плохая идея? — безнадежно спросила я, уже понимая — не мог.

В том, что дочь оказалась его слабостью, были не только положительные стороны. Один огромный и непоправимый минус насквозь пронзил мою гордость.

Пушистик, подумать только...

— Ты тоже могла это сказать.

Устав от моего самоуправства, волк отцепил от себя мои лапки и скинул меня на скамью.

— Не могла вообще-то, — с грустью ответила я, забираясь обратно. Упрямства мне было не занимать. На самом деле, его было даже с избытком — иначе не дожила бы до своих лет. — Я с ней не разговариваю.

Хельму удивился.

— Почему же?

— Не хочу стать жертвой детской общительности, — проворчала я и еще раз дернула его за жилет — было в этом что-то успокаивающее. — Я едва ее нежности переживаю.

Сегодня было особенно сложно. Сегодня мы были на прогулке.

На меня нацепили нелепый ошейник со стилизованной косточкой-подвеской — наследство какого-то мелкого недоразумения из песьего племени — и пустили на поводке гулять по парку.

Конец поводка держала Эдит, поэтому прогулка выдалась изматывающей и унижительной. К нам подходили трижды, восторженные леди с одинаковыми лицами, и каждая считала своим долгом отметить, что я рыжая, страшная и с облезлым хвостом.

«Лучше бы родители тебе, дорогая, купили такую лапочку, как моя...»

Лапочки больше всего походили на неудачные попытки скрестить собаку с хомячком, были пушисты, трусливы, бесполезны и, что особенно меня поразило, заметно меньше меня. Такое несчастье, если на улице окажется, обделается со страху и умрет... скорее всего, тоже со страху.

Зачем оно Эдит, когда есть я? Я на улице выживу и ее, если будет надобность, сберегу.

За день девочка вымоталась, но вечером, узнав, что Хельму заберет меня у нее на несколько часов, отдавать отказалась и напросилась ехать с нами. Мужественно пообещала, что не будет жаловаться, если заскучает... и действительно не жаловалась, хотя по виду ее было несложно понять, что сидеть тихо, пока взрослые обсуждают какие-то непонятные вопросы, детенышу было мучительно.

Воодушевилась Эдит лишь раз, когда у нее спросили, как меня теперь будут звать. Тогда она одним своим словом полностью меня растоптала, а теперь тихо посапывала, сидя напротив своего отца.

— Как она сегодня? — спросил волк.

— Как и вчера. — Я обернулась на девочку. Вот такая, спящая и неопасная, она была удивительно миленькой с этим своим воздушным платьицем, круглым личиком и вьющимися темными волосами, собранными в простую, чуть растрепавшуюся прическу. — Энергичная, эмоциональная, с устрашающей тягой к обнимашкам.

Карету чуть раскачивало, в незашторенное окошко длинными вспышками проникал теплый свет уличных фонарей. Эдит что-то промычала и коротко вздохнула.

Я перевела взгляд на волка и ненадолго лишилась дара речи. С таким выражением лица он смотрел на девочку, что у меня сердце

сжалось.

— Слушай, если ты ее так любишь, больше внимания ей уделяйте, что ли, — проворчала я, смущенно почесав морду обеими лапками. — Малявке, кажется, ласки не хватает.

— А я чем тут помогу? — удивился он искренне.

Безнадежный случай, сообразила я.

— Все с тобой понятно, а мать ее где? Пусть тогда она... — Я осеклась на полуслове, заметив, как застыло лицо волка. — Что не так?

Он не ответил, отвернулся к окну и больше не проронил ни слова за всю поездку.

* * *

— Пушистик, — сонно пробормотала Эдит, подтягивая меня поближе и сразу же вновь засыпая.

Я пожалела, что осталась спать рядом с детенышем, а не отползла в изножье кровати, возмущенно пофырчала ей в шею, пообещала себе, что никто из собратьев никогда не узнает о моем позоре, и, смирившись с творящимся беспределом, задремала в ее руках. Умудрилась даже немного помурлыкать, не специально и не для того, чтобы убаюкать и так спящую девочку. Просто... захотелось.

Пушистик так Пушистик, решила я оптимистично, могло быть и хуже.

А утром спасалась бегством, потому что «хуже», которое могло бы быть, случилось. Эдит решила Пушистика причесать.

* * *

Эдит была одним из тех беспокойных, оглушительных сгустков энергии, от которых я всегда старалась держаться подальше. Не показываться на глаза, не даваться в руки, обходить стороной, какими бы вкусностями они ни пытались меня приманить.

Беспокойство искрилось в ее глазах, улыбке, прорывалось в движениях, звенело в голосе...

И именно она, одна из тех, кого я всегда избегала, оказалась ребенком, за которым мне нужно было приглядывать.

Не самая простая работенка, но мысли о побеге с каждым днем посещали меня все реже.

Через несколько дней после того, как я стала Пушистиком официально, Эдит начала постепенно отпускать меня. Все меньше носила на руках, все чаще бегала следом — ей нравилось смотреть, как длинными скачками я преодолеваю коридор на втором этаже и как могу в два прыжка пересечь гостиную на первом этаже.

Она говорила, я почти летаю.

Домашняя прислуга, стоило мне выскочить им под ноги, обычно говорила что-то нецензурное и злое, но тихо, чтобы не услышал ребенок.

Эдит поверила, что я не исчезну, и вернула мне мою свободу, хотя порой я все еще ловила на себе ее напряженный, беспомощный и совсем не детский взгляд. В этом взгляде было нечто важное, глубинное, раскрывающее самый большой страх девочки, но у меня не получалось его понять.

Догадывалась, что дело в ее матери. В той женщине, о которой не хотел говорить Хельму и о которой мне некого больше было спросить.

Я не могла найти в себе храбрости и безрассудства, чтобы просто так раскрыть посторонним людям важную тайну обо мне. Не была уверена, что отношение прислуги не ухудшится, узнай они, что я говорить умею и вообще высшая нечисть.

Няньке детеныша, носящей скучное имя Марта, я и такая не нравилась. Она не одобряла современной моды заводить в домах нечисть и уж совсем не понимала, зачем было брать нечто малосимпатичное и приبلудное с улицы, когда в городе есть питомник с элитной мелкой нечистью только самых безобидных и милых видов.

Пока Марта ворчала себе под нос или обсуждала меня с домашней прислугой, я легкомысленно ее игнорировала, не видя угрозы в пустой болтовне, но, когда однажды на прогулке она осмелилась поделиться своими мыслями с Эдит, пожалела о своей беспечности — чокнутая нянька имела на детеныша влияние.

Меня тоже многое в Марте не устраивало, начиная от ее устаревших взглядов и заканчивая привычкой шипеть на провинившуюся Эдит ядовитой змеей.

— Подумай, дорогая, может, стоит попросить господина Йегера заменить ее чем-нибудь более... соответствующим твоему статусу? Эта крыса... — ласково вещала она, проигнорировав мое утробное ворчание. Угрозы во мне она не видела напрасно. Может, я и сидела на поводке, но намордника на мне не было, зато были острые зубы и длинные когти.

— Но мне нравится Пушистик. — Эдит протянула ко мне руку. — Пушистик, ко мне.

Я, не раздумывая, подбежала к ней и проворно забралась по подолу платья и зимнему пальто под сдавленное оханье няньки, устроившись у детеныша на руках.

— Она хорошая, — сказала девочка, и, подтверждая ее слова, я замурлыкала, подставляя ушастую голову под ладонь.

Марта поджала губы, она считала меня какой угодно, но не хорошей.

— И все же девушке твоего положения стоит подобрать что-то соответствующее. С этим отродьем пусть играют деревенские дети. Может, она больная. Или бешеная. Дикая ведь тварь, никто не знает, что у нее на уме.

— Отродьем? — удивилась Эдит. — Но Пушистик не отродье, Пушистик — тарса, мне так папа сказал.

Я беззвучно оскалилась, исподлобья следя за нянькой. Напрасно я ее так долго терпела, нужно было давно пожаловаться волку, пусть бы он сам разобрался со своей работницей, невзлюбившей такой бесценный подарок его дочери, как я.

Я мечтала сделать так, чтобы нянька пожалела о своих словах. Не потому, что они меня задели, но потому, что их услышала Эдит, та самая Эдит, которая становилась все больше своей, родной, со всеми ее детскими глупостями, неумением быть нежной, слишком крепкими объятиями и бормотанием во сне. С недоеденными завтраками, которые закономерно оказывались в моей миске, стоящей рядом с ее стулом, с дурацкими кукольными чаепитиями, чепчиками и бантами. С разделенным на двоих печеньем, потому что «ну чего ты так смотришь, на». С ее будущим, в котором мне уже хотелось иметь свое место.

И это неповоротливая, нерасторопная, глупая женщина...

Мимо нас прошел странный тощий парень в старой потрепанной куртке с плешивым меховым воротом. Поравнявшись с Мартой, он на мгновение навалился на нее и тут же отшатнулся, ускорив шаг.

Нянька не стала ругаться, только сдавленно охнула, схватившись рукой за бок.

От ударившего в нос запаха крови на холке непроизвольно шерсть встала дыбом.

— Марта? — встревоженно позвала девочка, прижимая меня к себе крепче. — Марта?

Нянька осела на дорогу, Эдит застыла над ней, беспомощно оглядываясь. Звать на помощь было некого, даже странный человек успел добраться до поворота, и теперь его скрывала высокая стена из занесенных снегом кустов.

— Бежать, — тихо выдохнула я, прихватив зубами ворот пальто девочки и дернув его несколько раз. — Слышишь меня? Мы должны бежать отсюда.

Это был серьезный риск, я не представляла, как детеныш отреагирует на то, что я умею разговаривать, но молчать и дальше не могла — нам нужно было убираться как можно скорее.

— Но Марта... — Эдит никак на меня не отреагировала, не в силах справиться с двумя потрясениями одновременно.

— Выберемся из парка, найдем помощь, — пообещала я и еще раз прихватила зубами ворот ее пальто. — Ну же, малышка, здесь опасно.

Эдит сделала первый неуверенный шаг назад, отступив от обмякшей няньки, когда в начале дорожки показались три подозрительные фигуры.

Она тоже их заметила, на бледном детском личике промелькнуло облегчение, она бросилась к ним, но замерла, как на стену наткнувшись на мое рычание.

— В другую сторону. К ним нельзя!

— Но почему? Помощь...

— Живо, мелкая. Не спрашивай, беги!

Она успела пробежать несколько метров, когда и в другом конце дороги показались люди.

— В кусты! — велела я.

Эдит подчинилась без раздумий, оставив свою шапку болтаться на какой-то ветке, чуть не задушив себя шарфом и заработав длинную

царапину на щеке.

Утопая по колено в снегу, она неловко бежала вперед, тяжело и загнанно дыша.

— Брось меня, будет легче. Я их задержу.

— Нет! — дрожащим голосом выдохнула она.

— Послушай, я смогу выиграть тебе немного времени, — попыталась достучаться я до здравого смысла Эдит, но в итоге оказалась лишь крепче прижата к ее груди.

Если бы она доверяла мне чуточку больше, мы бы обе спаслись, а эти сволочи, что так самоуверенно зажимали беспомощного ребенка со всех сторон, обзавелись бы серьезными ожогами, расцарапанными рожами и еще долго залечивали следы от моих укусов.

Но Эдит в меня совсем не верила, считала слабой и беспомощной и отчаянно прижимала к себе, даже когда один из этих отморозков попытался меня забрать.

Мне удалось извернуться и цапнуть его за пальцы. Мужик выругался, отдернул прокушенную руку, а здоровой ударил, целился в меня, но попал в девочку. Та отлетела назад, ударилась о дерево, медленно осела в снег и сжалась, продолжая прижимать меня к себе. Все, что мне оставалось, это рычать, хрипеть от дикой злобы, скалиться и сверкать глазами, огрызаясь на любую протянутую к Эдит руку.

— Бешеная тварь, — выругался покусанный.

— Хватит. У нас нет времени, забираем девочку вместе с этой. Потом решим, что с ней делать.

Эдит подняли за шиворот, стараясь не размахивать руками в опасной близости от меня.

У самого входа в парк, полностью перекрывая ворота, стояла черная карета, в которую нас и затолкали.

Эдит не плакала, не смотрела на похитителя, забравшегося в карету вместе с нами, только тихо и упрямо сказала:

— Папа меня спасет.

— Спасет, конечно, — неприятно ощерился мужик. — Для того ты нам и нужна, избалованная дрянь.

Эдит съежилась, и я вновь оскалилась.

Если бы только она меня отпустила...

Мы ехали долго. Запах центральных чистых улиц сменился смрадом бедных кварталов, потом потянуло водой и рыбой — мы выехали к причалу или к старым складам, что стояли неподалеку. Точнее понять не удавалось, в моем распоряжении были лишь запахи.

К складам, убедилась я, когда нас высадили рядом с домиком сторожа, затолкали внутрь, вынудили спуститься в подвал, да там и заперли.

— Дилетанты, — с облегчением выдохнула я.

В подвале имелось одно окошко под самым потолком. Небольшое, в него едва ли пролез бы мужчина, но ребенок и я — запросто.

— Пушистик...

— Анха.

— Что?

— Зовут меня, говорю, Анха, а не Пушистик. Так что запомни и не смей реветь. Мы отсюда выберемся.

— Папа нас спасет, — поддакнула она.

— Вот еще, нас спасу я. Смирись.

Получив свободу, первым делом я осмотрелась. Убедившись, что стол, подпиравший стенку, табурет, валявшийся ножками вверх, и небольшая тумбочка — вполне себе крепкие и способны послужить на наше благо, я несколько минут просидела под дверью, прислушиваясь к шуму снаружи.

Слышно было плохо, и это успокаивало.

Раз я едва могу различить, что происходит там, значит, они совсем не слышат того, что происходит тут.

— А ты разговариваешь, — запоздало поразились Эдит.

— И это не единственный мой талант, — фыркнула я, нервно расчесывая бок.

Меня тревожило не наше незавидное положение и не преступники, засевшие наверху, мне предстояло раскрыть перед детенышем еще один свой секрет, самый главный, и это пугало.

Довериться кому-то настолько... ненадежному.

Не было у меня уверенности, что Эдит способна хранить секреты от своего отца, но и придумать, как выбраться отсюда, не сдав себя с потрохами этой мелочи, не получалось.

— Дождемся, когда начнет темнеть, и сбежим, — решила наконец.

— А папа?

— Будет должен мне по гроб жизни, — с предвкушением отозвалась я.

Несложно было догадаться, что похитители собирались шантажировать Хельму детенышем, и больше, чем заполучить в должники волка, мне хотелось переломать этим сволочам все планы... руки, ноги, свернуть шеи, напиться их крови...

— Пушистик? — опасливо позвала Эдит, с ногами забираясь на стол.

— Анха.

— Анха, — покладисто исправилась девочка. — У тебя глаза страшно горят. И ты рычишь.

— Прости. Напугала?

Она неопределенно пожала плечами, что больше походило на утвердительный ответ, но, когда я забралась к ней на стол, в сторону не шарахнулась и с удовольствием взяла меня на руки, греясь.

Всем был хорош мой план по спасению, кроме одного: на улице царствовала зима, а подвал не отапливался.

К тому моменту, как солнце все же зашло, Эдит уже знала и о том, что я не только разговаривать умею, но и немножко огнеопасна. Открытие девочку не испугало, она с удовольствием грела руки над моим огнем и восторженно хихикала.

Проверить нас приходили лишь раз. Принесли скудный ужин для Эдит, пожелали сдохнуть мне, поставили посреди подвала тусклый светильник, чтобы мы хоть что-то видели, и снова заперли.

— Поешь, силы тебе пригодятся, — велела я. Несвежая булка и полупрозрачный чай особого аппетита не вызывали даже у меня, но девочке действительно следовало поесть.

В отличие от меня, терпеть голод днями она не умела.

Булка была разделена пополам, как и чай. Эдит не побрезговала пить из одной кружки со мной.

Когда ночь полностью вошла в свои права — мое чутье подсказывало, что время уже близко к полуночи, — и ждать дальше стало просто бессмысленно, я собрала всю свою смелость и попросила:

— Только не кричи, ладно?

Эдит кивнула, но сдержать слово не смогла и длинно взвизгнула в мою ладонь.

Превращение прошло быстро, но трудно. В последний раз перекидывалась я еще летом и успела отвыкнуть от человеческого тела. Зажать Эдит рот успела лишь чудом, почувствовала неладное и среагировала, даже не задумываясь.

Перед глазами роились черные точки, и голова кружилась от неосторожного движения.

— Ты девочка, — выдохнула мне в ладонь Эдит, глядя во все глаза.

— Девочка, — хрипло согласилась я, с трудом привыкая к себе новой.

Стоило только сбросить шубку, как мне стало холодно. Не собиралась я как-то зимой превращаться в человека, потому теплой одеждой не озаботилась.

Тонкая рубаша с чужого плеча, слишком большие штаны, подвязанные куском веревки, и босые ноги — к сегодняшнему приключению я оказалась совсем не готова. Но деваться было некуда.

— Послушай, — я взяла девочку за плечи, уверенная, что так мои слова будут иметь какой-то особенный вес, — это будет наш с тобой секрет, хорошо? Никто не должен знать, что я умею разговаривать, загораться и становиться че... девочкой. Хорошо?

— Даже папа?

— Про то, что умею превращаться, нельзя, про все остальное — можно.

— Значит, о том, что ты девочка, буду знать только я и никто больше?

— Да. Это очень важно, Эдит. Если об этом кто-нибудь узнает, меня заберут у тебя, понимаешь?

Она побледнела и кивнула.

— Наш секрет.

— Да, наш секрет. — Я нервно улыбнулась и медленно отпустила ее. Чувства, что совершила самую страшную ошибку, не было...

Человеческое тело мне досталось мелкое и на первый взгляд хилое — под стать природной сути, но даже в нем мои представления о размерах подвала серьезно изменились. Окно не казалось уже таким далеким, и потолок на самом деле был не сильно высоким, для того, чтобы добраться до окна, понадобилось всего лишь перетащить стол к другой стене и кое-как установить на нем табуретку.

Стекло я разбила полой железной и уже основательно проржавевшей трубкой, вычистила все торчащие осколки, как могла, и на всякий случай накинула на нижний край рамы кусок порванного брезента, чтобы полностью обезопасить и себя, и детеныша от возможных порезов.

Старалась не шуметь, но все равно периодически замирала и прислушивалась, опасаясь, что нас засекли.

Не засекли.

— Эдит, сейчас я выберусь и вытащу тебя, договорились?

Девочка кивнула. Она не плакала и не капризничала, держалась изо всех сил, только спросила в последний раз раньше, чем я успела подтянуться на руках и вывалиться в оконный проем:

— Но, может, все-таки подождем, пока нас спасет папа?

— Мы с тобой и сами справимся, — сказала я. Веры в то, что волк успеет раньше, чем случится что-нибудь непоправимое, у меня не было. Зато была куча дурных предчувствий. — Ведь справимся же?

Эдит неуверенно кивнула.

Руки дрожали, когда я подтянулась вверх, цепляясь за окно, и с трудом в него протиснулась. В который раз пообещав себе начать лучше следить за человеческим телом, я огляделась, убедилась, что поблизости никого нет, и сунулась обратно в окно, опасно свесившись вниз, чтобы дотянуться до протянутых ко мне рук Эдит.

— Темно, — прошептала девочка, как только выбралась, крепко обнимая меня за шею.

— Не страшно. Я вижу достаточно.

Человеческое тело было несовершенно, нелепо и слабо, стоило сменить шкуру, как вместе с рыжей шубкой я лишалась острого слуха и обоняния и почти лишалась ночного зрения. На смену четкости приходила красочность, которая сейчас, в ночи, была бесполезна.

Но даже так, даже сейчас я действительно видела достаточно.

— Забирайся, — велела я, поворачиваясь к девочке спиной.

— Пуши...

— Анха, — сказала я, не дослушав. — Забирайся, если мы задержимся тут еще немного, я совсем замерзну.

— Хорошо, — покладисто согласилась она, но прежде, чем моих плеч коснулись ее руки, шею окутал мягкий шарф. — Не замерзай, ладно?

Пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться.

— Ты очаровательна, — выдохнула я и выпрямилась, ощущая тепло и вес чужого тела за спиной.

Придерживая девочку, я резво пустилась вперед в сторону городских огней, чьи отблески были отчетливо видны в небе над макушками деревьев.

Путь из города до складов в карете занял у нас около часа, сколько мы будем добираться пешком, я не знала... но верила сил мне хватит...

* * *

Переоценила себя немножечко.

Бредя по пустым темным улицам — а именно пустые и темные я и выбирала, — радовалась двум странным вещам: тому, что Эдит вырубилась еще на подходе к городу и теперь крепко спала, уютно сопя мне в шею, и тому, что ноги замерзли достаточно сильно, чтобы полностью утратить чувствительность. Мне не нужно было выглядеть уверенной и знающей, что я делаю, чтобы детеныш был спокоен, и мне не нужно было испытывать боль и гадать, как сильно я умудрилась поранить эти бесполезные хрупкие человеческие ноги. Запах крови преследовал меня всю дорогу до дома волка, но с ним легко было мириться.

До нужной двери мы добрались лишь на рассвете — я не искала короткий путь, я выбирала безопасные тропы и окончательно себя вымотала.

Разбудила девочку, спрятавшись в тени между двумя соседними домами напротив нужного.

— М-м-м? — сонно пробормотала она, растирая заспанные глаза.

— Мы на месте, но дальше ты должна сама, — велела я, с облегчением возвращаясь в свой привычный пушистый вид. — И запомни: о нашей тайне никому.

Позже мне придется снова перекинуться, воспользоваться ванной волка, аптечкой волка и, вероятнее всего, одеждой волка, но пока я могла обмякнуть в руках Эдит и просто безучастно отмечать, как нетороплив и неуверен детский шаг и как все отчетливее и отчаяннее становятся тихие всхлипы.

В дверь детеныш колотил, уже самозабвенно рыдая, а у меня не было сил даже на то, чтобы успокаивающе ей помурлыкать.

Дом встретил нас хаосом, запахом успокоительных и бледными лицами прислуги.

Первым делом послали весточку волку, которого в этот счастливый миг дома не было, потом девочку напоили чаем, отмыли и переодели.

Я, забытая на стуле в коридоре второго этажа — ровно там, где меня оставили, вырвав из рук детеныша, — лениво следила за бестолковыми метаниями и прижимала уши от облегченного, немного истерического смеха женщин.

Потом вернулся волк, растрепанный, не спавший всю ночь, немного безумный и подсознательно опасный, и я смогла узнать, как все складывалось тут, пока мы мерзли в подвале там.

Няньку нашли раньше, чем она успела отойти в мир иной, доставили к целителям и сообщили дурную весть Хельму.

Не успели организовать поиски ребенка, как в управление городской стражи на имя командора Йегера пришло интересное письмо, в котором неизвестные требовали отпустить на свободу свежепойманного бандита, по стечению обстоятельств оказавшегося очень важным винтиком преступного механизма.

Во имя здоровья дочери командора...

Неуместное восхищение статусом моего босса, который, оказывается, не только мне босс, но еще и всем местным законникам босс, проглотить удалось с трудом. Я по глазам Хельму видела — восхищение мое он не оценит. Он сейчас вообще мало что способен был оценить, зато убить мог бы и за косой взгляд.

— Если наше отсутствие еще не заметили, то их прямо сейчас тепленькими можно брать, — негромко заметила я.

Волк кивнул.

— Я покажу...

— Ты останешься здесь. — Он посмотрел на меня диким синим глазом, и я невольно сжалась. — С Эдит.

— Эдит уже ничего не угрожает, а я бы могла помочь вам... там.

— Чем же?

— Понятия не имею, но хочу участвовать. Пожалуйста. Я заслужила право увидеть рожи этих сволочей, когда они поймут, как

облажались.

Хельму сомневался недолго.

— Хорошо, отправишься со мной и расскажешь по дороге, как именно вы с Эдит смогли выбраться и как вернулись. Дорога от портовых складов долгая.

— Что могу сказать, босс, повезло тебе с дочерью, — фыркнула я, карабкаясь на его плечо по строгой форме городской стражи.

Эдит на все расспросы отвечала односложно или вовсе не отвечала, она была девочкой умной и ответственной и тайну нашу собиралась хранить.

И я тоже собиралась ее хранить, как самое заинтересованное лицо, а это значило, что ждала волка долгая, запутанная и невозможная даже в теории масштабная и бессмысленная болтовня.

Отряд захвата был собран быстро, вместо кареты были кони, что существенно ускорило наше передвижение.

Всю дорогу до складов я сидела за пазухой у волка, распластавшись по его груди, прижатая грубой тканью застегнутого на все пуговицы мундира, и врать могла очень сдержанно и тихо, не слыша половины наводящих вопросов.

Как бы волк ни представлял себе нашу беседу во время безумной скачки, он много чего не принял во внимание...

* * *

Для похитителей и шантажистов нерасторопная кучка полуголых сонных недоразумений, щурящихся на свет и окруживших их стражников, выглядела слишком бестолково.

И правда тепленькими взяли, подумала я, заметив, как некоторые зябко ежились, осоловело оглядываясь и мечтая вернуться под одеялко.

— Как минимум двоих нет, — негромко, на ухо волку, доложила я, не почуяв присутствие того отморозка, которого укусила вчера в парке, и второго, который ехал с нами в карете. Кареты рядом с домиком тоже не было, но сначала я не придавала этому особого значения, а теперь вот задумалась... могли ли те двое тоже быть сильно важными винтиками?

Хельму кивнул, подтвердив, что услышал и принял к сведению.

Клетка для заключенных прибыла с опозданием. Стражники успели не только осмотреть домик, но и приступить к допросу.

Я изнывала от желания поучаствовать. Хотела попробовать себя в допросах и проверить, как скоро кто-нибудь из этих самодовольных болванчиков начнет говорить, если ему поджарить пяточки.

Я знала, что люди назвали бы мой допрос скорее пытками, смутно осознавала, что такое не поощряется, хотя не понимала почему. И могла только жадно следить за стражниками с плеча Хельму.

Глава 4

Волк не поехал в управление руководить допросом, а вернулся домой и весь день просидел в спальне детеныша, в дурацком розовом кресле. Слишком низком, слишком тесном и слишком неудобном для него.

Сидел в полумраке, задернув шторы и оставив гореть лишь небольшой ночник на прикроватном столике, и смотрел. Выглядел волк при этом так, что пугал и меня, и служанок, изредка заглядывавших к Эдит.

Устроившись на спинке кровати, я хорошо могла видеть их лица, когда они замечали тяжелый, мерцающий в темноте взгляд своего хозяина.

— Морду расслабь, — посоветовала я, когда терпение мое сдохло — сил больше не было смотреть на его мрачную рожу. — Если мелкая увидит, испугается, а у нее за прошедшую ночь и без тебя плохих воспоминаний с лихвой наберется.

Хельму попытался расслабиться, но получалось у него так себе.

— Спасибо.

Я растерялась.

— За совет?

— За то, что помогла ей. — Волк все еще воевал со своим лицом и выглядел жутковато. — Эдит сказала, что вы смогли оттуда выбраться только благодаря тебе.

— Да без проблем, — пробормотала я. — Ты же меня для этого и нанял, верно? Чтобы я ее защищала.

— Чтобы ты за ней присматривала. И рассказывала обо всем мне, — поправил он меня. — Эдит не должна была оказаться в подобной ситуации.

— Ты командор городской стражи, тот самый тип, из-за которого честные преступники попадают за решетку, и ты говоришь, что никто не мог попытаться надавить на тебя через дочь?

— Эта система куда сложнее, чем тебе может показаться. А закон не идеален... — ответил он через какое-то время. — До прошлого

месяца между преступниками и законниками существовали определенные правила, но все изменилось после бойни в Оверане.

— Бойни?

— В тених началась борьба за власть, — сказал он. — Не состоящий в гильдиях сброд и мелкие шайки, чтобы не лишиться жизни, покинули столицу и разбрелись по соседним городам. Нам, расположенным к Оверану ближе всех, особенно не повезло.

Из сказанного им я вынесла только самую главную мысль:

— То есть Эдит теперь всегда будет в опасности?

— Как минимум в ближайшее время. Я приставлю к ней охрану, — пообещал Хельму.

Детеныш хрипло закашлялся в подушку.

Мы переглянулись.

— Целителя? — не очень уверенно предложила я.

Потрясение и переохлаждение пошатнули здоровье Эдит, но срочно вызванный целитель заверил, что особых причин для беспокойства нет.

— Ей нужен покой, — сказал он, важно поглаживая пушистые седеющие усы. — И эти лекарства, — добавил, протягивая Хельму внушительный список.

И ушел.

— Не многовато ли? — с сомнением спросила я со своего нового, сильно удобного насеста — с плеча волка.

— Лишь бы помогло, — решил он и велел служанке купить все.

Эдит кашляла все страшнее и дольше, вяло капризничала, отказывалась есть, жалобно шмыгала забитым носом и постоянно хотела обниматься. Со мной, что волка, взявшего на себя обязанности сиделки, сильно огорчало.

Ему приходилось уговаривать Эдит поесть и выпить лекарства и читать до хрипоты сказки, а обнимали только меня. Диковатые взгляды служанок доставались тоже почему-то только мне, хотя чудить изволил их хозяин.

В какой-то момент — глубокая ночь уже плавно перетекала в сильно раннее утро, волк совсем недавно влил в детеныша очередную порцию лекарств и дремал в розовом кресле — я почувствовала исходящий от Эдит жар и всерьез всполошилась. Это я должна была быть теплее нее, это она должна была греться о меня, а не наоборот.

Чтобы не переживать в одиночестве, я разбудила Хельму, и до самого утра мы вместе сидели над неправильно горячим ребенком, дожидаясь, когда подействует жаропонижающее.

И вместе, вздрогнув, проснулись, когда покой в доме нарушила гостья.

Разрываясь между желанием еще поспать и здоровым тарсовским любопытством, которое требовало узнать, кто там заявился, я решила ни в чем себе не отказывать и поехала вниз, на первый этаж, на плече волка. В полудреме, на всякий случай вцепившись в его волосы и слабо покачиваясь в такт шагам.

У входа, быстро стягивая перчатки и одновременно пытаюсь расстегнуть пальто, стояла блестяшка. Но сегодня она была какая-то не такая. На кремовом пальто и перчатках в тон не было ни камешка, в ушах скромно сверкали маленькие сережки, на пальцах, кроме обручального кольца, никаких украшений, и под длинными рукавами строгого синего платья не виднелось никаких браслетов. И даже в волосах, темных и вьющихся, совсем таких же, как у Эдит, не блестели заколки, хотя сложная прическа располагала...

Я чувствовала себя обманутой.

— Юстина, откуда ты здесь? — Изумленный волк по ступеням спускался медленно. Блестяшка успела скинуть на руки слуги пальто, изящным жестом поправить волосы и вспорхнуть к Хельму, успевшему добраться лишь до середины лестницы.

— Я слышала, что случилось, — сказала она, взяв волка под руку и подталкивая вверх. — Как я могла не прийти?

— Ты поняла, о чем я. Разве ты не отправилась с Вертом в столицу?

— Ну поехала, — согласилась она. — А потом приехала.

— Когда?

— Вчера днем.

Хельму усмехнулся.

— Тебя хватило всего на три дня?

— Верт совсем про меня забыл, друзей в Оверане у меня никогда не было, разумеется, я заскучала.

— Твой муж уехал по делам, — напомнил волк с упреком. — Ты сама напросилась с ним.

Блестяшку это почему-то разозлило.

— Ты должен быть на моей стороне. Я же всегда была на твоей! — Она встретилась со мной взглядом и запнулась. — Ну здравствуй.

Хельму покосился на меня.

— Будь дружелюбнее, — велел он. — Только благодаря этой тарсе твоя племянница сейчас дома.

Блестяшка попыталась улыбнуться и подалась ко мне, желая почесать за ухом.

Я зашипела.

В наступившей сразу за этим тишине было хорошо слышно, как тяжело кашляет Эдит за полуприкрытой дверью.

* * *

Эдит с блестяшкой — Юстина, волк звал ее Юстина — очень похожи, это несложно было заметить, когда они находились рядом. Темные вьющиеся волосы, темные глаза, даже в том, как они улыбались, было что-то схожее.

Гордо заняв подлокотник розового кресла и следя за этими двумя, я гадала: как сильно Юстина похожа на мать Эдит? Старшая она в семье? Младшая? А главное — что случилось с ее сестрой?

Волк спал, обмякнув в кресле. Эдит послушно улыбалась блестяшке, но не могла оторвать от меня взгляда. Ее распирало от любопытства, возможно, она хотела еще раз посмотреть на «девочку», а вместо этого должна была поддерживать беседу со своей поблекшей тетей. Простить блестяшке отсутствие украшений я не могла.

Чувствовала себя Эдит уже лучше, хотя кашляла страшно.

Блестяшка пробыла с детенышем до самого вечера и выглядела искренне обеспокоенной ее здоровьем. О том, что случилось вчера и как Эдит добиралась домой сквозь ночной город, она тактично не спрашивала, обошлась коротким отчетом, полученным от Хельму. Я слышала, как они шептались, обсуждая возможности детского тела и расстояние от портовых складов до центра города.

Юстина покинула дом после ужина, пообещав заглянуть завтра. Волк вызвался сопроводить ее до дома. Уже внизу, готовясь к отбытию, негромко сообщил кому-то из слуг, что, доставив леди домой, заедет

ненадолго на работу, велел проследить, чтобы Эдит легла спать вовремя, и ушел.

Я сидела на подоконнике и из окна следила за тем, как Хельму помог блестяшке забраться в карету, потом забрался сам и почти сразу после этого экипаж тронулся. Цокот копыт по мостовой было хорошо слышно даже сквозь закрытое окно.

— А ты сделаешь еще раз «пуф»? Как тогда? — тихо спросила Эдит, подкравшись ко мне.

— Не было никакого «пуф», — сказала я, оборачиваясь. — И кто разрешил тебе покидать постель?

Девочка насупилась, но в кровать вернулась и только после того, как накрылась одеялом, жалобно спросила:

— Значит, «пуф» не будет?

— Будет, — пообещала я. — Но позже.

Не хотелось бы, чтобы меня застали в детской в моем человеческом виде... Я не обманывалась и прекрасно понимала, что выгляжу в том дурацком теле как последняя преступница.

Эдит измучилась в ожидании нужного момента, когда дом наконец затихнет и все слуги разойдутся — кто-то вернется в свою квартирку, кто-то отправится в комнату в пристройке за домом.

Нужный момент настал ближе к полуночи.

На этот раз я превращалась осторожно, перетекая из одного тела в другое, но, даже несмотря на мою неторопливость, заметить момент превращения детенышу не удалось. Это вызвало тихий разочарованный вздох.

— Видишь — и никакого «пуф», — самодовольно усмехнулась я. Ощущения нового тела пришли с легкой задержкой, и самодовольной пробыла я недолго.

Не больше секунды, а потом, ойкая, едва доползла до кресла и рухнула в него. Ноги горели, спина ныла, и шея была как деревянная. Я уже хотела вернуться обратно, в свой надежный пушистый вид, но восторженный взгляд Эдит заставлял терпеть.

На меня никогда так не смотрели.

— Это... — Она выбралась из кровати и крадучись двинулась ко мне. — Ты оборотень, да?

— Нет. Я нечисть. Знаешь, в чем разница?

Детеныш медленно покачал головой, остановившись в шаге от меня.

— Обратни рождаются людьми и только потом пробуждают в себе зверя, у нечисти все наоборот. Мы рождаемся животными, и некоторым из нас удается разбудить в себе человека. Сомнительное удовольствие, конечно... — Я осеклась на полуслове, поймав себя на том, что чуть было не начала жаловаться ребенку на сложную жизнь вполне осознающей себя личности, застрявшей в теле животного. Я очень часто жалела о том, что пробудилась, что стала высшей нечистью и понимаю все, что со мной происходит. Особенно сильно жалела, когда порой возвращалась в леса и видела, как живут мои братья. Их жизнь казалась такой простой... — И если кто-нибудь узнает о том, что я так умею, меня закроют в какой-нибудь лаборатории и разберут на образцы, понимаешь?

Эдит недолго помолчала.

— Это больно?

— Больно, — подтвердила я. — И обидно очень.

— Я никому не расскажу, — пообещала она. — Это наш секрет.

И я ей верила. Но еще я верила, что в случае чего успею сбежать раньше, чем меня поймают, и никто не сможет проверить, являются ли правдой невероятные слова ребенка.

Эдит потянулась потрогать мои волосы, но не решилась, да так и замерла с забавно вытянутой рукой.

— Можно, — разрешила я.

Простая ласка для человеческого тела оказалась настолько неожиданно яркой, что я невольно отпрянула, вжимаясь в спинку кресла.

Девочка тут же отдернула руку и спрятала за спину.

— Прости. Просто... прости. — Я не совсем понимала, вина ли в том, что это тело чувствительнее, чем пушистое, или просто с непривычки, но на коже, там, где до нее дотронулись пальцы детеныша, все еще отчетливо ощущалось это касание. Эдит каждый день гладила меня между ушами, и ничего, кроме слабого удовольствия, я не чувствовала. А сейчас... Почесав голову, я смущенно улыбнулась. — Я тебя напугала?

Эдит неопределенно повела плечами и севшим от восторга голосом прошептала:

— У тебя клыки.

Я тут же перестала улыбаться.

— Совсем как у папы, — добила меня мелкая.

Сравнение хуже придумать она, конечно, не могла...

Меня передергивало от одной мысли о том, что у нас с этим скучным недоволком может быть что-то общее.

— А Марта говорила, что носить короткие волосы неприлично, — добавила Эдит непосредственно.

— Когда это она такое говорила?

— Когда я хотела подстричься. — Она вздохнула. — Вот почему мальчикам можно ходить с короткими волосами, а девочкам нельзя?

— Ну... говорят, длинные волосы вроде как красиво.

Рука непроизвольно потянулась к моим коротким, едва достававшим до плеч. По меркам людей я, наверное, была очень страшненькой... Рыжая, да еще и без косы.

— Но ты же и так красивая, — наивно удивилась Эдит, ощутило подняв мне настроение. Вкусы у девочки, конечно, были какие-то странные, стоило только вспомнить, как радовалась она тощей ушастой крысе, но мне все равно были приятны ее слова.

— Спасибо, — сказала я смущенно. — А теперь спать, — добавила безжалостно.

И никакие тяжелые вздохи и грустные глаза не могли меня разжалобить.

Убедившись, что детеныш устроился в постели и задремал, я как можно осторожнее, стараясь не разбудить Эдит и одновременно не очень-то нагружать израненные ноги, выбралась в коридор.

Где здесь находится ванная, я знала, как пользоваться благами безбедной жизни, выучила еще в первый день, пока меня мыл Хельму, а детеныш следил, чтобы все было сделано правильно. Тогда я жутко злилась на волка, а позже, поближе познакомившись с последствиями нежности Эдит, осознала, что, если бы тогда безотказный отец пошел на поводу у своей дочери и позволил ей самой меня мыть, я бы просто утонула. Неприятно это было признавать, но, кажется, Хельму меня тогда спас. А я ему в благодарность все руки исцарапала... м-да.

Отмывалась я долго, с удовольствием и под конец чувствовала себя просто неприлично чистой. Желания натягивать на себя грязную одежду, сваленную кучей у двери ванной, у меня не было.

В коридор я выскользнула, ежась от легкого ветерка, морозящего влажную кожу, прокралась по темному коридору, сильно прихрамывая, оставляя влажные — но не кровавые, точно не кровавые — следы на полу, и остановилась перед спальней волка.

Найти ее было несложно. Только от этой двери шел сильный звериный запах, как от волчьего логова.

Инстинкты требовали не дурить и убираться, здравый смысл же требовал противоположного. Найти одежду, которая на меня бы налезла, я могла только в комнате Хельму.

Не спускаться же мне вниз за аптечкой голой. Холодно, и люди почему-то обычно плохо реагируют на обнаженное человеческое тело. Будто у них под одеждой все не так и ничего подобного они раньше в глаза не видели...

Дверь я открывала медленно. Задержала дыхание, когда в нос ударил густой волчий запах. Так и не скажешь, что живущий здесь оборотень — калека и перекидываться не может.

Комната Хельму разительно отличалась от комнаты Эдит. Никаких персиковых шелковых обоев или светлых деревянных панелей, никакого кружева, никаких атласных лент и цветочного рисунка.

Все темное, однотонное, неудобное до жути. Не спальня...

— И правда логово, — пробормотала я себе под нос, с опаской входя внутрь.

Ночного зрения мне было достаточно, и я могла бы не включать свет, но я его все равно включила. Надеялась, что хотя бы освещение немного раскрасит эту унылую атмосферу.

Чуда не произошло. Комната оставалась все такой же неудобной, просто теперь я лучше ее видела. Задерживаться здесь дольше необходимого мне совсем не хотелось.

Обойдя кровать, я подкралась к большому шкафу и на мгновение замерла перед ним. Было ощущение, будто из темного нутра на меня выскочит волк, как только я открою дверцы.

Глупость же! Я видела, как он уезжал, и не слышала, чтобы возвращался. И зачем ему сидеть в шкафу?

Я понимала все это, но дверцу потянула с опаской, готовая в любой момент отскочить и сбежать. Слишком сильным был запах хищника в этой комнате, нервы просто сдавали.

Из шкафа на меня ожидаемо никто не выпрыгнул.

Подбодрив себя жалким хихиканьем, я начала перебирать рубашки Хельму. Выбирала самую удобную и приятную на ощупь... раз уж была такая возможность. Прошлая моя рубаха, которая все еще валялась в ванной, была из какой-то грубой ткани и царапала кожу.

Рубашку я выбрала быстро.

Моя новая одежда на ощупь была гладкой, льнула к телу как вторая кожа и едва ощущалась.

Я обворовала целого оборотня и чувствовала себя замечательно. Пригладив на боках свое новое приобретение, нащупала пальцами странную выпуклость — вышитые на ткани инициалы переплетались между собой в причудливый рисунок. Хельму, наверное, носил их где-то под ребрами, у меня же они оказались на бедре.

Помеченная рубашка мне сразу же разонравилась, но, перещупав еще три, я пришла к неутешительному выводу: они все тут такие.

Вдруг повезет, подумала я и взялась за проверку всего волчьего гардероба.

За этим ответственным занятием меня и настигло злоеющее покашливание.

— Не припомню, чтобы у меня была назначена встреча этой ночью, — холодно сообщил Хельму.

Окна его спальни не выходили на улицу, я не могла услышать, как он вернулся, но поняла это слишком поздно.

Была беспечна и теперь рисковала лишиться хвоста.

В лучшем случае только хвоста.

Зажмурившись и бессознательно скомкав в пальцах рубашку, я напряженно прислушивалась к тихому шагу приближавшегося оборотня.

— Ты меня слышишь? — позвал он.

Еще три шага — и можно бежать, прикинула я.

Пока он обходил кровать, я могла перескочить через нее, спуститься вниз, быстро перекинуться и спрятаться, оставив заднюю дверь открытой.

И пусть волк до облысения ищет воровку, посмевшую умыкнуть его рубашку. Только рубашку, потому что поживиться блестяшками я не успела.

У Хельму были чудесные запонки, и, судя по тому, как часто он их менял, запонок было много, пропажу нескольких комплектов он бы и не заметил. А мне сокровищницу пополнять нужно было.

А теперь ни сокровищницы мне, ни целой своей шубки...

Волк подошел достаточно близко.

Сейчас, поняла я и рванула к двери. Проблемы начались сразу же: я не рассчитала мягкость кровати и чуть не запуталась в стеганом покрывале — теплые пальцы скользнули по моей ноге, но сжаться на лодыжке не успели.

Хельму коротко ругнулся, я кубарем свалилась на пол, поражая саму себя, пружинисто подскочила и вывалилась в коридор, где чуть не растянулась на полу, запнувшись за порог.

Волк преследовал молча. И настиг меня на лестнице.

Я была уверена, что легко справлюсь со спуском, перепрыгивая через ступени.

Перепрыгнуть успела три, потом уже в полете была поймана за шиворот и рухнула на лестницу.

Сначала показалось, что шею медленно пилят тупым ножом, потом появилось чувство, что еще несколькими тупыми ножами тыкают мне в спину и поясницу.

Я стонала и ругалась. Ругалась сквозь слезы.

Болело все.

Но больше всего болела гордость.

— Что смотришь, волчара беззубый? — прохрипела я, когда над мной появилось хмурое лицо Хельму. — Исчезни, чудовище. Чтоб тебя кто-нибудь так же приласкал, как ты меня только что.

— Кто ты такая? — спокойно спросил он, не предпринимая попыток помочь мне подняться.

— У-у-у...

Свет в коридоре резко вспыхнул, ударив по глазам, и я застонала еще жалобнее, по щекам потекли слезы, не успела ведь с ночного зренья на обычное перейти. Хельму рядом глухо ругался, массируя пальцами зажмуренные веки, ему тоже досталось, и от этого я испытала мстительное удовольствие.

Быстрая дробь маленьких босых ножек на втором этаже несла с собой огромные проблемы, избежать которые не хватало времени.

Напуганная Эдит показалась в начале лестницы, сверху вниз глядя на нас. Несколько секунд ошалелой тишины закончились звонким и нервным:

— Не смей обижать Анху, она хорошая!

Прикрыв глаза дрожащей рукой, я обмякла.

— Анху, — повторил волк странным голосом.

Глянув на него сквозь пальцы, я наткнулась на мрачный оценивающий взгляд, которым Хельму прошелся по мне. От макушки до израненных ног.

— Теперь вы мне расскажете, что на самом деле случилось прошлой ночью.

Сверху слышалось виноватое «ой» и душераздирающий кашель.

* * *

Рубашку забирать волк не стал, мои старые вещи собственноручно выкинул и вернулся в комнату Эдит с аптечкой.

Детеныш сидел на своей постели и старательно вытирал мокрые щеки. Она чувствовала себя виноватой, хотя облажалась тут именно я.

Это я была слишком беспечной, и я попалась на глаза оборотню, это меня он поймал, это я сама себя выдавала.

Но Эдит все равно плакала и просила прощения.

Ко мне, сидящей в проклятом розовом кресле, она не подходила — папа запретил.

— Ты не выглядишь удивленным, — заметила я, когда волк опустился на ковер у моих ног, поставив рядом аптечку.

— Всегда ходили слухи, что высшая нечисть от людей что-то скрывает.

— Всегда?

— Сколько я себя помню. — Он поднял на меня взгляд. — Я никогда в это не верил, но, знаешь, теперь не могу отделаться от мысли, что моя Рэйя в академии тоже была такой, как ты.

— Рэйя?

— Грозовая соколица, — пояснил он и усмехнулся. — Характер у нее был сложный. Когда я освободил ее после завершения учебы, в

благодарность Рэйя чуть не выклевала мне глаз.

— Сложный, — фыркнула я. — Вот у меня характер сложный, а у Рэйи твоей он был просто поганим. Радуйся, что отделался так легко.

Хельму хмыкнул и начал обрабатывать мою левую ногу. Ощущения были ужасные. Порезы и царапины жгло от обеззараживающей жидкости, и одновременно с этим от прикосновений волка было щекотно и тепло. Кожу там, где ее касался Хельму, хотелось почесать, чтобы стряхнуть ощущения от его рук.

— Давай все-таки я сама, а?

— Сиди смирно, — велел он, не поднимая головы.

Эдит перестала плакать и теперь смотрела на нас с любопытством, даже поближе подползла.

Я улыбнулась ей всеми своими клыками, мне казалось, девочке это должно понравиться, но в ее глазах снова появились слезы, и она зашмыгала носом.

Никогда не понять мне человеческих детенышей...

— То есть ты самый настоящий боевой маг? — спросила я, искоса следя за Эдит. Смотреть на нее прямо опасалась, вдруг опять плакать начнет. — Из тех магов, которых нечисть не любит особенно сильно и которым желает всегда всего самого плохого?

— Вероятно.

— И что дальше?

— М-м-м?

— Ну, ты сидишь тут, обрабатываешь мои раны... Когда пойдешь рассказывать всем, что я в человека превращаюсь?

— Никогда. Я отдаю себе отчет в том, что с тобой сделают, если узнают правду. — Хельму серьезно посмотрел на меня. — Не думаю, что могу позволить этому случиться. Ты спасла мою дочь.

Я посмотрела на Эдит, та гипнотизировала взглядом спину волка и нервно теребила ухо своего плюшевого чудовища. Мне сложно было представить, в каком интересном состоянии должен был пребывать мастер, сотворивший это розовое жутковатое нечто, не похожее, кажется, ни на одно живое существо на всем белом свете, но детеныш почему-то утверждал, что розовый монстр с огромными ушами просто вылитая я.

— Спасла твою дочь, да? — повторила я неторопливо, пробуя слова на вкус.

Они были такими весомыми, важными, а главное — настоящими.

— А ведь и правда спасла, — с веселым удивлением сказала я. — Слышишь, мелкая, я тебя спасла!

Эдит неопределенно шмыгнула носом.

— Ну ладно... я спасла нас, но это ничуть не преуменьшает моей героичности.

— Не преуменьшает, — согласился волк, крепче сжимая пальцы на моей лодыжке, — а теперь будь добра, успокойся и перестань дергаться.

Я притихла, но только для того, чтобы севшим от осознания собственной наглости голосом потребовать:

— Слушай, босс, а давай я тебе тех сбежавших похитителей найду, а?

— Что? — удивился он.

— Что? — встрепенулась Эдит.

— А что? — не поняла я.

Глава 5

Что это была плохая идея, я поняла на третий день бесплодных блужданий по городу и даже немного поругала себя за импульсивность. Поддалась моменту, почувствовала свою мнимую важность, захотела, чтобы волк еще раз признал мою полезность, и... ну правда, оно само как-то вырвалось.

Необдуманное, наивное предложение, едва ли имеющее надежду на удачный исход.

Описать внешность тех двоих не смогли ни пойманные похитители, ни мы с Эдит. Но если детеныш был напуган и мог не запомнить мимолетно виденные лица — в карете на того мужика она очень старательно не смотрела, боялась, — а я в принципе лица в зверином облике не способна была запомнить, то склероз похитителей выглядел странно.

Хельму говорил, что они не врут, что они не могли соврать *его* дознавателю, Хельму подозревал, что во всем виновата магия, Хельму случайно обмолвился, что единственная ниточка к непоиманным похитителям — это я. Потому что я сумела запомнить их запах. А я впервые в жизни почувствовала себя настолько полезной, а главное — нужной... И повела себя очень самоуверенно.

Но это совсем не объясняло, зачем я так яростно спорила с несогласным Хельму и пыталась успокоить напуганную моим предложением Эдит. Чтобы теперь отмораживать хвост, лапы и самое главное — нос?

Воодушевление после победы над волком прошло в первый же день. Да, Хельму неохотно согласился с моим предложением, хотя потом, когда детеныш все же лег спать, а я еще не успела вернуться в свой пушистый вид, долго и нудно угрожал, приперев к стене в коридоре. Чтобы не думала даже сбегать и расстраивать его драгоценную дочь, чтобы не создавала проблем, чтобы не чудила, не дурила, и вообще:

— Если тебе покажется, что ты нашла кого-то из подозреваемых, сразу возвращайся ко мне, поняла?

— Так точно, босс!

— Анха, я не шучу. Сама ничего не пытайся сделать.

— Я дорожу своей шкурой и рисковать ею не буду, — заверила его я.

О том, что эту же шкуру мне придется промораживать на улице, я тогда совсем не подумала. В тепле и сытости воспоминания о злой зиме как-то поблекли и перестали меня пугать, а зря.

Три дня я покидала дом утром вместе с волком и возвращалась с ним же вечером, но все еще ничего не нашла.

В управлении стражи было шумно и интересно, но там я появлялась редко и ненадолго, на улице же, наоборот, холодно и скучно, а я вынуждена была торчать на морозе и искать.

Если бы я попросила, волк разрешил бы прекратить, перестал бы брать меня с собой и никогда бы не вспомнил о моем самонадеянном предложении. И именно поэтому я не могла попросить. Ну и еще немного потому, что найти похитителей было необходимо.

Все остальные неудачники, пойманные в домике рядом с портовыми складами, оказались простыми наемниками и ничего толком не знали.

Им заплатили за то, чтобы подержать ребенка в подвале несколько дней, а потом отдать тому, кто приедет его забирать. Кто это будет, они не знали, зачем нужен ребенок, они не знали.

Все, что от них требовалось, — выполнить свою часть работы и не попасться страже. И с этим они не справились.

С какой стороны ни посмотри, они оказались совершенно бесполезны...

На четвертый день, получив по носу веником от недоброго дворника, едва унеся лапы от стаи диких псов и поцапавшись с вороной, я была как никогда близка к тому, чтобы сдаться. Терпения во мне никогда не было достаточно. Но когда вечером я вернулась в управление, на вопрос волка: «Как?» — упрямо повторила то, что говорила каждый день:

— Завтра точно найду.

И на пятый день, на закате, не веря своему носу, я действительно нашла. Не в бедных кварталах или сомнительных подворотнях, не там, где ожидала найти и где так усердно искала.

А в мирном жилом районе, где снимали квартиры и комнаты обычные люди.

Четырехэтажный домик из белого кирпича выглядел как игрушечный.

В окне первого этажа можно было увидеть нежно-голубые шторы в цветочек, на третьем этаже сразу под всеми пятью окнами висели кованные подоконники с присыпанными снегом ящиками, в которых летом цвели цветы.

В таком доме не было места человеку, способному похитить маленькую беспомощную девочку, но запах, смешанный с сигаретным дымом, шел именно из этого дома, из приоткрытого окна на первом этаже.

* * *

В управление городской стражи я неслась не чувствуя лап и жалея, что у меня нет крыльев, когда на пути возникали сложнопреодолимые преграды. Как бы замечательно было просто парить над крышами домов, вместо того чтобы метаться между людьми, слыша вслед ругательства и обещания страшной расправы.

И почему я не пернатой родилась?

Трехэтажное здание управления, основательное такое, из серого камня, находилось прямо напротив Центрального Банка страны, на центральной, самой большой и популярной среди горожан площади.

Людей у главных дверей управления всегда было много, это я усвоила еще в первый день. И больше никогда не ходила этим опасным для мелких зверей путем, предпочитая обходную дорогу, которой пользовались стражники, доставляя или забирая преступников: по тихой мрачной улочке, неожиданно хорошо освещенной и чистой для подобного места.

У задней двери управления часто стояла усталая лошадь, запряженная в повозку с демонстративно зарешеченными окошками. Волк говорил, что для стражи повозки делают особые, укрепляя каркас и добавляя заговоренные стальные прутья не только на окна, но и под обшивку. Еще он говорил, что раньше использовались клетки, установленные на телегах, и был в этом какой-то существенный минус... но дальше я его, как правило, уже не слушала.

Сегодня лошади не было.

Я пролетела мимо двери, завернула за угол и, с разгона вспрыгнув на узкий подоконник, забралась по раме на козырек и по стене, цепляясь когтями за выступы и трещины, доползла до нужного окна. Поскреблась в стекло и через несколько секунд уже грела отморозенный хвост в кабинете командора.

Мой сбивчивый эмоциональный рассказ он выслушал с невозмутимым видом, потом так же спокойно приказал своему помощнику собирать отряд.

Сам он, конечно же, собирался ехать вместе с отрядом и ловить негодяя. Слишком велик был интерес волка в этом деле, и некому было запретить ему во всем этом участвовать.

— Я с тобой, — прошептала я, когда за помощником закрылась дверь. — Я полезная.

— Конечно, со мной. Как мы без тебя его найдем? Только без глупостей.

— Так точно, босс! — радостно твякнула я. — Но вообще-то, мог бы уже начать мне доверять. Я нечисть разумная, сообразительная, способная и очень талантливая.

— Хм-м-м, — ответил он и поднялся, неторопливо собираясь.

* * *

В квартире на первом этаже жил наш непойманный похититель — мерзкий тип с прокушенной рукой. Я его по забинтованной ладони узнала, заметила посеревшую, давно не обновляемую повязку, когда мужик в окно от стражи бросился, и даже заскулила от восторга.

Не ошиблась! Нашла!

Развивалось все не совсем так, как я себе представляла, но получалось даже интереснее.

На лестничной площадке стонали снесенные магической ловушкой стражники, в дверном проеме, вцепившись в косяк рукой и чудом удержавшись на ногах, хрипло ругался волк, прижимая ладонь к обожженным светом глазам.

А преступник уходил...

С улицы слышались требования сдаться, потом странный звук и сразу за ним сдавленные стоны.

— У него артефакт, — прохрипел Хельму.

И я запоздало сообразила, что мне сильно повезло.

Во-первых, потому, что волк, как только узнал, из какой квартиры пахнет преступником, велел мне оставаться на улице. Во-вторых, потому, что я не послушалась и увязалась следом, но кралась позади, под действие артефакта не попала, единственная осталась невредимой и могла продолжать преследование.

— Я его поймаю! — пообещала волку и, в три прыжка преодолев маленькую комнатку, выпрыгнула в окно.

Стражники лежали прямо на дороге, держась за головы и жалобно постанывая, прохожие жались к домам на другой стороне улицы, со страхом и одновременно нездоровым интересом вытягивая шеи, чтобы заглянуть в оскалившийся осколками стекла оконный проем.

Запах вел меня в переулок между домами.

Туда я и собиралась бежать, когда рядом со мной приземлился Хельму.

— Веди, — коротко велел он.

Сейчас волк выглядел совсем жутко. Кожа его посерела, глаза запали и покраснели из-за лопнувших сосудов. Губы посинели... Не волк, а жутик полудохлый.

— Тебе бы к целителю.

— Веди! — рявкнул он, добавив немногим спокойнее: — Сейчас сам не справлюсь. Не чувствую запахов.

— Слушаюсь, босс, — неохотно сказала я.

След был четким, идти по нему было легко, и я могла бы прибавить скорость... если бы не Хельму.

Он не успевал за мной, шатался и рисковал упасть в каждом из узких проходов между домами, что мы прошли, но упрямо брел вперед.

Это могло бы беспокоить меня очень сильно, но даже не в самом лучшем состоянии волк оказался достаточно быстрым, цель мы догоняли.

На одном из перекрестков наша жертва наступила на осколок, и воздух наполнился запахом крови, а на грязном, подтаявшем снегу появились приметные красные пятна.

— Неудачник, — пробормотала я довольно. Когда окно собственной квартиры выбивал и в снег выпрыгивал — не

поцарапался даже, а тут на осколке какой-то бутылки так себе ногу распорол...

— Поторопись, — хрипло велел волк, цепляясь побелевшими пальцами за стену. Выглядел он как человек, которому уже совсем некуда торопиться и осталось только лечь вот прямо тут и отойти к предкам. Чем бы его в той квартире ни приложило, сильная была штукавина.

Я промолчала, оставив свои наблюдения при себе, и начала активнее перебирать лапами. Хельму сначала серьезно отстал, но скоро подстроился под новый темп и нагнал меня, нарушая зловещую тишину пустых подворотен хриплым натужным дыханием.

Закат окончательно потух где-то на середине нашей погони, погрузив всех нас в зимнюю ночь. По сравнению с летней она была не такой глубокой и непроглядной, и только поэтому я смогла разглядеть в снегу у стены одного из домов блекло поблескивающий бок странного камня.

— Смотри, — я подхватила его и вернулась назад, к упрямо идущему за мной волку, — странный какой, а?

Камень и правда был странным. Он будто состоял из двух частей, неровно скрепленных посередине. Синий прозрачный камень и красный держались вместе за счет черной матовой закаменевшей субстанции. Даже мне с моими скудными познаниями в магии было ясно, что камешек этот был создан человеком и, судя по выцарапанным на одной стороне символам, сделали его не для красоты.

— Амулет, — сказал Хельму, лишь мимолетно глянув на исцарапанный бок, и засунул камень в карман кителя. — Двухзарядный. Пустой.

— Это мы сейчас что, самого настоящего артефактора преследуем? — удивилась я.

В моем представлении все артефакторы были утонченными, обязательно немолодыми дядечками, с аккуратной бородкой, ухоженными руками и поблескивающим на длинном носу пенсне — как тот один-единственный их представитель, что как-то повстречался мне. И пахло от них химическими реагентами и крепким кофе, а не злобой и дешевым табаком.

— Не думаю. Я видел момент активации. — Волк еще раз потер глаза — за увиденное ему пришлось заплатить. — Едва ли этот человек часто держал зачарованные предметы в руках. Работа с амулетом была бестолковой и неловкой.

— Зато действенной, — не смогла промолчать я. — Все твои люди остались валяться там же, где их амулет и настиг. Да ты сам скоро свалишься.

Волк скрипнул зубами и будто назло мне ускорился.

Можно подумать, у него были силы на подобные глупости...

Когда до нашей цели оставалось буквально двести метров, Хельму держался уже исключительно на чистом упрямстве, а я готова была молиться матушке природе, луне и любым человеческим богам, лишь бы он не свалился к ногам нашей жертвы. Неловко получится, право слово.

В конце очередного переулка нас ждал тупик, высокая стена, ржавая лестница и мужик, упорно ползущий по ней наверх. На крышу.

Загрызу, решила я на бегу, длинными прыжками покрывая расстояние, разделяющее меня и лестницу. Нет, сначала прожарю до хрустящей корочки, а потом загрызу...

Волк что-то крикнул мне в спину, но я не расслышала, а останавливаться и переспрашивать не было времени.

Лестница под мужиком стонала и шаталась.

Я спешила изо всех сил, но настигнуть его смогла уже только на крыше.

Вцепилась с аппетитом в его ногу, прокусив штанину, и с удовольствием вгрызлась зубами в жесткое жилистое мясо.

Мужик ахнул, глухо матерясь, схватил меня за шкуру, желая оторвать от своей ноги, — вероятно, куска мяса ему для меня было не жалко, потому что разжимать челюсть я не планировала и он должен был бы это понимать.

Когда пропахшие табаком пальцы сжались на моем загривке, я глухо рыкнула и на выдохе резко выпустила на свободу пламя. Огонь обжег внутренности и вырвался наружу.

Мужик бессвязно взвыл и отдернул руку, позволив мне основательно вцепиться всеми четырьмя лапами в его ногу.

Штанина подо мной занялась мгновенно, и скоро запах горячей ткани смешался с вонью от жженных волос и жарящегося мяса. Мужик

вопил на одной ноте, размахивая ногой, чем только сильнее разжигал огонь.

Спустя несколько мгновений он додумался рухнуть в снег, мне пришлось отпустить ногу и смотреть, как он, скуля и матерясь, барахтается, сбивая пламя.

Небольшой холщовый мешочек, выскользнувший из кармана его штанов, я заметила, но ослепленный болью, основательно прожаренный похититель этого даже не почувствовал.

— Что ты с ним сделала? — хрипло спросил Хельму, с трудом забравшись на крышу.

Я была уверена, что сил ему не хватит, и теперь испытывала приятное удивление. И даже немного им гордилась.

Волк умел впечатлять.

— Покарала, — отчиталась радостно, отступая в сторону и загораживая собой мешочек. — А ты не торопился.

Хельму что-то невнятно рыкнул, подошел ко все еще подвывающему похитителю и какое-то время его разглядывал.

— Он Эдит ударил, — сочла своим долгом пожаловаться я.

Лицо Хельму потемнело.

— Давай его тут быстренько порешим, а в управлении скажем, что не поймали, а?

Тишина затягивалась, мужик затихал, волк всерьез рассматривал мое предложение.

— У него могут быть важные сведения, — наконец неохотно отказался он и совсем неласково вырубил поджаренного одним ударом.

— Скучный ты, — вздохнула я. — Есть же второй. Его я бы тебе тоже нашла.

— Разговорим этого, — ответил волк, медленно, тяжело закинув обмякшее тело на плечо. — Получится быстрее.

— Тебе же так неудобно.

— Его нужно как-то спустить. — Волк дернул плечом, поправляя свою ношу. — Возвращаемся.

На самом краю он опасно покачнулся, заставив мое сердце на мгновение остановиться. Сомнений не было: с этим ненормальным волком я очень сильно рисковала в скором времени из рыжей превратиться в седую. Перспективка не радовала.

Пока Хельму спускался вниз вместе с поджаренным, у меня было время посмотреть, что такого интересного хранилось в мешочке.

Потянула за тесемку и задохнулась от восторга.

— Сокровища, — сдавленно прошептала я, жадно вглядываясь в мерцание камешков. Это были не просто блестяшки, это были блестяшки, полные магии. Драгоценные камни, кольца, цепочка с изумрудом... Все такое красивое, вкусное, удивительно-невероятное.

Из всего этого богатства особенно выделялись золотые часы. Они были самым большим сокровищем, но совершенно не магическим.

Что забыли обычные, пусть и дорогие, часы среди этих богатств, я не знала, но спустя несколько мгновений, когда снизу послышался недовольный голос волка, поняла страшное: все это мне придется отдать ему.

Потому что это у-ли-ки. Отвратительное слово, от которого горчило на кончике языка.

Все... но, возможно, стоит просто предположить, что часы, бесполезная, в сущности, вещица, уликой не были. Потому что они без магии. Наверное, по ошибке попали в мешочек.

И нет смысла отдавать и их тоже, только волка ими запутаю. Он решит, что часы сильно важные, начнет искать, уйдет совсем не в ту сторону, потому что не будет знать, что на самом деле это всего лишь блестяшка. Моя прекрасная блестяшечка...

— Анха! Мне тебя долго еще ждать?! — рявкнул снизу злой волк.

Я вздрогнула, воровато огляделась и быстро закопала часы в снегу.

— Я скоро вернусь за вами, мои золотые, — пообещала, нежно похлопав лапкой снежный холмик, стянула тесемкой края мешочка, ухватила его зубами и быстро спустилась вниз, к нетерпеливому оборотню.

— Это что? — спросил он.

Поджаренный лежал у стены прямо в снегу, Хельму сидел рядом с ним, бледное лицо пошло нездоровыми красными пятнами, и я бы непременно забеспокоилась, не приметь снег, прилипший к вороту кителя.

Я бы на месте волка растираться снегом из сомнительной подворотни не стала, а я тарса, нечисть дикая и не то чтобы брезгливая... здравомыслящая просто.

— Это вот его. — Я протянула мешочек волку, махнув хвостом в сторону похитителя. — Выпал, когда он по снегу катался.

— И что там? — спросил волк, уже заглядывая внутрь.

— Блестяшки, — выдохнула я, алчно следя за покачиванием мешочка.

— Хм-м-м...

— Нам бы вернуться, — напомнила я, с трудом переведя взгляд на лицо Хельму. Ночи я не боялась, особенно в такой представительной, пусть и потрепанной, компании, но дома ждала Эдит, а мы уже серьезно задержались.

— Да, — сказал волк, попытался подняться, но не смог.

Коротко выдохнул, нахмурился и попробовал еще раз. И еще.

— Все, ты сегодня находился, — сказала я, когда у него ничего не вышло и с четвертого раза. — Посиди здесь, а я кого-нибудь из твоих приведу.

— Анха...

— Seriously, босс, тебе сегодня больше всех досталось, подумай немного о себе.

Он упрямо поджал губы и собирался попробовать в пятый раз.

И я решила его не щадить.

— А не хочешь думать о себе, подумай об Эдит. Ты уже и так на свеженький труп похож, будешь упрямитесь, свеженьким трупом и станешь. Не думаю, что мелкая это оценит, вроде бы только ты у нее и остался.

Хельму отвел глаза и коротко велел:

— Поторопись.

— Так точно!

В одиночку, без необходимости подстраиваться под оборотня, обратно я вернулась быстро и, только выскочив к дому, поняла, что нас не было от силы минут двадцать. Выбитое окно все так же щерилось осколками стекла, оглушенные стражники стонали уже из повозок целителей, а по улице прохаживались стражники свеженькие, здоровые.

Кто бы их ни вызвал, он очень упростил мне задачу.

Выбрав первого не занятого, на мой взгляд, стражника — молодого парня, как раз проходившего рядом со мной, бросилась к нему под ноги и настойчиво подергала за край сапога.

Он замер, непонимающе глядя на меня.

Я еще раз дернула, отбежала на несколько шагов и обернулась на него. Парень молчал, глупо таращась на меня.

Пришлось возвращаться, дергать еще раз, снова отбегать и оборачиваться.

Стражник стоял там же, где и раньше, не думая даже шевелиться.

То ли глупый, то ли ленивый...

Злобно фыркнув, я подбежала к нему, решив попытать удачу в последний раз. Если этот тугодум так и останется стоять, пойду искать кого-нибудь посмышленее.

— Берт, за каким бесом ты тут прохлаждаешься? — В нашу сторону уверенно направлялся секретарь Хельму.

Я воспряла духом и уже собиралась проделать с ним тот же трюк, когда тугодум заговорил:

— Эта мелочь от меня чего-то хочет.

Секретарь посмотрел на меня.

— Это же нечисть командора.

— Уверен?

Секретарь присмотрелся.

— Точно она.

Звучало многообещающе. Я на удачу отбежала на три шага и повернулась к секретарю, игнорируя тугодума.

Тот не подвел, велел мне немного подождать, взял еще трех стражников и пошел за мной.

К тому моменту, как я вернулась к волку, он уже спал, уронив голову на грудь. Качественно вырубленный похититель валялся рядом и радостно синел от холода.

А я уже представляла, как в красках опишу Эдит спасение ее безголового отца героической мной...

Хорошая должна была получиться история.

* * *

Хельму не вернулся этой ночью домой, я тоже.

Бессознательного командора оставили отдыхать в лазарете, на третьем этаже управления. У меня было как минимум три

возможности выскользнуть из-под рассеянного надзора помощника и сбежать к Эдит, но я не смогла себя заставить. Представила, как мне придется объяснять мелкой, почему ее безответственный отец не вернулся сегодня домой, врать о том, что он точно в порядке, хотя я не была совсем в этом уверена... и малодушно решила оставить эту неприятную работу кому-нибудь другому. Пусть лучше Юстина объясняет все детенышу или кто-нибудь из прислуги.

О том, что мне стоило бы вернуться, чтобы хотя бы помурлыкать Эдит ночью, я подумала уже слишком поздно, свернувшись клубочком на мерно вздымающейся груди волка, разместили которого в отдельной палате.

Поджаренный, наверное, лежал где-то в соседней палате. Возможно, такой же одноместной и насквозь пропахшей стерильностью. Возможно, в общей, среди стражников, с трудом пришедших в себя после его атаки...

Хотя нет, конечно, он в одноместной. Прикован к кровати, прямо к этому железному каркасу, что прекрасно заметен под съехавшей в сторону простыней и жжется холодом, если прикоснуться.

Хельму, как истинный мазохист, стремился примерзнуть к железу рукой. Я, чувствуя себя чуть ли не его нянькой, всю ночь стояла на страже волчьего здоровья: сползала с тепленькой груди оборотня, убирала его руку под тонкое одеяло, пыталась как-то спрятать каркас под простыней (всегда неудачно, но я каждый раз упрямо пробовала) и заползала обратно. И так до самого утра.

А утро в управлении наступало рано. Почти ночью.

Еще в темноте по коридору начали ходить люди, в отдалении слышалась вялая ругань, где-то кто-то глухо кричал с недолгими перерывами.

У волка тоже утро наступило слишком рано.

— Анха? — В голосе его было море удивления и ни капли радости.

— Знаешь, босс, я еще не в курсе, сколько ты мне платишь, но уже уверена, что сильно недоплачиваешь, — мрачно сказала я, растирая морду лапками. Потом сообразила, что ничего он мне не платит, мы же никаких договоров не заключали, а люди без них с деньгами расстаются сильно неохотно, и настроение мое совсем испортилось.

Челюсть сводило от желания куснуть разочек волка. Или не разочек...

Хельму мои страдания не заботили, он желал знать, как оказался в лазарете, что с преступником и с его людьми.

— Записку с предупреждением, что ты не вернешься, в твой дом отправили, хотя я все равно думаю, что Эдит будет беспокоиться, — мстительно начала я не с того, о чем он спрашивал. Волк вроде бы устыдился, но бросать дела и ехать к дочери не спешил.

Выслушал отчет от меня, потом то же самое — от его помощника. Долго пропадал в душевой, а вернулся отвратительно свеженьким и готовым работать. Мне даже смотреть на него, такого выпавшегося, было противно.

И чтобы не смотреть, я забралась на его плечо, устроилась со всеми удобствами, вцепилась лапой в волосы и нагло спросила:

— Что собираешься делать?

— Проведать заключенного...

— И я с тобой! — выпалила, не дав ему договорить.

— Анха...

— Ты же к поджаренному, так?

— Поджаренному?

— Ну вчерашнему неудачнику?

— Анха, — повторил он вместо нормального ответа, и я поняла: попала в самую точку.

— Хочу на него посмотреть. Это мой трофей.

Я его выследила, я его поймала, я его обезвредила... и вырубить его тоже могла бы я.

И пусть право решать его судьбу у меня отняли, но он все равно принадлежал мне. Человек бы этого не понял, и я сомневалась, что может понять Хельму, с его-то спящим зверем.

Но спорить волк не стал. Может, и понял.

Мы не пошли ни к одной из палат, прошли мимо всех, спустились на первый этаж — волк рассеянно кивал подчиненным, я дремала, — прямо от главной лестницы свернули в длинный коридор без дверей, завершившийся еще одной лестницей, ведущей вниз.

Коридор этот был насквозь пропитан магией, и к концу пути я была сыта по горло. Напиталась на месяц вперед.

— Ты меня сюда почаще води, — попросила я шепотом.

— Зачем?

— Ты же боевой маг, должен был нечисть изучать, — с укором сказала я. — Мы вашу магию любим. Я так вообще обожаю, она поддерживает мой огонь.

Еще у меня была теория, что именно благодаря контакту с человеческой магией нечисть и получает возможность превращаться, но рассказывать об этом Хельму я посчитала лишним.

Волк поднял глаза на потолок, туда, где между светильниками прямо на камне тлели магические символы.

— Подъедаешь нашу защиту?

— Скажешь тоже, разве одна маленькая тарса может взять настолько много, чтобы что-то повредить? — возмутилась я. — К тому же я осторожно.

Хельму покосился на меня.

— Я лучше куплю тебе накопитель и сам буду его наполнять.

— Ну... — я бы, конечно, предпочла прогулки по коридору какому-то скучному накопителю, но решила не настаивать, — ладно.

Из мрачного полумрака лестницы послышались шаги — кто-то поднимался вверх, нам навстречу. Волк напрягся и отошел на несколько шагов назад, неосознанно шаря рукой у бедра, там, где должен был висеть меч, полагающийся ему по должности.

Но китель, значок городской стражи и меч — все осталось наверху, в его кабинете.

Первым поднялся худенький бледный стражник. Увидев перед собой начальство, он вздрогнул и что-то невнятно замычал.

Сразу за ним показался странный мужчина. Это был не стражник, и, судя по потемневшему лицу волка, права спускаться в тюрьму он не имел.

— Я артефактор, — неприятно улыбаясь, незнакомец заговорил первым. — Слышал, вы поймали вора и даже нашли некоторые мои наработки. К сожалению, среди них не было одной очень важной... Я всего лишь хотел узнать, где она.

— То есть в хранилище вы уже побывали, — констатировал Хельму.

— Виноват, — беспечно сознался артефактор.

— Хорошо, что вы это понимаете, — мрачно ответил волк, выразительно глядя на подчиненного. — Значит, не будете возражать,

если я задам вам пару вопросов?

— Разумеется! Помогать городской страже — мой долг.

— Подождете в моем кабинете, — велел волк, и незнакомец даже не подумал возражать.

— Конечно! Этот стражник меня проводит.

— Не думаю.

Мы потратили еще десять минут на то, чтобы вернуться вместе с... подозреваемым, он определенно был подозреваемым, потому что вел себя крайне подозрительно. Хельму сам выбрал стражника, велел тому проводить мастера Деккара — так он назвался, Зофрэ Деккар — и вместе с артефактором дожидаться его возвращения.

Мастер только улыбался и соглашался со всем, он выглядел безобидным и дружелюбным, но каждый раз, как взгляд его темных глаз останавливался на мне, все внутренности будто льдом сковывало.

— Не нравится он мне, — пожаловалась я, когда мы вновь вернулись к зловещей лестнице и наконец начали спуск.

— Мне тоже, — сказал волк.

Тюрьма управления городской стражи не впечатляла. Чистенькое серое помещение, единственным плюсом которого было его подземное расположение и близость морга — это создавало особую атмосферу. Впрочем, простые люди едва ли могли почувствовать витающий в воздухе запах бальзамического состава, смешанный со стылым, не поддающимся описанию ароматом смерти.

Вдоль стен с двух сторон широкого прохода шли камеры. Толстые надежные прутья, как и потолок в том мрачном коридоре, были украшены защитными символами.

Половина камер была пустой. В одной жил какой-то буйный псих, при виде командора бросившийся на прутья и потребовавший его немедленно выпустить. Сам псих меня не заинтересовал, а вот ошейник на его шее — очень даже.

— Какая красивая блестяшка, — протянула я, жадно следя за красными всполохами в глубине камня. На фоне черной кожи ошейника красный камень выглядел особенно маняще. Рубин же, это точно был рубин.

— Подавитель, — сказал Хельму, ни на мгновение не задержавшись перед камерой буйного. Он спешил к нашему дорогому заключенному, хотел узнать у него, что именно здесь делал

подозрительный тип, чтобы потом сравнить версию похитителя маленьких девочек с версией улыбчивого артефактора. — Ты изменила бы мнение, окажись он на тебе.

— Это еще почему?

— Хотя бы потому, что с ним на шею покинуть это место ты не смогла бы. — Волк оскалился. — А попытавшись, не сохранила бы голову на плечах. При попытке покинуть тюремное помещение или самостоятельно снять подавитель, заложенное в камне заклинание приведет в исполнение приговор.

— Приговор? — переспросила я.

— Смертная казнь.

Блестяшка утратила основную часть своей привлекательности, но все еще манила... не собиралась же я ее носить, в самом деле.

— И как ее снять, чтобы не помереть?

— Подавитель, как правило, надевают исключительно на опасных преступников. Снять его могу только я или мой заместитель.

Несмотря на то, что мы уже скрылись из поля зрения буйного, тот даже не думал успокаиваться, продолжая кричать, угрожать и требовать.

— Не знала, что у тебя и заместитель есть. Я его видела?

— Раден сейчас в командировке, — сказал волк и остановился напротив одной из камер.

Несколько мгновений мы рассматривали распостертое на полу тело. Это совершенно точно был поджаренный, и он совершенно точно был мертв.

Сложно выжить, когда у тебя в груди дыра размером с яблоко. Хорошее такое, спелое, сочное огромное яблоко.

— Кажется, у нас проблемы, — глубокомысленно заметила я. И неуместно добавила: — Лучше бы мы его вчера сами порешили.

Волк сорвался с места раньше, чем я закончила фразу.

Улыбчивого мастера-артефактора Зафрэ Деккара в кабинете командора ожидаемо не оказалось. Зато там были сразу два трупа с дырой в груди — труп приставленного к мастеру стражника и труп стражника, проводившего мастера к заключенному.

— Мы в дерьме, босс. Потому что запах этого похитителя сердец я не запомнила.

— Не время шутить, — одернул меня волк и неохотно признался:
— Я тоже его не запомнил. Проклятье...
ему лицом.

Глава 6

В сложившейся ситуации было три откровенно плохих момента: никакого мастера Зафрэ Деккара гильдия артефакторов не знала, Эдит из-за нас плакала, а я так и не смогла отнести часы в свою сокровищницу, и они все еще лежали там, в снегу на крыше.

Все это просто сводило меня с ума.

Какой-то заносчивый гад имел наглость посмеяться над всем управлением городской стражи... он посмеялся надо мной! Спрятал свой запах, скрыл так искусно, что я даже не заметила ничего странного, пока не стало слишком поздно.

Хотя кое-что у нас все-таки было: портрет артефактора, нарисованный со слов волка.

Не у нас, у стражников...

Это, пожалуй, можно было назвать четвертым плохим моментом — я начала считать проблему своей.

Постоянно думала об этом, винила себя за то, что не почуяла подвоха и не догадалась вовремя, что если кто-то выглядит как скользкий и подозрительный тип, значит, с огромной вероятностью, он такой и есть. Особенно если встреча ваша состоялась там, где этого скользкого типа не должно было быть.

Я не могла уснуть, думая об этом. Перед глазами стояла его фальшивая улыбка и холодные, мертвые глаза. Пожалуй, по этим глазам без всякого портрета я бы обязательно его узнала.

Рядом, придавив меня к постели рукой, тихо посапывала Эдит, а я была близка к тому, чтобы прямо с завтрашнего дня вернуться на улицы и заглядывать всем в глаза...

Она наревелась перед ужином, потому что только к ужину плохой отец и бессовестная я вернулись домой.

Встречены мы были совсем еще молоденькой робкой девушкой в форме стражи и детской истерикой.

Зато теперь девочка крепко спала, и мой побег не потревожил ее.

Осторожно выбравшись из-под детской руки, я сползла с кровати и тихо прокралась в коридор. Я собиралась ненадолго отлучиться и донести наконец часы до своей сокровищницы...

Но в кабинете волка снова горел свет.

— Алкоголь вредит здоровью, — сказала я, проскользнув в приоткрытую дверь. — Я точно знаю, я как-то целую зиму на чердаке одного трактира жила, такого навиделась, ты даже не представляешь.

Хельму кивнул и отпил из стакана.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что была со мной, когда я общался с семьями погибших.

— Было бы за что благодарить. Я ведь глупую бессловесную зверушку изображала. Никакой от меня помощи не было. — На этот раз я куда быстрее и проворнее забралась на стол, дальновидно взяв чуть в сторону от пресс-папье.

Волк непонятно хмыкнул и поставил стакан на стол, я, поддавшись любопытству, подошла ближе и сунула нос внутрь, приюхиваясь. Пахло странно, но не то чтобы неприятно.

— Тебе налить? — спросил он.

— Что, напиваться лучше в компании? — фыркнула я, но согласилась. — А давай. Бражку я уже пробовала, пиво пробовала, кислятину какую-то пробовала, которую за вино выдавали. Ты, кстати, если когда-нибудь в придорожном трактире... в любом, наверное, придорожном трактире будешь, никогда не заказывай то, что они там из больших бочек разливают. В этих бочках по ночам такие, как я, плавают.

Волк улыбнулся и в благодарность за предупреждение, не иначе, вместо одного стакана со столика в углу принес весь поднос и поставил передо мной.

— И... зачем?

— Попробуешь коньяк, бренди и... — он повернул к себе последнюю бутылку и усмехнулся, — вермут.

Сняв крышечку с медной вазочки на ножках, где хранился колотый лед, волк спросил:

— С чего начнешь?

Несложно было догадаться, что Хельму планировал отвлечься от мрачных мыслей за мой счет, но я не могла его в этом винить.

Дегустация не должна была продлиться долго. Когда в нос ударил терпкий запах полыни, принесший с собой едва уловимый аромат мяты и еще каких-то трав, я была почти уверена, что все закончится после первого же бокала.

Я была не права.

В какой-то момент меня охватил такой азарт, что я даже перекинулась, желая сравнить, как почувствует вкус человеческое тело.

Волк смеялся, глядя на то, как я морщилась, фыркала, страдала, но упрямо пыталась понять, какая гадость не нравится мне меньше всего. Я не злилась, мне нравился его смех, только он, наверное, и заставлял меня продолжать.

— Все! — Я с грохотом поставила перед Хельму полупустую бутылку вермута, вытирая рукавом рубашки рот. — Вот это я могла бы даже назвать вкусненьким, но сразу после этого мне пришлось бы откусить себе язык. Поэтому я ничего такого не скажу. Но это самое нормальное, хоть и несет от него полынью.

Я не могла опьянеть, костер, горящий во мне, был в разы жарче того слабого огонька, что таился в этом пойле. Мое пламя питалось им с тем же аппетитом, с которым встречало и магию.

Зато я могла устать.

И устала от постоянных превращений, ноги уже держали с трудом, но сесть мне было особо негде. Единственное кресло за столом занимал волк, диванчик у стены выглядел привлекательно, но он стоял слишком далеко. На то, чтобы снова стать пушистой, не хватало сил, мне нужно было немного перевести дух.

— Убери-ка, — велела я Хельму, скинув руку волка с подлокотника, и с облегченным выдохом заняла его, привалившись боком к спинке кресла и опершись спиной на жесткое плечо.

Волк мужественно выдержал захват территории, но сообщить о том, что на диване мне было бы удобнее, не поленился.

Я не поленилась его проигнорировать.

— Слушай, а все-таки где мать Эдит? — спросила я. — С ребенком столько всего случилось, а она так и не объявилась до сих пор. Не думаю, что, если бы она была здесь, Эдит бы плакала из-за нашего отсутствия.

— Мы не будем это обсуждать, — сказал волк.

— А вот и будем. — Я завозилась, желая и на месте усидеть, и на Хельму глянуть. — Если она умерла и ты до сих пор скорбишь, просто скажи. Я извинюсь и никогда больше не подниму эту тему.

— Она сбежала, — резко ответил Хельму. — И я не хочу об этом говорить.

— В смысле, от тебя сбежала? А как же детеныш?

Волк тяжело вздохнул.

— Она бросила нас с Эдит и сбежала с послем Зарберии. Документы о разводе я получил почтой.

— Зарберия, значит? То есть мать Эдит променяла родную дочь на море и солнце? — Я не смогла удержаться на подлокотнике и соскользнула на колени волка.

— Анха!

— Прости, — попросила я, но вместо того, чтобы встать, устроилась удобнее. Так было значительно лучше, а возмущенные взгляды меня не сильно трогали. — Но знаешь, быть брошенной матерью еще не самый худший вариант.

— Неужели?

— Ага. Эдит могли бы просто съесть.

Волк устало прикрыл глаза.

— Ты слишком много выпила.

— Да что ты понимаешь в жизни? — оскорбилась я. — Меня вот родная мамка чуть не съела. Но ничего, как видишь, я все еще жива и даже не злюсь на нее. Эдит тоже переживет побег своей матери.

Я планировала об этом позаботиться.

— Тебя пытались съесть?

— И не раз! Всякие хищники. Но самая первая попытка выпала на затянувшуюся зиму, когда я еще совсем мелкой была. Время было сложное, еды не хватало, а у мамы было пять щенков, которых нужно чем-то кормить. Ну а я была самой беспомощной. Слишком медленно развивалась. Возможно, она считала, что я все равно не переживу зиму, зато мое мясо поможет остальным... Я считала иначе и сбежала. До сих пор не понимаю, как у меня получилось, жить, наверное, очень хотела.

— Анха...

По его голосу можно было догадаться, что меня сейчас начнут жалеть. Это было так... унижительно.

— Представляешь? — бодро спросила я. — Знала бы мамка, что я аж до высшей нечисти дорасту и у меня даже будет свой собственный ручной недоволк...

— Что?

От Хельму ощутимо повеяло злостью. Что именно его разозлило, понять было сложно, но я предположила:

— Что? Не ручной? Домашний?

— Анха, — многозначительно протянул он.

— Не домашний? — совсем сникла я.

— С тобой невозможно нормально разговаривать, — возмутился волк.

— Возможно, — не согласилась я, сцедив зевок в кулак. — Иногда.

Я не могла опьянеть, и устать до такой степени, чтобы все инстинкты разом отключились, тоже не могла, но почему-то все равно уснула на коленях самого настоящего хищника, пусть и со спящим зверем.

* * *

Следующее утро оказалось полно ужасных и мучительных открытий, которые мне были ну вот совсем не нужны.

Открытие первое: если заснуть в неполюженном месте, то проснуться можно совсем не там, где хотелось бы.

Я проснулась в логове волка с быстро бьющимся сердцем и ощущением, что меня сейчас сожрут. Хищником пахло отовсюду, но самого хищника нигде не было. Я смогла перевести дух и поспешно вернуть себе пушистый вид. Лапы из комнаты Хельму я сделала раньше, чем кто-нибудь нашел меня в развороченной постели и потребовал объяснений за валяющиеся на полу подушки и погрызенное одеяло.

Открытие второе: не спавший всю ночь волк являет собой жутковатое зрелище — а волк всю ночь не спал, он сам признался.

Так и сказал:

— Как я мог спать, если мою постель заняла беспокойная особа?

На встречный вопрос, почему не отнес меня в комнату детеныша, он ехидно спросил: «Ты видела, во что превратила мою кровать?»

И все претензии у меня сразу же пропали. Потому что я видела, да.

Открытие второе: Эдит умеет обижаться.

Она обиделась на меня за то, что я покинула ее посреди ночи, и на своего отца, которого записала в соучастники преступления. И все утро она с нами не разговаривала.

Не пожелала волку хорошей работы и не пошла пить со мной несуществующий чай из детского игрушечного сервиза — хотя я согласна была даже надеть чепчик.

Робкая девушка в форме городской стражи пришла минут через двадцать после того, как уехал Хельму, и застала детеныша за рассматриванием картинок в книге.

В присутствии няньки-телохранительницы мне пришлось на время отложить попытки помириться.

Я рассчитывала попытаться еще раз на прогулке, но меня не взяли, и это выглядело настолько мелко, что, не будь Эдит еще детенышем, а я действительно виноватой, не смогла бы удержаться от ответной гадости.

Плюсы в нашем неожиданном разладе нашлись спустя десять минут после ухода девочки и ее новой няньки — у меня наконец появилась возможность спасти часы от холода.

Выбраться из дома не составило труда — никому из прислуги просто не было до меня дела, они занимались своей работой и приучились так виртуозно меня не замечать, что не вздрогнули бы, наверное, даже если бы я вышла через главный вход, громко хлопнув дверью.

Проверить я не стала и дом покинула через вечно приоткрытое окно в кухне, закрывали которое только на ночь.

Зима на улице еще не знала, что всего через три недели ее пора закончится, и щедро сыпала на землю сухой и мелкий снег.

Погода к прогулкам не располагала, и я была уверена, что очень скоро Эдит вернется назад, но мне нужно было не больше сорока минут.

Часы лежали ровно там, где я их оставила. Холодные и остановившиеся, они обжигали лапы холодом и были совершенно точно лишены всякой магии. Просто дорогая безделушка. Возможно, поджаренный увел у кого-то часики и припрятал до времени среди вкусненьких, полных магии блестяшек, а я их нашла. И значит, они теперь мои.

Прижимая часы к себе, безлюдными темными улочками я пробралась к ограде центрального парка, к самой дальней, заброшенной его части, и, перебравшись через кованую решетку, ухнула в неубранный снег.

Сокровищница моя находилась в дупле одного старого дуба, высоко над землей, скрытая густыми раскидистыми ветвями даже зимой.

В дупло я натаскала старых тряпок и даже несколько коротких дощечек умудрилась затащить, чтобы полностью обезопасить свою сокровищницу от поползновений всяких наглых птиц.

Раньше самым ценным среди всех моих блестяшек были заколка с синим камешком — который с одинаковой вероятностью мог быть как сапфиром каким-нибудь, так и простой стекляшкой, — или колечко с мелким бриллиантом... все зависело от ценности синего камешка.

Теперь это совершенно точно были часы. Прекрасные, золотые, огромные часы.

Прежде чем спрятать их, я десять минут гладила блестящие бока, касалась когтями выдавленного на крышке рисунка, открывала и закрывала. Если бы не Эдит, к которой мне нужно было поскорее вернуться, я могла бы сидеть так до самой темноты.

Утешало меня только одно: через сколько-то лет Эдит вырастет и у нее тоже появятся блестяшки.

Блестяшечки, с которыми я смогу играть.

Запрятав часы в самую глубь своей сокровищницы, я поспешила домой. Потому что для того, чтобы я могла играть с сокровищами детеныша в будущем, в настоящем мне нужно было с ней помириться.

Рядом с домом я притормозила, разрываясь между желанием отправиться в парк, где мы обычно гуляли, и демонстративно таскаться за Эдит, пока она не обратит на меня внимание, и неуверенностью, что она еще не вернулась домой.

Рискнуть или не рискнуть?

Выбор за меня сделал смутно знакомый голос, прозвучавший из тени между домами.

— Я рассчитывал на долгое ожидание. Приятно удивлен.

Черные глаза на улыбчивом смуглом лице, забавной формы густые брови, делавшие лицо вечно удивленным. Длинные светлые волосы, перехваченные сзади лентой. И под распахнутым пальто

светлый костюм, вроде бы даже тот же самый, в котором он был вчера...

Я беззвучно оскалилась.

— Не делай глупостей, — попросил он заботливо, стряхивая с мехового ворота снег. — Я могу переломить твой хребет, не прилагая особых усилий. Подойди, не хотелось бы, чтобы нас заметили. Лишние жертвы ни к чему.

Я медленно ступила в тень, остановившись шагах в пяти от похитителя сердец.

— Так и будешь молчать? Берс рассказал, как ты пыталась его сжечь, я знаю, что ты высшая нечисть. Подумать только, в каком-то грызуне пробудился дар огня.

Я молчала, хотя очень хотелось сообщить этому хаму, что я не грызун, а мелкий хищник.

— Скажи что-нибудь, мне не нравится чувствовать себя глупо.

— Нам тоже вчера было сильно неприятно, — не сдержавшись, зло твякнула я. — Зафрэ хотя бы твое настоящее имя?

— О, дорогая, об этом я не врал. Я действительно артефактор, меня действительно зовут Зафрэ Деккар, и вы действительно забрали кое-что очень-очень важное для меня.

— Так в чем проблема? Пошли в управление, найдем командора, ты расскажешь, что именно ищешь, и он тебе это обязательно даст. Все даст.

Все, что ты заслужил...

На мгновение Зафрэ перестал улыбаться, по его лицу жуткой судорогой прошла прорвавшаяся наружу ярость, искажая черты.

— Передай своему хозяину, что ему стоит вернуть то, что принадлежит мне, иначе всем вам станет еще неприятнее, чем было вчера. Я не прошу возвращать все, можете оставить себе те безделушки, что сейчас лежат в вашем хранилище, мне нужно лишь то, что в него не попало. Вам оно не пригодится, никто, кроме меня, не способен совладать с его силой.

— Силой... еще какой-то артефакт?

Зафрэ рассмеялся. Хрипло, неприятно, но, кажется, искренне.

— Это лучше любого артефакта! Передай, — повторил он и исчез, оставив после себя только слабый магический след.

Выбравшись из переуллка, длинными скачками я ринулась прочь от дома в сторону управления.

Хельму должен был узнать обо всем как можно скорее.

* * *

— Он не сказал, что именно ему нужно? — уточнил совсем хмурый волк, выслушав мой сбивчивый рассказ. О том, что я делала на улице, он не спрашивал, то ли признавая за мной право на личные дела, то ли просто решив разбираться со всем по очереди. Я надеялась, что верен первый вариант, потому что достоверная ложь у меня, конечно, имелась, но хотелось бы обойтись без этого.

— Не-а. Напустил тумана, сказал, что это что-то, чего нет в хранилище улик, и что оно важнее любого артефакта. Вы в доме поджаренного ничего интересного не нашли?

Хельму медленно покачал головой.

— Возможно, в городе у него было несколько схронов. Я на его месте не рискнул бы хранить все в одном месте, к тому же в квартире, где жил...

— Или это важное сейчас у второго похитителя, — подхватила я.

Мы с волком переглянулись, и я уверенно пообещала:

— Я его найду.

* * *

И я его действительно нашла.

Через три дня. В подворотне. С распоротым брюхом и вычищенными карманами.

Время было потрачено зря. Зафрэ мог заявиться в любую минуту и создать кучу проблем.

И Эдит продолжала дуться. Поразительная принципиальность для такой маленькой девочки, не иначе характером она больше пошла в папу.

Все шло совсем не так, как мне бы хотелось.

От проблем, возникших в моей жизни, я рисковала совсем скоро начать линять. И это зимой, когда лишней шерсти у меня не было в принципе!

Как помириться с детенышем, я не понимала, она была миленькой раньше, а обидевшись, стала такой же замкнутой и от мороженой, как и волк.

Все было плохо. Очень плохо.

Настолько плохо, что это заметил даже Хельму.

И как-то утром, после завтрака, он поманил меня с собой, вместо того чтобы сразу отправиться в управление, бросив меня наедине с обиженным ребенком и раздражающей до зубовного скрежета робкой нянькой-телохранительницей.

У нее даже имя было раздражающее — Флоренс.

Разве у кого-то в форме городского стражника могло быть такое нежное имя, насквозь пропахшее цветами?

Я по собственному опыту знала, что безобидный внешне — не значит беспомощный или неопасный. Я старалась всегда быть настороже и не недооценивать возможных врагов, но рядом с Флоренс весь мой здравый смысл подыхал в муках.

Эта цветочная улыбка полностью украла внимание Эдит и от этого бесила меня с каждым днем только сильнее.

Усадив меня на самый верх круглой напольной вешалки, волк снял с крючка свое пальто и, надевая его, строго спросил:

— Что происходит между тобой и Эдит?

Для надежности обвив хвостом основание вешалки, я задумалась.

Хотелось пожаловаться на его драгоценную дочь, которой явно дурной папочкин характер достался. Пожаловаться, что Эдит не хочет со мной разговаривать, игнорирует и всячески пытается показать, что цветочная девочка, не способная волку и пары слов сказать не краснея, интересуется ее больше, чем я.

Сомневалась я всего несколько секунд, а потом все это выложила, не забыв в конце проворчать:

— Это все ты виноват. Не мог справиться без моей неоценимой помощи, а у меня теперь из-за тебя с детенышем проблемы. Мы уже неделю нормально не общались...

— Извиниться не пробовала? — спросил Хельму.

— Издеваешься? Как я извинюсь, если она меня не слушает?! — На втором этаже негромко хлопнула дверь, и я затихла на мгновение, напряженно прислушиваясь. Не хватало еще, чтобы меня кто-то из слуг услышал.

— Делает вид, — поправил меня волк. — Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Не обращай внимания на ее равнодушие и просто извинись. Вот увидишь, на следующий же день все изменится.

Сняв невидимую пылинку с рукава пальто, он посмотрел мне в глаза.

— Просто сделай это.

— И сколько раз ты уже проворачивал этот трюк? — тихо спросила я, краем уха отслеживая шум на втором этаже.

Хельму пожал плечами и ушел.

Через неполную минуту с улицы послышался бодрый перестук копыт — волк отбыл на службу.

— Просто извиниться, да? — пробормотала я, спрыгнув с вешалки и мягко приземлившись на пол. — Проще сказать, чем сделать.

Извиняться я не умела и не любила. Да и гордость не позволяла.

Особенно когда мои извинения игнорировали.

Смирить гордость и приползти к детенышу с извинениями у меня получилось только вечером. Цветочная девочка ушла вниз, за стаканом молока, и у меня было минут семь до того, как она вернется. Может быть, десять, если кухарка еще не ушла спать и сейчас на кухне.

— Эй, Эдит? — Я впервые за прошедшую неделю забралась на постель и устроилась рядом с подушками — последние семь дней ночевала я в розовом кресле.

Детеныш ожидаемо не обратил на меня внимания, демонстративно глядя в сторону. Слишком уж демонстративно, чтобы это выглядело естественно.

Как там Хельму говорил? Просто извиниться?

Нужно только сказать, и все. Это не должно быть так уж сложно.

— Эдит, это... я понимаю, что ты обижена, — врала я нагло, но старательно. Сейчас было важно помириться с детенышем, а то, что я совсем не понимала причины обид... едва ли Хельму сам так уж хорошо понимал свою дочь, но жили же они мирно. И сейчас мелкая на него совсем не дулась, только на меня. Хотя дома не показывались

мы одинаково долго... Но почему только на меня-то?! — И мне очень жаль, что я тебя расстроила. Прости меня, ладно?

Несколько секунд ничего не происходило. Я повторяла себе, что волк обещал перемены только завтра, но уже ощущала мучительную потребность его хорошенько куснуть. Было ощущение, что он насоветовал мне всяких глупостей и я только что крупно облажалась.

— Ты меня бросила, — негромко сказала Эдит, когда я уже перестала надеяться на ее реакцию и просто представляла, как вгрызусь в жесткое волчье мясо, как только Хельму вернется. Потом, конечно, придется делать лапы и прятаться... — Променяла на папу.

— Променяла тебя? — ужаснулась я. — На волчару?! Да как ты могла такое только подумать?

Кто бы в здравом уме согласился променять ребенка, пахнувшего мылом и молоком, на потрепанного жизнью мрачного мужика, насквозь пропахшего зверем?

— Нет? — удивилась Эдит, неуверенно, исподлобья глядя на меня. — Но ты так много времени проводила с папой...

— Я в стражницу играла, — призналась неохотно. — В основном одна.

— Правда?

— Правда. Хочешь, расскажу, как поймала одного очень опасного преступника? Сама.

Эдит хотела, но сначала ей пришлось выпить молоко и притвориться спящей. Чтобы Флоренс ушла.

А позже, когда дом погрузился в тишину, в темноте, глухо повизгивая в одеяло от восторга, она слушала о том, как я кралась по темным подворотням, выслеживая злодея, а позади неуклюже ковылял ее слегка контуженный отец.

Рассказ и правда вышел замечательным, детеныш после него не мог уснуть еще несколько часов.

Что лично я считала успехом.

Глава 7

— Деккар — артефактор из столицы, — сказал Хельму негромко как-то после ужина, когда скромняшка уже увела Эдит наверх, а я слегка замешкалась и отстала. — Был правой рукой короля теней, пока того не убили. Он опасен.

— И что ты планируешь? — спросила я. Волк старался идти неторопливо, чтобы я попевала за ним, но разговаривать так было решительно неудобно. А я не любила, когда мне неудобно.

Он никак не прокомментировал то, как я, вскарабкавшись по брюкам и жилету, забралась на его плечо, подождал, пока я устроюсь, и ответил:

— Хочу отправить Эдит подальше от города. — И добавил не терпящим возражения тоном: — Ты поедешь с ней.

Можно подумать, на меня такой тон действовал.

— А ты не планируешь взять, ну я даже не знаю, отпуск и поехать со своей дочерью?

Хельму встал посреди лестницы.

— Ты, кажется, не поняла. Деккар не сбежал из Оверана, спасая свою жизнь, он отступил, чтобы позже вернуться и захватить власть. Деккар собирается стать новым королем преступного мира. Его нужно остановить.

— И ты собираешься его останавливать, — понятиливо кивнула я. — Спрятать свою слабость где-нибудь подальше отсюда и героически помереть в неравной борьбе...

— Я не собираюсь умирать!

— Ты хочешь вместе с детенышем отослать и меня — похоже на поступок самоубийцы.

— Анха...

— Да ты же беспомощный! — твякнула я ему в самое ухо, ловко соскочила с плеча, прямо под потянувшейся ко мне рукой, и метнулась наверх.

Разъяренный волк бросился следом.

В спальню к Эдит мне было никак нельзя. И не потому, что там сейчас сидела Флоренс, просто волк, по самолюбию которого я так

неосмотрительно и безжалостно потопталась, выглядел сейчас... своеобразно. Незачем детенышу такое видеть.

Поэтому я бросилась в кабинет Хельму. Вечно приоткрытая дверь кабинета манила, как и растущий за его окном раскидистый клен. Дерево я заметила случайно, во время дегустации. Теперь оно могло спасти мой хвост, мне нужно было всего-то добраться до окна.

Превратилась я резко, на бегу, и чуть не врезалась лбом в край стола. К окну успела подбежать ровно в тот момент, как волк ворвался в кабинет следом за мной.

У меня еще было время, я могла бы успеть отдернуть задвижку на окне сверху, распахнуть его, превратиться обратно и перепрыгнуть с подоконника на ветку клена.

Все бы у меня получилось, если бы задвижка поддавалась...

Налетевший на меня сзади волк вместо испуганных извинений получил пинок по голени и возмущенное:

— Ты здесь окно вообще открывал когда-нибудь?

— Ты... — выдохнул он потрясенно.

— Не собираюсь бежать из города, поджав хвост, — отрезала я. Прозвучало очень решительно, так сразу и не скажешь, что всего несколько мгновений назад я очень даже бежала, поджав хвост. — Если я поеду с Эдит, ты тут убьешься через несколько дней.

— Всю жизнь без тебя как-то справлялся, — глухо напомнил Хельму, нависая сверху.

— Это было до того, как ты повстречал Зафрэ. Напомнить тебе, что недавно случилось в твоём кабинете? Не думаешь, что следующее сердечко он украдет у тебя?

— Анха!

— Ладно, прости, виновата. Не права, — быстро сдала назад я. Сложно стоять на своем, когда сзади в спину больно упирается подоконник, а спереди жутковато давит обиженный волк. — Но подумай сам, я могу быть полезна. Да, Зафрэ знает, что я высшая нечисть, но о некоторых моих талантах он и не догадывается. М? М?!

Хельму чуть отстранился и смерил меня взглядом. Он должен был понимать, что я права. Что я его козырь. Что я действительно могу быть полезной...

— И Эдит нужна настоящая охрана. А не этот ранимый цветочек.

— Флоренс сильнее, чем ты думаешь, — сказал волк и невпопад добавил: — Тебе нужна нормальная одежда.

Не то чтобы я собиралась так уж часто превращаться... на самом деле, мне вовсе не следовало бы этого делать. Но если все же еще придется...

— Хочу форму городского стража, — выпалила я.

— Что?

— Форму хочу, — повторила, окончательно обнаглев. — Чтобы как у цветочка. Мне пойдет, вот увидишь.

— Завтра что-нибудь подберем, — пообещал он после недолгих раздумий. И, отступив на несколько шагов назад, возвращая мне свободу, сказал: — Я не беспомощный.

— Конечно, нет, — покладисто согласилась я. Мне просто померещилось.

Из-за того, что запах похитителей знала только я, а потом потому, что волка серьезно приложило амулетом и он был совсем не в форме, я посчитала, что Хельму во мне нуждается.

Так самоуверенно с моей стороны...

* * *

Следующим утром Эдит смотрела на меня как на предательницу: вот вроде бы мы только недавно помирились, а я снова ее бросала.

— Ну ты сама подумай, — жарко шептала я ей в ухо, пока Хельму собирался. — Кто еще о твоём папке, кроме меня, позаботится? За ним же следить надо, ну!

— А ты будешь следить? — тихо спросила она, поглаживая меня по спине. — И заботиться?

— Конечно! — От избытка чувств я невольно хрюкнула ей в ухо, вызвав веселый смех. — Положись на меня!

Волку детеныш меня передавал с серьезным видом и важным напутствием.

— Постарайся, — сказала Эдит.

— Обещаю, — ответила я.

— Мне стоит начинать беспокоиться? — устало спросил Хельму, ответа не получил, пообещал в случае чего наказать всех без разбора и

покинул дом, забрав меня с собой.

Волк, кажется, собирался молчать всю дорогу до управления, и меня, как натуру исключительно любопытную, ужасало такое его равнодушие к нашим с Эдит секретикам.

— И ты даже не спросишь, о чем мы с ней разговаривали? — наконец не выдержала я. — Тебе что, ни капельки не интересно?

Волк отвлекся от созерцания пейзажа за окном кареты и посмотрел на меня — яркое пятно на темной скамье напротив него.

— Интересно, — признался он, — но не спрошу.

— Почему это?

— У меня не всегда получается спрашивать так, чтобы это не походило на допрос, — сказал волк. — Жизнь показала, что допрашивать близких — плохой способ общения.

— Еще скажи, что жена твоя бывшая от тебя ушла именно потому, что ты ее часто допрашивал, — бестактно фыркнула я.

— Она не называла причины, — сухо ответил Хельму и снова отвернулся к окну.

— Не обижайся, — попросила я смущенно. Перепрыгнув на его скамью и забравшись волку на колени, вытянулась во весь рост, удерживаясь лапками за жилет на его груди. — Я не особо тактичная и не всегда понимаю, что мои слова могут задеть... на самом деле, всегда не понимаю. Но тебя обижать я не хотела.

— Надеюсь, Эдит этого от тебя не перенимет, — сказал он, не поворачивая головы покосившись на меня.

— Ты лучше беспокойся, чтобы она чего-нибудь не того от скромняшки не переняла. Если мелкая начнет краснеть и мямлить, у меня хвост отвалится. Точно тебе говорю!

Волк едва заметно улыбнулся... не улыбнулся даже, а чуть дернул уголком губ, но это был определенно хороший знак.

* * *

Форма городской стражи мне шла. Так шла, что сначала я полчаса крутилась перед зеркалом в женской раздевалке, пока туда не заглянули какие-то девушки и не спугнули меня. А потом еще примерно столько же крутилась перед волком. Пока ему не надоело.

— Успокойся, — велел он, не поднимая головы. — И сядь, или я прикую тебя наручниками к стулу.

— Наручниками к стулу? — Я пригладила на боках ткань кителя и спросила весело: — Это то, что у людей называют постыдными развлечениями?

Хельму зажмурился, массируя правый висок, и потребовал:

— Превращайся и уходи. Ты мне мешаешь.

— Шутишь, что ли? Как я могу сейчас превратиться? Ты хоть представляешь, когда у меня в последний раз были такие шикарные сапоги?.. Никогда! Я и подумать не могла, что обувь бывает настолько удобной.

Босиком, конечно, было лучше, но не зимой, когда сквозь снег и лед все равно ничего, кроме холода, не ощущается.

Волк ниже склонился над бумагами. Потоптавшись еще немного перед его столом, я отошла к окну.

В кабинете были диванчик в углу и целых два стула, стоявших вокруг этого убогого островка, выступающего из стола командора, но удобнее всего мне было почему-то именно на подоконнике.

В недолгой тишине волк успел просмотреть четыре документа. Два из них подписал, один отложил в отдельную стопку, а еще один смял и выкинул в мусорную корзину.

Молчать дольше у меня не получилось.

— Ты уже решил, куда отправишь детеныша?

Я сидела на подоконнике, почти касаясь спиной холодного стекла и болтая ногами в воздухе. Добротные сапоги приятной тяжестью ощущались на ногах. Я не знала, как Хельму получил эту форму, что наговорил кладовщику и как отметил мою обновку в документах, но точно знала, что не верну ее. Ни за что не расстанусь с этим удивительным ощущением полной защищенности.

Кажется, я начинала понимать, почему людей так смущает чужая нагота. Наверное, в такие моменты они ощущают чужую незащищенность и уязвимость... Должно быть, очень неловко чувствуешь себя, когда сам надежно укрыт тканью, а кто-то рядом — нет.

— К брату, — Хельму ответил после недолгой заминки, словно решил это вот только что. — Стая — самое безопасное место, а у Эдит

есть шанс пробудить зверя. Она не безнадежна, и от нее не отказались, значит, помогут.

— От тебя отказались?

Волк дернул плечом и вернулся к бумагам, не желая отвечать. А я не желала сдаваться.

— Из-за того, что зверь не проснулся?

Он молчал.

— Вот так просто взяли, и... все?

Я не понимала, почему меня это так поражает. Мой опыт семейных отношений нельзя было назвать положительным, да меня чуть родная мать не съела! Но Хельму... сколько ему было, когда от него отказались?

Соскользнув с подоконника, я подошла к волку — сапоги громко стучали по каменному полу, мне еще предстояло научиться нормально в них ходить — и с чувством потрепала его по голове, взьерошив жесткие светлые волосы.

Хельму напрягся, но руку мою не скинул.

— В каком возрасте обычно просыпается зверь?

— В двенадцать.

Я не знала, сколько точно было лет детенышу, но на всякий случай забеспокоилась.

— Слушай, а может, не будешь отдавать мелкую стаю? Вдруг не вернут?

— Вернут, — спокойно и уверенно ответил волк. И я как-то сразу подумала: ну конечно, вернут, а если только попытаются себе присвоить, я им все их поселение сожгу... не стоит им даже связываться с бешеной огнеопасной тарсой.

Глава 8

Карета размеренно покачивалась.

Эдит зачарованно смотрела в окно, я мрачно смотрела на Флоренс. Волк все-таки отправил с детенышем этот робкий цветочек.

Помимо Флоренс, с детенышем также поехал боевой маг, изображавший сейчас извозчика, и я.

Но я должна была покинуть Эдит в лесу, после того как буду уверена, что из города мы выехали без «хвоста».

Хельму долго и мучительно пытался решить, стоит ли выбрать безопасность и отправить с дочерью целый отряд, возглавлять который собирался лично, или лучше незаметность и скорость.

С трудом остановившись на втором варианте, он еще долго изводился бы сомнениями, не пообещай я лично удостовериться, что детеныш уедет из города без приключений.

Волк согласился с моим предложением, но все равно организовал нам двухчасовую езду по городу и четыре смены кареты, хотя я настаивала на том, что хватит и двух. Хельму решил перестраховаться и как можно старательнее запутать следы, но сменить няньку Эдит посчитал лишним.

Не прислушался ко мне и моему предвзятому мнению, заявил, что Флоренс сильный маг и вообще способная... и оставил ее при Эдит. Чтобы этот цветочек и дальше продолжил ее у меня отнимать.

Карету резко тряхнуло, детеныш счастливо взвизгнул и прижался к стеклу лбом, стараясь разглядеть, что там творится под колесами.

Под колесами творилась поизносившаяся дорога, до границы города оставалось еще несколько улиц...

Когда мы резко затормозили рядом какими-то малосимпатичными складами, я подобралась, Флоренс проворно оттащила детеныша от окна и прижала к своему боку.

Все запланированные пересадки и остановки мы уже прошли, больше останавливаться карета не должна была до самого вечера. Даже чуть притормаживать, чтобы я могла выпрыгнуть без вреда для здоровья, было запрещено.

— А что... — попыталась спросить Эдит.

Я предостерегающе рыкнула, и она замолчала, сжавшись под рукой цветочка.

— Надеюсь на ваше благоразумие, — прозвучало с той стороны медленно открывавшейся каретной дверцы. — Не хотелось бы, чтобы кто-то пострадал.

Зафрэ улыбался нам, в то время как за его спиной хмурились два неблагонадежных типа.

Незаметность и скорость, кажется, нас не спасли.

— Я бы не советовал, — сказал он, прямо глядя на Флоренс. — Меня не заденет, а вы с ребенком пострадаете. Стоит ли рисковать?

Скромняшка потрясенно замерла и, что бы там ни собиралась делать, передумала. Было что-то такое в голосе артефактора, что заставляло верить его словам.

Я зарычала, когда Зафрэ решил забраться в карету, Флоренс, все так же прижимая к себе Эдит, отползла к противоположной дверце, освободив место и позволив мне перепрыгнуть на их сиденье.

— Меня немного задевает такой враждебный прием, — доверительно сообщил Зафрэ, благоразумно заняв свободную скамью и не пытаясь даже приблизиться к детенышу. — Расслабьтесь, я не собираюсь трогать девочку. Что бы вы обо мне ни думали, с детьми я не воюю.

— Позвольте не поверить, — мрачно сказала я, проигнорировав сдавленное оханье Флоренс. Сейчас мой маленький секрет был последним, что стоило бы оберегать. — Ваши люди не разделяют такой подход.

— Ты о недавнем похищении? — Артефактор расслабленно откинулся назад, закинув ногу на ногу. — Берс работал не только на меня. Но если не ошибаюсь, ты неплохо его проучила.

— Я? Всего лишь обожгла ногу. Ваше наказание было по-настоящему впечатляющим.

— Понравилось? Если желаешь, могу как-нибудь показать процесс...

— Спасибо, не надо! — Я затылком чувствовала диковатый взгляд Флоренс и ее полное непонимание происходящего, но помочь ничем не могла. Сама не знала, что происходит и как ко всему этому относиться. Зафрэ, в своем белом пальто, с этим дурацким шарфом на шее, выглядел как самый добропорядочный горожанин, таких полно на

улицах города, и в то же время казался настоящим безумцем. Хотя я себя нормальной сейчас тоже не чувствовала. — Если это все, что вы хотели, то покиньте, пожалуйста, карету. Нам ехать надо.

— О, они могут ехать в любое время, но ты останешься в городе, — благожелательно улыбаясь мне за спину, сказал Зафрэ.

Я бы расхохоталась ему прямо в лицо, если бы не была так потрясена. Останусь в городе... подумать только. Будто я собиралась куда-то уезжать...

Хотя ему, конечно, узнать о моих планах было не от кого.

— То есть, если я сейчас выберусь из кареты, вы позволите детенышу уехать?

— Безусловно.

— И она даже доедет до места назначения?

— Ни я, ни мои люди не станем ей мешать. Меня не интересует этот ребенок. Для того чтобы отправить весточку нашему общему знакомому, у меня есть целое управление. Каждый его работник может стать моим посланием... Надеюсь, ты передашь мои слова.

И моему сердечку в прямом смысле стало беспокойно. Утешало лишь то, что угроза прозвучала совсем непонятно, значит, не должна была напугать Эдит.

А со своими страхами я была уверена, что смогу разобраться.

Вот только Флоренс прямую угрозу каждому городскому стражнику, озвученную только что артефактором, кажется, поняла.

— Желаете умереть — отпустите ребенка, — велел Зафрэ раньше, чем она успела что-то предпринять. — Я обещал этой милой нечисти, что девочка не пострадает.

— Никто никого не будет убивать, — с трудом сохраняя спокойствие, сказала я. Хотелось психануть и поддаться инстинктам. Останавливало только присутствие Эдит. Если я сейчас дам слабину, через несколько секунд тут все будет гореть и детеныш может пострадать. — Мы мило побеседуем и разойдемся. Живые и невредимые.

Я обернулась на скромняшку, одновременно стараясь не выпускать артефактора из поля зрения. Рисковала заработать косоглазие, но справилась.

Флоренс не выглядела напуганной. Взволнованной — определенно, раздраженной — да, способной совершить глупость —

вне всяких сомнений.

И куда только вся ее робость подевалась?

Меня тревожил ее пристальный оценивающий взгляд и кинжал в ножнах, что — я точно это знала — висел на ее ремне сзади и обычно был скрыт кителем. Сейчас Флоренс была похожа на человека, готового решить проблему не магией, так сталью. А развалившийся на сиденье напротив нас тип был очень похож на проблему, которую нужно решить... Порешить, прости меня, мамочка.

— Мне не нужна смерть никого из вас, — сказал Зафрэ. — Я хочу только поговорить.

А еще запугать, намекнуть, что нам с ним не тягаться, и продемонстрировать свои исключительные таланты.

— Будьте уверены, я непременно передам ваше послание командору.

— Именно это я и желал услышать. — Он протянул мне руку. — А теперь позволь помочь тебе покинуть карету.

Я не хотела его помощи, от одной мысли о том, что придется дотронуться до Зафрэ, шерсть становилась дыбом, но сзади меня сидела Эдит, которой на пользу затянувшееся знакомство с артефактором точно не пойдет.

И я послушно забралась к нему на руки.

— Анха... — жалобно позвала девочка, осознав, что меня у нее забирают.

— Все хорошо. Сейчас вы поедете. — Выглядывая из-за плеча Зафрэ, я старалась выглядеть уверенной, но уши так и жались к голове, непроизвольно, не желая меня слушаться. И хвост дрожал. — Еще увидимся.

— Значит, Анха, — только и сказал он, когда дверца кареты захлопнулась.

Я промолчала. Что тут можно было сказать, кроме «Отпусти меня немедленно, сумасшедший ты маньяк»?

С облучка, пряча в ножнах не запачканный кровью тесак, спрыгнул третий неблагонадежный тип. Через несколько мгновений карета тронулась.

Зафрэ недолго смотрел ей вслед, после чего, неловко удерживая меня и одновременно подкручивая часы на правой руке, что-то сделал.

Я видела, как все три его подельника проверили свои браслеты с быстро затухающими, вплетенными в кожаные ремешки камнями.

— Сильно талантливый, да? — недовольно спросила я. В артефактах я ничего не смыслила и, находясь слишком близко к Зафрэ, почему-то даже не ощущала исходящей от этих браслетов магии, но понимала, что вот эти камешки — это что-то очень сложное и опасное.

И еще я понимала, что если бы Флоренс не послушалась и атаковала, то я бы вряд ли сейчас дышала морозным воздухом. И детеныш едва ли уже когда-нибудь куда-нибудь поехал бы.

— Я гений, — без лишней скромности признался Зафрэ. — А теперь вернемся в город. Думаю, тебе не терпится поскорее добраться до командора и доложить обо всем случившемся.

— Не терпится, — подтвердила я.

— Когда будешь рассказывать о нашей встрече, обязательно передай, что я надеюсь вернуть свою вещь в ближайшее время. В противном случае я расстроюсь.

— А расстраивать господина нельзя, — прогудел один из его шкафоподобных подельников.

— Детеныш...

— У меня есть принципы Анха. От моей руки она не пострадает.

— А от рук ваших... э-э-э, верных почитателей вашего таланта?

Ладони у неблагонадежных типов были сильно похожи на лопаты и беспокоили меня намного больше нежных ручек артефактора.

— Никто не посмеет.

Обратно в город я ехала в белой вычурной карете, на коленях у Зафрэ. Весь путь до центральной площади он ласково меня наглаживал, а я жалела, что не линияю и не могу оставить на его костюмчике приметный рыжий след.

Высадили меня прямо перед управлением, словно в насмешку.

— Рассчитываю на тебя, — сказал Зафрэ на прощание.

— Погодите. Может, хотя бы скажете, что так сильно хотите вернуть? Нужно же нам знать, что искать.

— Анха, я не люблю, когда меня держат за дура. — с угрозой сообщил он.

Зафрэ был уверен, что его сокровище у нас, и, кажется, считал, что мы знаем какую ценность заполучили, потому и не оставили ее в хранилище.

Меня это бесило. Не то, что он подозревает нас в попытках скрыть от него правду, а то, что Зафрэ оказался слишком высокого мнения о городской страже. И обо мне.

— Правда? — в том, что я нечисть мелкая, можно было найти много плюсов. Например, мне было не стыдно изображать убийственную наивность. — А я не люблю острые соусы, пахучие приправы, когда плачут дети... ужасные звуки... а еще не люблю...

— Чешую дракона. Три золотые пластины. Три, Анха, — сказал он, не дослушав, и захлопнул дверцу кареты.

На то, как он отъезжает и куда направляется, я не смотрела, мне срочно нужно было к волку.

* * *

Пока я рассказывала, как так вышло, что вернулась на несколько часов раньше запланированного, Хельму метался по кабинету. Не смог усидеть на месте, услышав, как Зафрэ забрался в карету к детенышу, и порывисто мерил шагами кабинет, пока я рассказывала все остальное, сидя на спинке его стула — самом дальнем от беспокойного волка месте.

— Я должен был ехать с вами! — решил он, когда я закончила рассказ.

— Мы же это обсуждали. Ты должен был остаться в управлении, чтобы не вызвать подозрений.

— И это оказалось бессмысленной предосторожностью! Если бы я был с вами...

— Но ведь все сложилось не так уж и плохо. Все живы остались. Эдит поехала дальше, я вернулась в город с Зафрэ и точно могу сказать, что за ней он никого не послал, все, кто там были, с нами уехали. И еще теперь мы знаем, что он ищет.

Хельму прерывисто выдохнул, молчаливо со мной не соглашаясь.

— Сам подумай, что бы ты сделал, встретиться вы на той дороге? Попытался бы напасть? Схватить? Убить? Думаешь, получилось бы? Пусть ты выносливее простого человека, но и Зафрэ не преступник средней руки, едва умеющий пользоваться артефактами. Не смог бы ты пережить атаку его амулетов.

— Откуда тебе знать?

Я не знала, как объяснить ему всю эту запутанную глупость про интуицию, инстинкты и простое здравомыслие, которые помогали мне выживать столько лет и которые утверждали, что артефактор сильно опасный хищник. Подходящие слова не находились, поэтому я не стала даже пытаться.

Сам как-нибудь поймет, а если не поймет, то и не надо.

— Босс, просто смирись уже с тем, что Зафрэ нас уже дважды переиграл, и лучше придумай, как не позволить ему сделать это в третий раз.

Хельму замер посреди кабинета, мрачно глядя на меня. Взгляд я выдержала.

— Про него мало что известно, — наконец сдался он и вернулся за стол. — Свои секреты Деккар хранить умеет.

— Одно мы знаем точно, — когда волк занял стул, я перебралась со спинки на его плечо и спрыгнула на стол, устроившись прямо на какой-то папке, — он сумасшедший.

— Сумасшедший?

— Ну точно не нормальный, — уверенно рубанула я. — Хвост даю на отсечение, что с головой Зафрэ не дружит. Сам подумай, своего человека, не справившегося с работой, он хладнокровно убил, двух стражников убил и обещал убить еще неизвестно сколько, если мы ему его чешую не вернем. А ребенка просто отпустил. И меня тоже отпустил. Тебе это странным не кажется?

— Он с нами играет, — мрачно предположил волк, сцепив руки в замок.

— Твои слова только подтверждают мое предположение! Какой здравомыслящий человек станет играть с командором всей городской стражи?

— Мы должны найти чешую дракона.

Я была с ним полностью согласна. Должны. Еще как должны.

Но мне малодушно хотелось верить, что для того, чтобы отыскать эту проклятую чешую, нам не придется встречаться с тем жутким типом, что собственноручно раздобыл ее, убив дракона в его истинной, крылатой форме.

— И? С чего начнем? — любопытствовала я опасно.

— С дружеского визита, — сказал он, окинув меня оценивающим взглядом. — Превращайся.

— Чего?..

— Мне нужно, чтобы ты могла свободно говорить при посторонних. Есть два выхода: я сейчас же делаю тебя подчиненной нечистью и можешь отправляться прямо так. Или ты превращаешься и изображаешь стажера. Выбирай.

— Я на такое не подписывалась!

— Ты просила форму городской стражи, — напомнил он.

При взгляде на его спокойное лицо у меня создавалось такое впечатление, словно он уже давно собирался воспользоваться этой ситуацией... или если даже не собирался, то не исключал такой возможности.

Становиться подчиненной нечистью я не хотела. Слышала истории некоторых счастливиц, которых боевые маги отпустили после завершения обучения.

Не нужен был мне такой опыт в жизни...

* * *

Карета с гербом городской стражи на дверце — два скрещенных меча на щите — остановилась перед неприметным стареньким домом, утопавшим в снегу по самые окна.

Узкая, плохо вычищенная дорожка между двумя снежными горами, петляя, вела к двери с облупившейся синей краской.

Волк выбрался из кареты первым и обернулся ко мне, желая помочь.

Протянутую руку я проигнорировала и неловко, чуть не соскользнув с узкой ступеньки, прыгнула на утоптаный снег — здесь дороги не вычищали так старательно, как в центре... вообще никак не вычищали.

Я, может, и была неловкой в этом обмотанном тряпками теле, но все еще оставалась тарсой. А тарсам помощь не нужна. Мы самостоятельные.

— Анха, — с укором протянул Хельму, но развивать тему моего бессмысленного упрямства не стал. Велел кучеру дожидаться нас и

первым пошел к заветной двери.

Я шла следом, неуклюже переставляя ноги по неровно притоптанному снегу, с непривычки ощущая тяжесть зимнего пальто слишком неподъемной. Новенький шарф удавкой сжимал горло — волк сам его выбрал, сам купил и сам повязал, игнорируя мои протесты.

Сказал только весомо в ответ на напоминание о моей нечистой природе и крепком здоровье:

— Сейчас ты не тарса, а человек.

Хельму остановился перед дверью, я встала за его спиной, выглядывая из-за его плеча.

Волк постучал и замер в терпеливом ожидании, сложив руки за спиной.

Спустя неполную минуту, когда ждать стало уже ну просто невыносимо, я предложила:

— Может, еще раз постучишь? Нас, кажется, не слышали.

— Нас слышали. Потерпи.

Еще через какое-то время за дверью послышалось какое-то копошение. Шум нарастал.

Я вытянулась на носочках, навалилась на волка сзади, вцепившись в его плечи замерзшими пальцами, чтобы сохранить устойчивость и хорошо все разглядеть. Он цыкнул на меня, но отгонять не стал.

Дверь медленно открылась, и на пороге, подслеповато щурясь из-за круглых, до смешного больших очков, показалась невысокая, взъерошенная и сильно чем-то недовольная девушка.

— Добрый день, Вирнэ, — сказал волк.

— Уже нет, — хмуро отозвалась она и захлопнула дверь.

Несколько мгновений я глупо моргала, не веря увиденному. Хельму только что послали. Без слов. И это могло бы меня даже позабавить, если бы вместе с волком не послали еще и меня...

— Это что же, мы сорок минут тряслись в карете, я вынуждена была надеть на себя эти нелепые тряпки... — я дернула себя за отворот пальто, — чтобы передо мной захлопнули дверь? То есть нигде поближе получить порцию унижений мы не могли?

— Видимо, у нее возникли какие-то проблемы в исследованиях... — отозвался волк и еще раз постучал.

— Отойди, — велела я, протиснувшись мимо него к двери, и от души в нее забарабанила.

— Прекрати!

Хельму перехватил мою руку, но я не желала сдаваться и пару раз пнула дверь ногой. После третьего пинка она резко распахнулась, и все то же встрепанное недоразумение в очках, сжимая в руке боевой молот, угрожающе уставилось на меня.

Ошибку свою я поняла мгновенно.

— Ой. — Я попыталась отступить и снова спрятаться за волком, но он почему-то не позволил.

— Вирнэ, опусти оружие и успокойся, — велел он строго, крепко сжимая мои плечи.

— Я сегодня не принимаю! — рявкнула она. — Для кого объявление на двери висит?

Хельму многозначительно кашлянул...

— Да нет там никакого объявления, — проворчала я.

Клочок бумаги, громко названный девушкой объявлением, нашелся в прихожей, заткнутый за раму зеркала.

— А я предлагал тебе найти помощника, — напомнил Хельму, вместе с Вирнэ разглядывая зеркало. — Я каждую неделю подписываю десятки заявлений на исправительные работы...

— Чтобы я пустила кого-то с улицы в свою лабораторию? — вспыхнула пристыженная, но не сокрушенная девушка.

— Не обязательно пускать их в подвалы, думаю, работы по дому у тебя достаточно.

Вирнэ пробормотала что-то невнятное, но выгонять нас не стала. Смысл? Мы уже в доме.

— Что хотел?

Волк повеселел и, не спрашивая разрешения, пошел вглубь дома. Вжав голову в плечи, я поспешила за ним, ощущая спиной взгляд Вирнэ.

— Совет мастера-артефактора.

Я не знала, как часто бывал здесь Хельму, но путь на кухню он нашел без всяких проблем и, не стесняясь, принялся там хозяйничать. Скинул пальто на низкую тумбочку рядом с дверью и уверенно двинулся к навесному шкафчику в углу.

— Босс, а ты уверен, что так можно? — спросила я, оглядываясь на дверной проем. Хозяйка дома не спешила следом за нами, и это меня сильно настораживало.

У этой ненормальной был самый настоящий боевой молот, кто знает, что еще у нее припасено...

— Не беспокойся, — сказал волк, сосредоточенно смешивая что-то в глиняном чайничке, — я знаю, что делаю.

Вирнэ мрачной тучей вползла в помещение, бросила грозный взгляд на волка и устроилась за столом у окна.

— Мне три ложки, — предупредила она.

— Я помню, — безмятежно отозвался Хельму.

— Да что происходит вообще? — осторожно спросила я.

Пока закипал чайник, мне успели рассказать о том, что эти двое знакомы еще со времен академии, когда «этот тип уже в те времена был таким доставучим» и «эта милая дама уже тогда имела ужасный характер»...

— Выдержать который удавалось немногим, — с ностальгией добавил волк и привычно увернулся от пущенной в голову солонки, поймав ее раньше, чем та успела врезаться в стену. — Я же говорю.

— А ты кто такая? — спросила она, никак не прокомментировав его слова.

— Это Анха. — Хельму поставил перед Вирнэ исходящую паром кружку. Еще одну поставил напротив и жестом предложил мне сесть. — Моя новая головная боль.

— Вспомни, сколько пользы я тебе принесла, и повтори это еще раз, — огрызнулась я, но из самого дальнего и безопасного угла кухни и перебралась за стол, оказавшись напротив Вирнэ.

— Возможно, я был несправедлив в суждениях. — Волк подтащил табурет к столу и сел между нами. — И ты на самом деле моя незаменимая помощница... Точно этого мы пока не знаем.

— Давай перейдем к делу, — перебила его Вирнэ. — Отношения выясните позже.

— Конечно. Мне нужно знать все об использовании чешуи драконов в артефакторике.

Вирнэ подавилась чаем и долго, надсадно кашляла, отмахиваясь от волка, пытавшегося зачем-то похлопать ее по спине.

— Во что ты ввязался? — сдавленно просипела она, когда отдышалась.

Хельму бросил на меня быстрый взгляд.

— Именно это мы и хотим выяснить.

— Начнем с того, что драконы — редкий вид и использовать части их тел в любых магических практиках — противозаконно. Я не слышала ни об одном таком случае за прошедшие полвека. В основном это, конечно, связано с тем, что в артефакторике используются наполненные магией части дракона. Глаза, когти, сердечная жила или чешуя с морды. Реже работают с огнепроводимыми каналами, и нужны они не для артефактов, а для создания защитных огнеупорных костюмов, что, разумеется, облегчает дело во время грубой ремесленной работы. Ты, наверное, не знаешь, но некоторые материалы в нестабильном состоянии не переносят близости магических вещей, потому простая защита использоваться не может...

— Ты отвлеклась, — негромко сказал волк.

Она запнулась, моргнула, медленно возвращаясь в реальность, и кивнула.

— Так вот, в артефакторике используются магически активные части, так как природная магия, свойственная драконам, значительно облегчает работу с усилением артефактов и... кхм, да. В общем, использовать чешую рискнет только безумец, потому что скрыть это почти невозможно. Магия драконов довольно необычна, ее легко заметить. Не успеешь донести ее до лаборатории, как ищейки короля тебя выследят и схватят.

— Но если предположить, что появился такой безумец? — спросила я. — Стукнутый на голову и очень талантливый артефактор, который решил что-то сотворить с драконьей чешуей...

— Это невозможно, — отрезала Вирнэ. — Я же сказала, скрыть след драконьей магии почти невозможно.

— Но если ему это как-то удалось? Что тогда?

Она откинулась назад, вцепившись пальцами в край столешницы. Я отчетливо слышала, как через несколько секунд, когда Вирнэ наконец обдумала мои слова, о пол стукнули передние ножки ее стула.

— Тогда я сказала бы, что хочу с ним побеседовать.

— Какое опрометчивое желание, — невесело хохотнула я.

— Значит, возможность скрыть присутствие специфичной магии все же существует? — требовательно уточнил волк.

Вирнэ неопределенно дернула плечом.

— В теории, конечно, да. Но для этого нужен полностью защищенный, небольшой, чтобы магия не могла копиться, иначе во время вскрытия может произойти взрыв... надежный контейнер. Основа должна хорошо держать магию и в то же время не должна ее пропускать, чтобы защитная магия контейнера не перемешалась с драконьей и...

— Основа. Какая подходит? — спросила я нетерпеливо, сообразив, что если ее не перебивать, то Вирнэ способна говорить об артефакторике бесконечно.

— Я бы использовала латунь. Если до предела напитать ее своей магией, то поглощать или пропускать никакую другую она уже не будет, но для этого нужно предположительно трехслойное плетение. Достаточно простое, чтобы не повредить мягкую медь, и в то же время редкое, чтобы оно могло точно сцепиться с цинком...

— Вирнэ, тормози, — велел волк. — Что-нибудь еще кроме латуни на ум приходит?

— Думаю, какой-нибудь самоуверенный тип или просто дурак выбрал бы золото. благородный металл — это же так романтично, но в нем сложностей с плетениями в разы больше, несмотря на то что его считают простым веществом.

— А Зафрэ был уверен, что чешуя у Берса... — пробормотала я, в отчаянии глядя на волка. — Слушай, босс, кажется, мне нужно тебе кое-что рассказать.

Зафрэ вполне походил на самоуверенного типа, способного выбрать для своей цели золото. К тому же на достаточно изобретательного самоуверенного типа, у которого все могло получиться.

А я, как выяснилось, была достаточно невезучей, чтобы мое самое ценное сокровище оказалось самой настоящей, очень важной уликой.

Оставалось непонятным только одно: как туда могла поместиться драконья чешуя?

Глава 9

Из дома Вирнэ волк меня в прямом смысле выволок.

Девушка бежала следом, требовала все ей рассказать и непременно взять с собой, но добиться смогла лишь обещания, что, как только появится что-то интересное по ее специальности, Хельму обязательно ей сообщит.

— Куда? — зловеще спросил волк, все дальше утаскивая меня от домика артефактора. На застывшую в дверном проеме Вирнэ, переминающуюся с ноги на ногу от желания броситься следом и наперекор Хельму поехать с нами, он ни разу не обернулся.

— К центральному парку. Знаешь, где эти дурацкие сломанные ворота...

В карету я забралась с ощущением неизбежного, рассеянно потирая уши, которые совсем скоро, вероятно, надерут. В лучшем случае надерут только уши, в худшем — пострадают моя гордость и филей.

Но кони тронулись, мы покинули улицу, на которой жила Вирнэ, завернули на другую, где дорога была чуть лучше, а волк молчал. Смотрел в окно и полностью игнорировал мое присутствие.

Глядя на его сосредоточенный профиль, я до боли хотела подергать Хельму за рукав и спросить, что у него сейчас вообще в голове творится. Выглядел он очень спокойным, и это пугало до дрожи.

Пугало и заставляло оправдываться.

— Я не специально. Они в том мешочке лежали, среди амулетов, и так блестели. Сильно очень. И магии в них никакой не было, я и подумала... ну зачем они тебе? Бесполезные же. Вот все остальное было пропитано магией, все остальное я и отдала, а часики... это же всего лишь часики. Просто одна блестяшечка...

— Прекрати, — велел он, — я ни в чем тебя не обвинял. Мне стоило понять, что у тебя есть склонность к воровству, еще когда ты копалась в моих вещах.

— И ничего это было не воровство! Я просто позаимствовала твою рубашку. Позаимствовала, ясно? — вспыхнула я, благополучно

забыв о том, что собиралась также позаимствовать у него парочку блестяшек и не планировала ничего возвращать. Раз не сбылось, значит, не считается.

— Всего лишь часики, — передразнил меня волк, — ты тоже просто позаимствовала?

Я пристыженно замолчала.

— Неприятно признавать, но нам повезло, что ты присвоила часы себе. Окажись они среди амулетов, попали бы в хранилище.

— А Зафрэ там побывал! — подхватила я воодушевленно.

— Побывал, — эхом отозвался Хельму, массируя переносицу. — Мне пора в отставку, не могу справиться с каким-то артефактором.

— Зафрэ не какой-то, Зафрэ гений. Он сам так сказал. А у тебя даже зверя нет... — Колючий взгляд волка оборвал меня на полуслове.

— Еще раз назовешь меня беспомощным?

— Виновата, — потупилась я.

Больше заговорить с Хельму я не осмелилась до самого нашего прибытия на место.

Высадились мы аккуратно перед сломанными воротами. Карета сразу же уехала к видневшемуся невдалеке перекрестку — улица эта была слишком узкой, с односторонним движением, каретам долго стоять здесь запрещалось. Под удаляющийся перестук копыт я проворно проскользнула в зазор между створками, уже через прутья предложив волку:

— Можешь подождать меня тут или прогуляться немного. Здесь недалеко есть чудесное место. И скамья там еще целая.

Волк выбрал второй вариант.

Одна створка ворот покосилась, соскочив с петель и образовав внушительную щель.

Я была уверена, что Хельму удастся проскользнуть так же легко, как и мне, но он едва не застрял.

— Почему мы просто не вошли в главные ворота? — ворчал он, с трудом протискиваясь внутрь.

— Оттуда долго идти, — сказала я, пытаясь за руку вытащить волка к себе.

Помогала я никудышно, скорее даже мешала, но, освободившись, Хельму все равно меня поблагодарил.

— Обращайся, — важно кивнула я и, не отпуская его руки, потащила вперед.

Ладонь волка была горячей, моя — едва теплой, и в этом мне виделась страшная несправедливость. Это я душой была пушиста, а Хельму даже перекидываться не умел, так почему же мерзла именно я?

Только я!

— Ты что там бормочешь?

— Аж завидно, говорю.

— М-м?

— Забудь.

Круглая площадка с давно уже неактивным фонтаном была все так же чудесна и безлюдна. На ней я волка и оставила, после чего, утопая по колено в снегу, углубилась в заросли и только там рискнула перекинуться.

Так, передвигаясь по веткам вместо того, чтобы вязнуть в снегу, до своей сокровищницы я добралась быстро.

Часики лежали ровно там же, где я их положила. Красивые, блестящие, обжигающие лапы холодом... и совершенно точно полностью лишенные магии.

— Как думаете, мои золотые, — я нежно огладила сияющий в свете зимнего солнца бок, — если вы не то, что мы ищем, босс разрешит мне забрать вас себе?

Ответ я, разумеется, знала и сама. А часы мне, конечно же, не ответили.

Возвращалась я не так чтобы очень быстро и сильно охотно. Хотела немного подольше побыть с блестяшкой, оттягивала, как могла, мгновение нашего расставания...

И очень удивилась, когда впереди вместо тишины или согревающего душу волчьего ворчания услышала хриплый надсадный голос, обещавший убить волка за его надменную рожу и «ту рыжую тварь в форме» за компанию.

— Я же его совсем ненадолго одного оставила, — прошептала почти с восхищением, вслушиваясь в грубые, резкие и совершенно неинформативные слова хриплого.

Запах табака и пота мешался с липкой вонью чужой болезни. И среди всего этого многообразия терпкий аромат хищника казался почти успокаивающим.

Враждебно настроенных людей было трое, вооруженные ножами, они почему-то не казались опасными на фоне спокойного волка, легкомысленно забывшего меч в управлении, а оттого безоружного. Хотя встречаться с ними на земле мне все равно не очень хотелось.

Но я должна была вернуться, и вернуться должна была в человеческом теле, потому что меня они видели в форме городской стражи, а не в шубке тарсы.

Найти подходящую ветку, что смогла бы выдержать мое человеческое тело, было легко, найти другую ветку, на которую я могла бы перепрыгнуть для эпического явления и в то же время не свернуть себе шею, свалившись вниз, оказалось уже сложнее, но я справилась.

Превратилась рывком, чуть не выронив часы и потревожив снежную шапку на моей ветке и двух соседних. Снег с шорохом опал вниз, бандиты обернулись на звук.

Это был мой звездный час. Наугад засунув блестяшку в карман кителя, я прыгнула.

Это был самый дурацкий план, какой я только придумывала, но он сработал. Я не свалилась и даже смогла поинтересоваться недрогнувшим голосом:

— Босс, это, конечно, не мое дело, но ты случайно с плохой компанией не связался?

Волк устало прикрыл глаза.

Хриплый выразительно послал меня в какие-то интересные места, после чего без перехода потребовал, чтобы я отдала ему то, что прячу.

— А я что-то прячу?

— Не шути со мной, — велел хриплый. Два его товарища молчали, но на их жутковатых мордах прямо светилось предупреждение, что с ними тоже лучше не шутить. Видимо, шуток они совсем не понимали и это была их очень старая и больная травма... — Думаешь, мы не поняли? Сначала вы срываетесь к девке-артефактору, а сразу из ее дома едете сюда. В забытую часть парка. И для чего же? Смекаешь, к чему я клоню?

— Смекаю, — подтвердила я. — Вы за нами следили.

— Где то, что нужно Деккару? — рявкнул мужик. — Он уверен, что это у вас, значит, оно у вас.

— А вы, значит, от Зафрэ?

Хриплый непонимающе моргнул, переглянулся со своими подельниками и изменившимся голосом совсем неправдоподобно ответил:

— От него. Должны забрать у вас эту вещицу.

— Ясно. — Я демонстративно оглядела безмятежный пейзаж. — А где он сам?

Мужик начинал терять терпение.

— Нет у него времени, чтобы за вами бегать. Деккар важная шишка...

— Так-то оно, может, и так, но из-за этой, как вы выразились, безделушки он очень бодро за нами бегал. Лично. Не думаю, что за последние несколько часов что-то сильно изменилось...

Хриплый побагровел и промолчал, лишь подтверждая очевидное — он за нами совсем не по приказу Зафрэ следил. Едва ли тот вообще в курсе, что эти недоумки за нами из-за блестяшки следили.

— Вы хотя бы знаете, что там? Хоть кто-нибудь из вас?

— Какая разница? Если Деккар в этом нуждается, значит, оно бесценно.

— Ну нет, такой ответ мне не нравится. Не получите вы сокровище.

— Спускайся сюда, дрянь! — хриплого прорвало. — И отдай то, что нашла, или я прикончу твоего дружка! А потом полюбуюсь, как стража без своего начальника бегать будет. Видела когда-нибудь, как обезглавленные куры носятся? Веселое зрелище. Со стражей тоже весело получится.

— Видела, — угрюмо ответила я, прикидывая, как бы мне так прыгнуть, чтобы успеть и в тарсу превратиться, и загореться и чтобы обязательно на голову хриплого приземлиться. После этого, конечно, их не получится оставить в живых, но меня это не печалило. — Я много чего видела.

— Оставайся на месте, — резко велел волк, заметив, как я примеряюсь для прыжка.

— Но, босс...

— Не спорь.

— Будешь его слушать? — не понял хриплый. — Тебе, что ли, все равно, что он сейчас умрет?

Он не представлял, что я собиралась делать, потому посчитал, что волк меня пытается защитить, а не их... хотя я не была уверена, что Хельму понимал, что я задумала.

Неоднозначная какая-то ситуация.

— Ты дурак или да? — психанула я. — Сам же недавно говорил, что прикончишь нас. И его, и меня. Я, между прочим, все прекрасно слышала. А теперь пытаешься шантажировать меня... чем?

Я нащупала часы в кармане и сжала их. Такая маленькая блестяшка, а сколько от нее проблем.

— Это ты в развитии остановился еще в младенчестве, а я умненькая. И я понимаю, что если сейчас спущусь к вам, то мы трупы. Надеюсь, и ты поймешь... или кто-нибудь из твоих калечных подельников тебе объяснит, что если ты сейчас убьешь заложника, то я просто сбегу, прихватив с собой то, что ты так настойчиво требуешь.

Его дружки напряженно переглянулись, хриплый едва ли не скрипел зубами от злости, а я, возвышаясь над ними всеми, чувствовала себя почти хозяйкой положения. Но только почти, потому что там же, внизу, стоял еще и волк, и мне за него было немного страшно.

— Вот такая неразрешимая у нас получилась ситуация, — вздохнула я, не удержавшись от едкого: — Смекаешь?

Я ожидала переговоров, попытки подкупа, еще одного захода с шантажом. Я переоценила хриплого.

Кажется, он и правда был глупым, потому что вместо попыток договориться повернулся к волку, зажатому между двумя его подельниками, и отвел руку с ножом в сторону.

— Хоть повеселюсь, — сказал он.

Я не успела даже испугаться, а Хельму уже решил проблему и недовольно откинул нож подальше от стонущего в снегу хриплого.

— И... ты это мог с самого начала сделать? — спросила я, не веря своим глазам. Он их уложил. Просто взял и уложил.

А я его недоволком звала, и беспомощным, и...

— Мог, — подтвердил Хельму, склоняясь над одним из бандитов, которому, кажется, сломал руку. — Но надеялся их сначала разговорить.

— И почему не разговорил?

— Появилась ты и все испортила, — невозмутимо ответил он. — Спускайся.

Я неуклюже сползла с дерева. Выслушала инструкции волка. Поддакнула даже и к экипажу городской стражи побежала очень быстро. Но вместо того, чтобы лично ехать в управление и передавать помощнику командора приказ собрать людей и ехать в парк, озвучила все требования кучеру, проследила за тем, как лихо он пустил коней и как подпрыгивала и дергалась пустая карета на булыжной мостовой, и вернулась к волку.

Не хотелось оставлять волка одного. Даже после того, как я узнала, что он может постоять за себя, все равно не хотелось.

На недовольный взгляд Хельму, не обрадовавшегося моему возвращению, я ответила широкой улыбкой.

— Я обещала Эдит за тобой приглядывать, — соврала с чистой совестью. Потому что правда собиралась это пообещать перед расставанием, но Зафрэ помешал.

* * *

В управление мы вернулись уже в глубоких сумерках. Напряженно-молчаливый волк и я, с отмороженными ушами.

— О чем задумался?

— Завтра же отошлю Юстину в Оверан, к мужу, — рассеянно ответил он.

— Я ее плохо знаю, но не думаю, что она будет этому рада.

— Это уже не имеет значения. Для нее оставаться в городе опасно...

— Но Зафрэ угрожал только стражникам.

Волк устало посмотрел на меня.

— Ты разве еще не поняла? Теперь не только он ищет чешую. Вероятно, он оказался неосмотрителен, ненужная информация просочилась... Даже если никто не знает, что именно ищет Деккар, будет много желающих завладеть этим.

— Кроме этих троих могут быть и другие? — погрустнула я.

— Вероятность велика, — подтвердил Хельму. Покрутив в руках часы, с которыми я рассталась только в карете на пути в управление,

он решил: — Утром поедем к Вирнэ, а сейчас домой.

— Часики... мы же с собой заберем? — спросила я, с тоской следя за тусклыми бликами, вспыхивавшими на их золотых боках.

— Так будет надежнее, — подтвердил волк. И спрятал часы в карман. Он мог бы отдать их на хранение мне, уж я бы их сохранила.

А он не отдал и сделал вид, что не заметил моего требовательного взгляда.

Возвращалась домой я с ощущением, будто меня обокрали.

* * *

Юстине волк отправил записку. Можно сказать, письмо, сочинял которое все утро. Даже на завтрак опоздал.

А после завтрака на пороге дома — где нас и застал измотанный посыльный в приметной форме — долго читал отчет об успешном прибытии Эдит в стаю. Я тоже читала, сидя на плече Хельму и с трудом разбирая слова.

— Слушай, а твоя родня случайно не из этих... фанатиков, которые прославляют единение с природой и все время ходят в шкурах, нет?

— Разумеется, нет, — рассеянно отозвался он, вчитываясь в кривые строчки. — Откуда такие вопросы?

— Я бы сказала, что вот это вот, — я ткнула в сложночитаемое извращение, — писали лапой, нанюхавшись мяты. Или от чего там оборотней колбасит?

Хельму меня проигнорировал, дочитал отчет и аккуратно его сложил.

— Эй! Подожди минутку, я не успела.

— С Эдит все хорошо, ее встретили, разместили. Позволили Флоренс остаться...

— Это я прочитала, что там дальше было?

— Многословные обещания позаботиться о ней, — неохотно сообщил он и шагнул-таки в морозное утро. Карета уже стояла у ступеней, извозчик чутко дремал и мгновенно выпрямился, стоило только двери за нашей спиной закрыться.

— Тогда почему ты такой хмурый?

Волк ответил не сразу. Спустился к карете, распахнул дверцу и, уже забираясь внутрь, негромко сказал:

— В письме Эдит несколько раз назвали щенком.

Не сразу я поняла в чем проблема. Ну щенок и щенок... она ведь правда щенок. Мелкая и, возможно, даже пушистая в душе.

Но, вспомнив свои недавние опасения, быстро сообразила, что именно так не понравилось Хельму. Он не смог стать полноценным оборотнем, семья, скорее всего, считала его человеком, потому и отказалась. А какой щенок может родиться у человека?

А раз так, то Эдит они уже вроде как себе присвоили и прямо об этом заявили...

— Они ее вернут, — твердо пообещала я, пытаюсь поймать взгляд волка. — Ну в самом деле, если подумают только оставить детеныша себе, я сама к ним поеду. Вот увидишь, и недели не пройдет, как ее тебе отдадут.

Хельму скептически хмыкнул, но немного расслабился.

— Спасибо.

* * *

Первым делом мы поехали не к Вирнэ, как я того ожидала. Мы отправились в управление.

— Мне нужно забрать меч, — сказал волк раньше, чем я успела спросить. Только заметила, что мы едем немного не в ту сторону, повернулась к нему за разъяснениями и мгновенно получила ответ. — А тебе — превратиться, не вызывая подозрений.

— Разумно, — согласилась я, не рискнув сознаваться, что уже почти успела смириться с необходимостью весь день сидеть на плече Хельму и молчать. Была даже уверена, что он специально не напомнил мне о превращении, чтобы я не изводила и его, и Вирнэ глупыми вопросами.

Ошиблась...

Гордо восседая на плече командора целой городской стражи — чуть не разбив из-за этого нос, запоздало пригнувшись, когда волк выбирался из кареты, — я доехала до кабинета Хельму, важно

спрыгнула прямо на стол, собираясь превратиться, пока он вспоминает, где оставил свой меч. И не смогла.

Коротко постучав и не дождавшись разрешения войти, в кабинет влетел помощник командора с кипой бумаг.

— Как хорошо, что вы все же решили заехать сегодня в управление. — Он стремительно пересек кабинет и с искренним облегчением опустил свою ношу на стол. Несколько листов упали на пол. Помощник бросился их подбирать и неуклюже боднул лбом край стола.

— Гларан, я ненадолго, зашел забрать меч. — Хельму помог парню подняться. — У меня нет на это времени.

— Хотя бы самые срочные.

И столько отчаяния было в этой просьбе, что даже я прониклась. Прониклась и порадовалась, что родилась нечистью и мой мир не держится на вот таких бесполезных бумажках.

— Десять минут, — сдался волк.

У меня появилось целых десять свободных минут. Или пятнадцать. Или даже полчаса. Кто знает, насколько затянется рассмотрение всех этих «очень срочных документов»?

Сколько бы времени это ни потребовало, я уже знала, чем займу каждую секунду.

— Анха? — удивленно позвал меня Хельму, когда я спрыгнула со стола и направилась к двери. В ответ я только махнула лапкой. Разговаривать при своем помощнике волк меня ни за что не заставит.

И, только подойдя к двери, я поняла главное — у меня проблема, сама я открыть дверь никак не смогу.

— Она... просит, чтобы ее выпустили? — не очень уверенно протянул... Гларан, сообразительная моя прелесть, когда я требовательно поскребла дверь когтями.

— Открой, — разрешил Хельму. И добавил уже для меня: — Прошу тебя быть благоразумной.

В какой-то степени это напутствие было даже оскорбительным. В самом деле, когда это я вела себя неблагоразумно?

Превращалась я в женском туалете, проскользнув внутрь с двумя девушками и затаившись в дальнем углу, за самой последней перегородкой.

Ушли они скоро, а следом за ними и я, поправляя китель одной рукой и приглаживая волосы другой.

Впервые по управлению я шла на своих двоих в одиночестве, не спеша к кабинету волка короткими перебежками, а спокойно и уверенно... куда глаза глядят.

Хотела почувствовать себя человеком, проверить, не выделяюсь ли я из толпы, но и представить не могла, что это будет так страшно.

На первый этаж я спускалась с ощущением, что меня вот-вот раскроют. Замерла на предпоследней ступеньке, диковато оглядывая людный холл, потопталась немного и почти сдалась. Решила, что впечатлений на сегодня хватит, и собиралась как можно скорее вернуться к волку.

Рядом с ним как-то спокойнее.

Ровно в этот момент со мной впервые поздоровались. Тощий и нескладный паренек, сгибаясь под тяжестью пухлых папок, прошел мимо и, не поднимая глаз от ступеней, тяжело отдуваясь, бросил что-то неразборчиво-приветственное.

Прозвучало ободряюще, и я неуверенно спустилась на последнюю ступень.

Ничего непоправимого не произошло.

Никто меня не останавливал, чтобы поинтересоваться, по какому праву я ношу форму и когда успела поступить на службу... Напротив, со мной иногда даже здоровались — то ли спутав с кем-то, то ли просто по привычке приветствовать каждое новое лицо. Надев этот китель, я как-то сразу, автоматически, стала своей.

Уже потом, намного позже и совершенно случайно, я узнала, что дело было не в кителе, а в приколотом к воротничку зачарованном значке городской стражи. Волк оказался достаточно предусмотрительным, чтобы не только форму мне выдать, но и метку причастности поставить. И это не я так удачно вписалась, а Хельму меня очень профессионально вписал.

А пока я просто шла по коридорам, отзываясь на редкие приветствия, и шалела от новых ощущений.

Все хорошее закончилось как-то неожиданно.

— А ну, стоять! — Какой-то мужик в форме с непонятными нашивками на рукавах, страшно тараша глаза, преградил мне дорогу. — Это что за вид?!

Я на всякий случай осмотрела себя.

— Нормальный вид. Все пуговицы застегнуты, нигде ничего не торчит. Образцовая, можно сказать, аккуратность...

— Дубинка где?! — рявкнул он.

— Дубинка? — глупо переспросила я, шаря по бедру. Там, где у волка должен был висеть меч, а у простых стражников — дубинка.

Только сейчас, стоя перед жутковатым, забавно краснеющим пятнами от злости стражником — слишком уж близко к сердцу он принял мой неуставной вид, — я запоздало сообразила, что Хельму меня обделил.

Форму дал, а оружие не дал.

Без него мой ремень выглядел сиротливо.

— Где?!

— Ну так в ка... ка... — хотелось послать его в кабинет командора, но очень не вовремя появившийся за спиной стражника волк сбил меня с мысли.

— В казарме? — ужаснулся мужик.

— В моем кабинете, — негромко сказал Хельму.

Я впервые видела, чтобы кто-то краснел до такого интересного бурого оттенка.

Проблема разрешилась быстро и как-то сама, но неприятный осадочек оставила.

— Где моя дубинка? — спросила я, спеша за волком к выходу из управления. Со всеми своими срочными делами он разделался быстрее, чем я предполагала. — Отдай мне мою дубинку!

— Лучше я тебе другую форму выдам. — Хельму кивнул на спорящих о чем-то у одного из стендов стражников в темно-зеленой форме. — Такую.

— А есть разница?

Мне моя, темно-серая, нравилась больше, в основном потому, что у волка была такого же цвета. Хотя чутье подсказывало, что зеленая форма пойдет мне больше. Чутье и рыжие девицы в изумрудных платьях.

— Боевой отдел и канцелярия.

Несложно было догадаться, что зелененькие отвечали за бумажки.

— Дубинку жду, — упрямо повторила я.

Глава 10

Вирнэ неохотно пустила меня в святая святых, в свою лабораторию, и, кажется, считала, что я должна быть в восторге и сама себе завидовать.

Но восторг у меня могла вызвать разве что только невосприимчивость Вирнэ к гнетущей атмосфере этой темной, холодной... норы. Все стеллажи, что находились здесь, были расставлены вдоль стен и тянулись вверх, к потолку, туда, где неясно угадывались очертания светильников, которые хозяйка этого жутковатого места не подумала включить, решив обойтись одним, зажженным над столом.

Недостаток света скрывал в полумраке стеллажи со всем содержимым и меня. В кругу белого холодного света находились Вирнэ, волк и стол — ужасное изобретение ненормальной артефакторской мысли. Стол, как и основная часть мебели в лаборатории, был стальной, и по его краю едва заметно в слепящем свете тлели защитные знаки, не позволяя мне подойти ближе.

Даже со своего места и в этом бесполезном человеческом теле я чувствовала исходящую от символов угрозу. Они обрывали любой магический след, создавая внутри своего контура абсолютно безмагическое пространство. Для меня, тесно связанной с магией, это больше всего походило на самый страшный кошмар. Запертую в пределах стола бесконечную пустоту.

Если подобная защита и оберегала артефактора, исключая возможность остаться без лаборатории или жизни в случае какого-нибудь неверного движения, меня она только пугала.

Потому я не видела, как именно Вирнэ взломала плетение Зафрэ и отковырнула заднюю крышку часов.

— Хм-м-м. — Она перевернула часы, и из их нутра вывалился небольшой странный сверток.

Разворачивала его Вирнэ щипцами, с осторожностью принюхиваясь к запаху.

— Сообразительный гаденыш! — с восторгом выдохнула она. — Хельму, если вы все же поймаете создателя этого контейнера, я требую

право навещать его.

— Если все же поймаем? — недобро переспросил волк.

Недовольство его Вирнэ проигнорировала. Хрупкость волчьих чувств волновала ее сейчас в последнюю очередь... если вообще волновала.

— Помнишь, как в академии, на втором курсе, я не могла выбрать, какой вспомогательный курс взять, и в итоге записалась на геммологию и металловедение.

— Предположим, — не очень уверенно отозвался Хельму.

— Он, — Вирнэ ткнула щипцами в сторону не до конца раскрытого свертка, — скорее всего, выбрал алхимию. Кто вообще в здравом уме выберет алхимию?

— Внутри-то что? — не выдержала я. Мне было совсем непонятно, о чем она говорит, и не очень сильно интересно, что значат ее слова. Сейчас важным было лишь одно: что спрятано в свертке.

— Разумеется, драконья чешуя. Кто бы ни был этот артефактор, он не просто сумел правильно собрать контейнер для чешуек, но и перестраховался, смочив их... — Она нахмурилась и еще раз принялась к запаху, исходящему от свертка. — Не знаю, что это за раствор, но, раз он все еще не выветрился, тут точно дело без алхимии не обошлось.

Вирнэ все же раскрыла свертки, и я, не сдержав любопытства, подкралась чуть ближе, вытягивая шею и разглядывая небольшие полупрозрачные неровные пластины.

Разочарованию моему не было предела.

— И что, это и есть драконья чешуя?

— Взятая с носа, — подтвердила Вирнэ, подняв одну пластину в воздух и разглядывая ее на свет. — Подозреваю, с уязвимого места между ноздрей, там чешуйки самые мелкие и тонкие. Что теперь будете с ними делать?

Мы с Хельму переглянулись.

— Можешь сказать, в каком амулете их могли бы использовать? — спросил волк.

— Амулет? — Вирнэ фыркнула. — Артефакт абсолютной защиты. Такие в Первую магическую войну десятками делали. изнашиваются они быстро, но пока работают, защищают своего владельца от любых магических атак. Поговаривают, особенно искусно сделанные

артефакты способны были уберечь даже от физического воздействия. Вроде как стрелы останавливали на лету...

— Абсолютная неуязвимость, да? — Я завистливо вздохнула. Мне такая вещица не помешала бы.

— После того, как был подписан мирный договор с драконами, подобные артефакты вне закона, — попытался охладить мой пыл волк. Наивный, разве можно чем-то таким напугать нечисть?

Мы и сами вне закона.

— Процесс создания давно утерян. Все же больше века прошло, — добавила Вирнэ.

— Ну, кажется, у Зафрэ есть инструкция.

После моих слов наступила недолгая тяжелая тишина.

— Чешую нужно спрятать, — решил волк.

— Контейнер одноразовый, после вскрытия повторно использовать его нельзя, — извиняющимся тоном предупредила Вирнэ.

— А может, просто поломаем их? — предложила я.

— Целостность чешуек не имеет значения, в зависимости от формы амулета их можно хоть в порошок стереть. Пока в чешуе есть драконья магия, не важно в како они виде, их можно использовать. А драконья магия никуда не исчезнет, пока ее не используют. — Она задумчиво постукивала щипцами по столу рядом с чешуей и хмурилась, что-то обдумывая. — Я не уверена, что это действенный способ, но довольно часто, чтобы скрыть магический фон предмета, его помещали в проточную воду.

Волк усмехнулся.

— Как же, помню, большой скандал из-за этого был. Лет десять уже прошло, кажется? Контрабанда защитных амулетов через Быстроводную. Кто бы догадался разглядывать корму корабля? Если бы не случайность...

— Скажешь тоже, случайность. — Вирнэ презрительно наморщила лоб. — Всему виной обычная глупость. Зачем они посреди бела дня прямо на глазах у патруля начали вытаскивать этот злосчастный мешок из воды?

Я десять лет назад еще себя не помнила, и меня подобные ностальгические разговоры только расстраивали.

— Мы тоже можем спрятать чешую в проточной воде, — сказала я. — Привяжем где-нибудь на набережной — там, где она спускается к воде, есть очень много удобных выемок.

Узнала это я осенью, когда пыталась ловить рыбу. Еще узнала, что пловец из меня не очень хороший, а рыба в местных каналах злая и с зубами. Последнее шокировало меня особенно сильно.

Волк не хотел соглашаться на подобное ненадежное решение, но Вирнэ пообещала сделать все, чтобы злосчастная чешуя не исчезла случайно, утянутая слишком буйным течением.

— Укреплю веревку, повешу маячок на мешок, даже медной проволокой его оплету, чтобы сцепка с камнем была надежнее и вода его не сорвала, — пообещала она.

— Рассчитываю на тебя, — не очень охотно сказал волк. — Постарайся.

Вирнэ чуть оскорбленно фыркнула.

— Я тебя хоть раз подводила? А сколько раз я твоего контуженного дружка выручала?

— Раден мой заместитель. И он никогда не просил твоей помощи, каждый раз ты сама...

— Да смотреть же было жалко на его мучения. Если он ничего не смыслит в артефакторике, зачем берется за подобные задания?

— Кто-то же должен.

— Штатный артефактор управления!

— У нас нет штатного артефактора, — ехидно напомнил волк. — Он отказался занимать эту должность.

Вирнэ задохнулась от возмущения, не сразу найдя с ответом.

— Меня не устраивает ваш график работы! А ты мог бы выбрать какого-нибудь другого артефактора.

Волк пожал плечами.

— Не попадался никто твоего уровня.

У меня было такое чувство, будто этот разговор у них случается не впервые...

— И давно ты помогаешь управлению? — любопытствовала я после того, как убедилась, что спор окончен и на меня не наорут случайно за то, что я не вовремя сунулась.

— На постоянной основе? Три года уже, как амулеты в моду вошли и все без разбора стали использовать их в быту, не

потрудившись даже инструкцию прочитать, — проворчала Вирнэ, покосившись на Хельму. — И один самоуверенный командор не уволил своего артефактора.

— Ты наш незаменимый консультант, и я благодарен тебе за это, — невозмутимо сказал волк. — А предыдущий артефактор управления был непрофессионален, нерасторопен и много пил.

— А давайте поймаем Зафрэ и заставим его работать штатным артефактором, — неожиданно даже для самой себя предложила я.

На меня уставились как на сумасшедшую.

— А что? Зачем такому таланту пропадать?

Идею мою почему-то никто не поддержал. И очень зря, потому что Зафрэ определенно был профессионален, расторопен и не выглядел как человек, питающий слабость к алкоголю или любым другим разрушающим увлечениям.

С головой имел проблемы, это да, но в остальном... получился бы образцовый сотрудник!

* * *

Вирнэ расстаралась на славу. Почти два часа колдовала над мешочком, чтобы сделать его настолько неуязвимым, насколько это возможно.

Потом осторожно засунула внутрь чешую, прямо вместе с алхимическим изобретением Зафрэ, крепко завязала тесемку и передала волку.

— Часы оставь мне на пару дней. Хочу кое-что проверить. — Она постучала пальцем по задней крышке, лежавшей рядом с пустым корпусом. На внутренней части крышки были заметны тонкие царапины, складывающиеся в какие-то магические знаки.

— Ненадолго, — предупредил волк. — И постарайся их не испортить, часы понадобятся нам для Деккара.

— Поняла.

Хельму спрятал мешочек с чешуей во внутренний карман кителя, поблагодарил Вирнэ за работу, и мы покинули ее дом.

Карета управления нашлась на соседней улице, у чайной. Лошадь стояла под специальным навесом, привязанная к коновязи, узел

веревки украшал колокольчик, при легком позвякивании от него теплыми вспышками исходил слабый магический след.

Извозчик сидел в чайной, отогревался уже не первой чашкой какого-то пахучего травяного отвара.

— Есть хочу, — тихо пожаловалась волку, принюхиваясь к витающим в воздухе запахам. Пахло разогретым на солнце полем и почему-то еще медом. А в полях летом так много полевок. Мясом они, конечно, не богаты, но от парочки еще тепленьких мышек я бы сейчас не отказалась...

— Потерпи немного, — сказал Хельму.

Соврал. Терпеть пришлось долго.

Когда мы вышли из чайной, в воздухе уже кружились первые крупные пушистые хлопья снега.

Проворно забравшись в карету, я нетерпеливо ерзала на сиденье, пока волк устраивался напротив меня, а извозчик — на своем месте. Чем дольше я думала о еде, тем сильнее мне хотелось есть.

А перестать думать уже не получалось.

Пока я мечтала о мясе, волк размышлял о чем-то малоприятном, и его мрачно-задумчивый вид мешал моему аппетиту.

— О чем задумался?

Хельму посмотрел на меня.

— За нами следят. Это существенно все осложняет. Нужно как можно скорее спрятать чешую, пока никто ничего не заметил, и ездить по городу, избавляясь от слежки, — последнее, что нам сейчас нужно.

— Ну во-первых, следят не за нами, а за командором городской стражи и рыжей девицей в форме, которая с ним... то есть с тобой, постоянно таскается. За маленькой пушистой тарсой следит разве что Зафрэ. Но Зафрэ сейчас считает, что я нахожусь в управлении. — Я покровительственно похлопала Хельму по коленке. — И у меня есть идея. Тут недалеко сквозная улочка, сразу за вывеской... ну, знаешь, шубы с головой лисицы, мы мимо проезжали. Улочка не так чтобы сильно широкая, но карета должна проехать свободно.

— Зачем ты мне это говоришь?

Я самодовольно улыбнулась.

— Вели свернуть туда и отдай мне чешую, я обо всем позабочусь.

— Анха...

— Серьезно, босс, я умею быть маленькой и незаметной, так давай воспользуемся этим!

— Я не могу вечно полагаться на тебя, — нахмурился волк.

— Ну хочешь, я как-нибудь на тебя положусь? — предложила беспечно, ощутило ткнув его носком сапога в голень. — Давай же.

Он без всякой радости отодвинул заслонку небольшого окошка в передке кареты.

Пока Хельму отдавал распоряжения, я терпеливо ждала, превратилась лишь после того, как заслонка вновь была закрыта.

— Теперь чешую давай.

Мешочек перекинул ко мне.

— Как спрячешь, возвращайся в управление.

— Слушаюсь, босс!

Когда мы завернули на нужную улочку, едва вписавшись в поворот, волк опустил для меня оконную раму и даже посадил, чтобы я со всеми удобствами на полном ходу выпрыгнула из кареты и вцепилась в укрытую снегом железную лестницу, ведущую на крышу.

Лошадь не притормозила ни на мгновение, а я, не оглядываясь, краем уха ухватив негромкое пожелание удачи от волка, проворно залезла на крышу, отмораживая лапы об ледяные ступеньки.

К тому моменту, как карета выехала на соседнюю улицу, я уже пробиралась сквозь снег к противоположному краю крыши, крепко держа в зубах завязки мешочка.

Вирнэ велела прятать чешую в проточной воде, и я точно знала, куда мне сейчас нужно. Во всем городе только один канал имел настолько стремительное и бурное течение, что никакие морозы не могли его сковать.

Как ни иронично, но мой путь лежал почти через половину города к каналу, который какой-то шутник назвал Тихим.

Спуск к самой воде находился рядом с мостом. Мне нужно было прямо под него, чтобы там, на небольшом каменном выступе, попытаться спрятать чешую и промокнуть до ушей в обжигающе холодной злой воде.

Выплыла я лишь чудом, прицепила мешочек под водой и минут пятнадцать просто сидела рядом, стуча зубами и периодически проверяя, правда ли все старания Вирнэ были ненепригодными и не унесло ли чешую течением.

Тесемки намертво сцепились со скользким камнем под водой и, казалось, готовились в него врасти.

Подергав мешочек напоследок и убедившись, что все в полном порядке, я пулей бросилась в управление, чувствуя, как шерсть моя, уже и без того основательно обледеневшая, обрастает корочкой льда.

На второй этаж к окну командорского кабинета я взлетела из последних сил, истерично забарабанила в стекло и едва дождалась, когда мне его откроют.

Хельму в отличие от меня не мерз, а очень даже наоборот. Китель он снял и даже жилет расстегнул.

А я вот-вот должна была в льдинку превратиться!

— Ан...

Волк договорить не успел. Я быстро запрыгнула ему на плечо и без разрешения полезла за пазуху. Кажется, оторвала несколько пуговиц с рубашки, зато забралась в тепло.

Сначала Хельму задохнулся от холода, а потом долго и с чувством ругался, пытаясь меня вытащить.

Я рычала, кусала волка за пальцы и выбираться отказывалась.

— Отогреться дай, изверг! — твякнула злобно, распластавшись по его груди и животу.

— Ты же огненная тарса, — сипло напомнил он, дыша через раз. Теперь нам обоим было холодно, и меня это очень утешало. — Неужели не могла сама себя согреть?

Могла. Я могла это сделать. Сразу же могла, и не мерзла бы, и не страдала...

Но когда промокла, первым делом подумала о том, как доберусь до волка и буду долго ему жаловаться на нечеловеческие условия труда, и как-то не сообразила, что могу не мучиться.

Это же выходит, я так хотела, чтобы меня пожалели, что сама себя чуть не заморозила?

Осознание того, что я сама себе злейший враг, настолько меня поразило, что я даже сопротивляться перестала и позволила Хельму меня вытащить.

И висела я в его руках, жалобно поскуливая, потому что... да как я могла? Как я могла так с собой поступить?!

— Я принесу тебе полотенце, — пообещал волк, опустив меня на подоконник и потянувшись закрыть окно, которое благодаря моей

неожиданности так и осталось открытым.

— Себе принеси, — твякнула оскорбленно и выскользнула на мороз, чтобы там, на каменном выступе, хорошенечко просушиться. Горела я так хорошо, что мой подпаленный след должен был остаться, наверное, здесь навсегда как напоминание Хельму о моем позоре.

Волк терпеливо ждал, пока я закончу, пропустил меня в кабинет и наконец закрыл окно.

Одну, самую верхнюю пуговицу на его рубашке я действительно оторвала, остальные две оказались удачливее и просто расстегнулись.

За испорченную одежду волк меня не ругал, даже не обратил на это внимания, выслушал отчет и уточнил место, где я спрятала клад.

— А у тебя какие новости? — спросила я, теребя кончик хвоста и пытаюсь решить, правда ли мне хочется обратно в человека превратиться, или просто кажется.

— Поиски Деккара продолжаются. Но отчеты... — он покосился на стопку листов перед собой, — неутешительные. По ним следует, что никакого Зафрэ Деккара в городе нет. Комнату он не снимал, ни в одной лавке, ресторане, кафе или трактире замечен не был. Никто из нижних кварталов никогда его не видел. Осведомители молчат.

— А если он и не живет тут? А... я не знаю, телепортами пользуется? Вы же, забавные человечки, столько всего интересного насоздавали.

— Любая телепортация между городами, стационарная или частная, фиксируется и записывается по умолчанию. Эти списки мы тоже проверили. В дни, когда Деккар был в городе, странных перемещений не было.

— Или их просто не засекли.

— Анха, человеческий фактор исключен, все работает на магии.

— На амулетах? На артефактах? И ты думаешь, что эта ваша смешная магия способна остановить артефактора уровня Зафрэ? — Я нервно дернула ухом, не очень довольная тем, что волк так слепо верит в людские игрушки. — Ты хотя бы представляешь, сколько всего вы, люди, не замечаете, потому что не хотите этого видеть?

— Например, необычные умения высшей нечисти?

— Да хоть бы и наши умения! Босс, давай просто признаем, что люди глупые, а мир сложнее, чем может показаться, и случиться в нем может даже то, что кажется невозможным.

Хельму почему-то улыбнулся, а через мгновение уже вовсе смеялся.

— И что смешного я сказала?

— Прости. Ты права. Во всем права. Но знаешь... никогда не думал, что настанет день, когда меня будет отчитывать мелкая ушастая нечисть.

Я прижала уши к голове. Можно подумать, он ждал, что когда-нибудь его будет отчитывать нечисть огромная и клыкастая...

* * *

В завершение сложного дня, в то самое время, когда от жизни уже не ждешь никаких неприятностей и мечтаешь только о теплой постельке — в отсутствие Эдит постельке не сильно теплой, пугающе большой и пустой, — прямо в доме Хельму нас ждал сюрприз.

— Как это понимать? — Юстина атаковала волка с порога, размахивая его запиской. — Почему ты хочешь меня отослать? И почему я должна ждать тебя столько времени?

Хельму на мгновение застыл на пороге, будто размышляя, а не стоит ли отступить, спасая свои нервы.

Но отступить было некуда, наша карета уже уехала, и волк шагнул вперед.

— Мне тоже хотелось бы знать, зачем ты меня ждала, когда должна была собирать вещи, — сохраняя невозмутимый вид, ответил он.

В обычное время я бы уже спрыгнула с плеча Хельму и со всех лап неслась в столовую посмотреть, накрыт ли стол, но сейчас, в присутствии воинственной родственницы Эдит, осталась сидеть на месте в ожидании представления.

Волк сам, не церемонясь, за шкурку снял меня с плеча, пересадил на самый верх напольной вешалки и начал неторопливо расстегивать пуговицы пальто.

Устроившись на своем новом насесте, не таком удобном, как плечо волка, я в предвкушении посмотрела на закипающую Юстину.

— Почему я должна уезжать? — запальчиво спросила она.

— В письме...

— Вот именно, Хельму, ты написал о каких-то преступниках и беспокойной обстановке в городе, но разве в Оверане сейчас не опаснее, чем здесь?

Волк повесил пальто на крючок и только после этого ответил:

— Для тебя нет. Юстина, прошу, пойми, ситуация вышла из-под контроля. Я не успеваю за происходящим, и вероятность того, что с тобой что-нибудь случится раньше, чем я решу проблему, слишком велика.

Она нахмурилась, поджала губы и посмотрела на меня.

— А ты что скажешь?

За всеми событиями прошедших дней я как-то забыла, что Юстина была свидетельницей моей позорной поимки и знала про мою разговорчивость.

— Скажу, что с тобой может случиться что-нибудь плохое раньше, чем МЫ решим проблему. И поверь, ты бы не хотела, чтобы это плохое с тобой случилось. Грязное это дело. Да и потом, дыра в груди тебе точно не пойдет... и кровью платьице забрызгаешь, а оно у тебя такое красивое.

Платье у Юстины и правда было красивое. Глубокого изумрудного цвета, с вышивкой на манжетах и россыпью блестяшек на лифе.

— Прекрати! — одернул меня волк.

— Ну да, может быть, я слишком драматизирую. Вполне возможно, в тот момент на тебе будет не очень красивое платье...

— Поняла я, поняла, — перебила меня Юстина. — Сейчас же соберу багаж.

— Может, останешься на ужин? — вежливо уточнил Хельму.

От предложения она отмахнулась.

— Я не голодна.

— Я тебя провожу, — решил волк, и я подобралась, готовая спрыгнуть обратно на его плечо.

Юстина не возражала. Время было позднее, а ее экипаж находился в начале улицы, до него еще нужно дойти.

Хельму готов был даже проехаться с нею, игнорируя мое недовольное сопение, но Юстина отказалась. Забралась в карету, пообещала, что завтра дождетя людей волка и только с ними покинет город, и уехала.

— Разве Деккар угрожал кому-то, кроме сотрудников управления? — негромко спросил Хельму.

Мы стояли посреди улицы, сияние растущей луны и щедрой россыпи звезд отражалось от снега, удивительно ярко освещая улицу, делая работу уличных фонарей почти бесполезной и позволяя хорошо видеть, как бодро от нас удаляется темная карета.

— Не угрожал, но мне показалось, что вырванное сердце — это куда интереснее, чем перерезанное горло или ножик под ребра. К тому же она ведь никогда не узнает, что я ей соврала.

— Анха... — покачал головой волк.

— А что?

Хельму промолчал, развернулся к дому и побрел обратно, умудряясь наслаждаться тихим, умиротворяющим зимним вечером даже на голодный желудок.

— Кстати, о ножиках. Твои новые друзья ничего интересного не рассказали? Откуда они узнали, что Зафрэ что-то потерял и это что-то должно быть у нас?

В окнах домов, мимо которых мы проходили, горел свет, это делало вечер особенно волшебным. Разговоры о всяких преступниках в подобной атмосфере казались неуместными, но мне уж очень было любопытно...

— Ничего полезного. Кто-то где-то проболтался, пошел слух, многие в тених заметили интерес Деккара к местной страже... к нам с тобой... Никаких важных знаний у них нет, только домыслы. Не лишённые смысла, но абсолютно для нас бесполезные.

— И что мы будем делать?

— Подождем немного, дадим время Вирнэ изучить часы, а после... — волк окинул быстрым взглядом улицу. Я, поддавшись его паранойе, тоже на всякий случай прислушалась, но ничего подозрительного не заметила, — вернем часы Деккару.

— Ты же в курсе, что ему не часы нужны? И когда он поймет, что мы его обманули, то о-о-очень разозлится. Будут жертвы.

— До этого не дойдет. Вирнэ позаботится, чтобы после вскрытия часов Деккар утратил преимущество.

— Босс, Зафрэ гениальный артефактор. И я это говорю не потому, что он сам себя так назвал. Вирнэ тоже была впечатлена его умениями.

— Это не значит, что Деккар талантливее нее. Поверь, Анха, Вирнэ нет равных в работе с металлами. И если то, что она сказала, — правда, если Деккар выбрал алхимию, он не заметит изменений в плетениях.

Меня немного пугала его вера в умения Вирнэ, но ничего лучше предложить я не могла и просто очень надеялась, что волк не ошибается.

Глава 11

У человеческой жизни имелся один большой неоспоримый минус — она была скучной.

Волк не желал без острой необходимости делиться с кем-либо деталями нашего непростого дела, но и от текущей работы управления не был избавлен и не мог ни на кого ее переложить, пока его заместитель не вернулся.

Больше всех страдала из-за этого я.

Пока Хельму работал, а его помощник периодически заглядывал все с новыми и новыми вопросами, я успела обследовать каждый уголок этого унылого кабинета, проверить, смогу ли заползти под стеллаж — к слову, не получилось, — и вдоволь насмотрелась на кусок зимнего пейзажа, что можно было разглядеть в окне, если вжаться носом в стекло.

Люди ходили по улице, спешили куда-то, изредка проезжали кареты.

За окном шла жизнь, а позади меня волк со своим помощником о чем-то негромко и очень скучно спорили.

С нетерпением дождавшись, когда помощник наконец уйдет, я спрыгнула с подоконника, решив ради эксперимента превратиться в полете. Получилось так себе, я чуть не пропахала носом пол и привлекла внимание Хельму.

— Что-то случилось? — спросил он, поднимая на меня взгляд. Глаза у него были красные и будто больные, я это даже издали, даже не приглядываясь видела.

— У меня сейчас хвост от тоски отсохнет, — пожаловалась я, неуклюже одернув китель. — А еще я хочу есть.

Волк озадаченно покосился на часы. Он был слишком занят, чтобы отвлекаться на такую банальность, как чувство голода.

— Подожди немного.

— Вот уж нет! В прошлый раз, когда ты попросил меня немного подождать, еду я увидела только спустя три часа.

— Анха...

— Ничего не знаю. — Я протянула к нему раскрытую ладонь. — Мне нужно несколько медяков. Раз на тебя надежды нет, пойду добуду пару пирожков.

— Тебе не стоит выходить одной, — нахмурился волк. После того как Юстина уехала, спокойным Хельму пробыл ровно полтора часа, пока я не превратилась в человека, а он не решил, что я тоже беспомощная и обо мне необходимо беспокоиться.

— Мы сейчас почти в самом центре города, что со мной тут может случиться? Мне даже далеко идти не нужно, на площади полно лотков со всякой едой. А свинину от собачатины в пирожке я смогу отличить даже в человеческом теле.

Волк сомневался.

— Ну же, босс, это же я. Если тебе за кого и стоит волноваться, то не за меня, а за того недоумка, что попробует меня обидеть.

— Далекo не уходи, — велел волк, вместо пары монеток кинув мне свой кошель. Какой опрометчивый поступок...

— Слушаюсь! — Я быстро засунула кошель в карман и бросилась к двери, уже предвкушая, как смогу пройтись среди людей, не привлекая к себе внимания. Я буду ходить рядом с ними, смотреть, заговорю с торговкой, и никто не узнает, что я на самом деле тарса. Нечисть, а не человек. Я буду такой же, как и они. Равной...

— Анха, пальто! — запоздало прилетело мне в спину, когда я, распахнув дверь, уже одной ногой была в коридоре.

Пришлось возвращаться, стягивать с вешалки пальто, которое я вечно здесь забывала, и старательно наматывать на шею шарф под внимательным взглядом волка.

— Будь осторожна, — попросил он перед тем, как я покинула кабинет.

— Верь в меня, босс!

В коридоре я чуть было не уронила помощника волка — надо бы уже запомнить его имя, — скомканно извинилась и на слабое: «Подождите» — уже на бегу бросила радостное:

— Я спешу.

На крыльце управления я замерла ненадолго, полной грудью вдыхая морозный воздух. На улице было хорошо, пусть и холодно. Я бодро проскакала по ступеням и уверенно повернула направо. Когда проходила мимо переулка, бросила быстрый взгляд на окна

командорского кабинета. Я была на свободе, а волк был взаперти, почти в клетке, и сейчас, чувствуя, как замерзает нос, я очень его жалела.

Никто на меня не косился и пальцами не тыкал. Не морщился брезгливо и не переходил на другую сторону улицы.

Потому что я была не тарсой и не оборванкой в грязной одежде, а человеком. Стажером. Частью управления городской стражи... ненастоящей частью, несуществующей, но именно сейчас об этом совсем не вспоминалось.

Лоток с пирожками, свежими, еще горячими, исходящими аппетитным паром, я заметила еще издали. Запах почувствовала раньше, чем даже увидела, и уверенно направилась прямо к лотку, игнорируя людей вокруг.

Не дошла шагов десять, когда дорогу мне преградили три подозрительных типа, а сзади, подойдя вплотную и прижав к боку ножик, встал четвертый.

— Прогуляешься с нами, — велел тот, что тыкал в меня остреньким.

— Вы меня сейчас вроде как похищаете, да? — спросила я, не пытаясь скрыть своего недовольства. Поесть я не успела, и волк будет на меня ругаться из-за этого похищения. Не остановит его даже то, что я тут вроде как жертва. Все равно будет ругаться, потому что решит, что я была не очень осторожна... Но я же не виновата, что преступники такие наглые пошли. Похищают людей среди бела дня. — А если я сейчас закричу?

— Я распотрошу тебя раньше, чем кто-нибудь решит узнать, в чем дело, — пообещали сзади.

— Не хотелось бы, — призналась я. — Мне мои внутренности очень дороги.

Люди равнодушно проходили мимо, словно не замечая, как четыре мужика крайне преступного вида оттесняли меня все дальше по улице.

— А можно спросить, вас же не Зафрэ прислал, да? — деловито уточнила я, заметив серую неприметную карету. Ждала она именно меня.

Второе похищение за одну зиму... Будет чем хвастаться, когда Эдит вернется.

Вместо ответа меня неласково пихнули в сторону кареты.
— Не болтай. Иди.

* * *

Поездка вышла напряженная. Тип с ножиком и двое из трех его подельников сидели напротив меня и смотрели пристально. Третий подгонял коней.

Я нервничала.

Чем дальше мы отъезжали от управления, тем больше нервничала.

После такого позора мне не то что дубинки, мне свободы больше не видать. Волк нацепит на меня ошейник, как грозился, приделает к нему поводок и больше не пустит дальше пределов управления. А все потому, что я такая невезучая.

— Слушайте, я уже поняла, что вас не Зафрэ послал, едва ли он стал бы пользоваться такой убогой повозкой... — Я поерзала на неудобном, жестком сиденье и заговорщицки понизила голос. — И у меня есть к вам предложение. Давайте вы меня прямо сейчас допросите и отпустите, а? Я могу еще успеть вернуться раньше, чем меня хватятся. Как вам?

— Заткнись, — коротко велел тип с ножиком.

— Мы же можем помочь друг другу. И вместе избежать гнева моего босса... Соглашайтесь. Давайте завершим наше маленькое приключение без жертв.

— Заткнись, — повторил он, на этот раз не поскупившись на угрозы: — Иначе я отрежу тебе язык.

— Это будет очень опрометчиво с вашей стороны. Что я вам смогу рассказать без языка?

Карету ощутимо дернуло и затрясло. Настолько плохая дорога могла быть только в одном месте...

И место это я даже в своем пушистом виде старалась обходить стороной.

— Серьезно? Трущобы? Ничего очевиднее для похищения вы выбрать не могли?

На этот раз вместо ответа я получила кулаком под дых и на время лишилась дара речи.

— Критику нужно принимать достойно, — прохрипела я, отдышавшись.

Остановились мы довольно скоро, и меня выволокли из кареты, вставшей перед самой дверью в какой-то покосившийся старый двухэтажный дом. Большинство окон были выбиты, некоторые заколочены досками, краска вздулась и облупилась, дерево рассохлось, а входная дверь, перекошенная и скрипучая, держалась уже исключительно на честном слове.

Внутри пахло нечистотами, потом и кровью.

А еще крысами. Даже мой человеческий нос улавливал тревожащий запах дикой крысиной стаи.

Меня протащили по ненадежной прогнившей лестнице на второй этаж, втокнули в пустую пыльную комнату. Сквозь заколоченное окно косыми тонкими полосами пробивался солнечный свет.

Я осматривалась, принюхивалась и пока молчала. Не видела больше смысла о чем-то говорить. Мы все здесь уже были немножечко трупами.

Когда волк узнает... ох, что же будет, что же будет.

Стул, стоявший посреди комнаты, предназначался мне.

Меня усадили, привязали, больно примотав кисти к деревянным подлокотникам, и на какое-то время оставили одну.

Если нос меня не обманывал, то кроме меня на втором этаже был только один человек, в дальней комнате. Хотя остывающее, крепко пахнущее мучительной смертью тело едва ли уже можно было считать человеком...

— Замечательно, — пробормотала я, пробуя веревки. Те держали крепко. — Я дожила до пыток.

Интересно, если я представлю Зафрэ счет за поход к целителю после знакомства с этими отморозками, он его оплатит?

Проведать меня пришли только спустя минут тридцать, когда я решила, что шансы на то, что Хельму уже заметил мое долгое отсутствие, и то, что еще не заметил, увязнув в делах, примерно равны.

Первой в комнату вкатилась железная тележка, зловеще звеня чем-то скрытым под грязной серой тряпкой, следом показался тощий

нескладный мужчина, толкавший ее. В прорехах рубахи было видно его худое костлявое тело и бледную, усыпанную розоватыми болячками кожу.

Я очень надеялась, что это не заразно.

Тележка остановилась передо мной, и мужик с величественным видом сдернул ткань. Под тканью был поднос, а на подносе лежали жутковатого вида приспособления.

— Seriously? пытки? — безнадежно спросила я. Наверное, впервые в жизни я совсем не испытывала удовлетворения оттого, что оказалась права. — А просто поболтать за чашечкой чая мы не можем?

— Я не сделаю тебе больно, — пообещал мужик, будто бы и не услышав меня, — если ты будешь честно отвечать на мои вопросы.

— Задавай.

— Что нужно Деккару?

— Seriously? Это что, самая главная тема недели? Весь преступный мир заклинило на Зафрэ? Он настолько популярен?

С подноса с предостерегающим позвякиванием были подняты какие-то малосимпатичные щипцы.

— Ладно-ладно. Чего сразу угрожать-то? Часики он ищет. Блестяшечку, дорогую ему как память. Наверное. Может, девушка подарила или в наследство от отца достались. А может...

— Веселая ты, да? — недобро спросил мужик. Щипцы обратно на поднос он не положил, и это напрягало.

— А это риторический вопрос? Или вам правда интересно?

Щипцы упали на пол, а мужик, в одно мгновение оказавшись передо мной, нависая сверху и больно сжимая пальцами мои руки, свистящим шепотом спросил:

— Ты, маленькая тупая дрянь, думаешь, я с тобой тут в игры играю? Я хочу знать, что нужно этому отбросу в моем городе. Хочу знать, что он собирается делать. И главное, хочу знать, где его найти.

— В смысле, это Зафрэ-то отброс? — спросила я, стараясь не дышать. О гигиене этот тип если что-то когда-то и знал, то уже давно все забыл. — Как по мне, он очень даже опасный преступник.

— Он позор нашего мира! — рывкнул мужик, царапая меня кривыми обломанными ногтями. — Несмываемое пятно. Холеный ублюдок, посчитавший, что имеет какие-то права на эти улицы.

— Холеный, — повторила я, стараясь не обращать внимания на боль. — То есть Зафрэ из приличной семьи? А из какой?

Он отшатнулся от меня, удивленный и недовольный моей реакцией.

— Откуда мне знать? Но Деккара растили не улицы, он не имеет на них права.

Я бы с удовольствием еще поговорила про Зафрэ, но моему собеседнику эта тема наскучила.

— Хватит с меня, — сказал он, отшвырнув носком ботинка щипцы к стене и взяв с подноса короткую пилу. — Сейчас ты запоешь.

— Знаете, вам не понравится, — сказала я. Очень не хотелось превращаться и все тут сжигать вместе с этим склонным к вспышкам агрессии типом. Волк меня за это по голове не погладит.

Мужик меня не слушал. Надвигался с предвкушающей улыбкой и нездоровым блеском в глазах.

— Насилие не выход, — безнадежно добавила я, смирившись с мыслью, что придется жечь.

Шум с улицы нарушил все наши планы. Только если меня крики с улицы приободрили, то мужику происходящее совсем не нравилось. Невнятно ругаясь, он с размаху швырнул пилу на столик и выскочил из комнаты, не посчитав нужным закрыть за собой зверь. Благодаря этому я могла наблюдать, как местные жители бестолково мечутся по коридору. Потом прозвучало несколько сухих хлопков, дом содрогнулся, кто-то страшно завыл внизу, а через несколько секунд коридор уже заполнили люди в форме городской стражи.

Первым в мою комнату ворвался молодой паренек, осмотрелся, ободряюще мне улыбнулся и крикнул кому-то, что стажер, я то есть, здесь.

В следующее мгновение в дверном проеме уже стоял волк.

И мне как-то совсем без причины захотелось улыбаться.

— Представляешь, босс, а я все еще голодная.

Стражник сбежал, как только увидел лицо начальства. Бессвязно пробормотал что-то о важных делах и скрылся в творящейся за спиной волка неразберихе. И некому было запретить Хельму неторопливо прикрыть дверь и... смотреть.

— Не хмурься на меня. Я тут ни при чем, это же ты мне дубинку замотил. Я была безоружна, а у них был нож, что я могла сделать?

Они меня прямо на площади поймали, представляешь? Перехватили на подходе к пирожкам.

Хельму никак не реагировал на мои слова, он просто НАДВИГАЛСЯ, как какое-нибудь стихийное бедствие. Обошел столик с игрушками тощего мужика, равнодушно осмотрел содержимое подноса и, не остановившись ни на мгновение, поднял с него ножик.

— Ну зачем ты молчишь, а? Скажи что-нибудь, — жалобно попросила я, когда волк склонился надо мной.

— Ты больше никуда не пойдешь без сопровождения. — Он с таким зверским видом разрезал ножом сдерживающие меня веревки, что я на мгновение о сохранности своей шкурки забеспокоилась. — Если бы не чистая случайность, мы бы не успели.

— А что за случайность?

Волк даже не скрывал того, что в меня совсем не верит, и считал, что это они меня сейчас спасли. Меня, а не сколько-то там жертв возможного пожара и целый старый рассохшийся ветхий дом.

Это было так оскорбительно, что скулы свело от желания его укусить. Я же не беспомощная!

— Твой значок. — Хельму освободил одну мою руку и тут же принялся за другую. На шум за дверью волк внимания не обращал, и я решила тоже его игнорировать. — Он из старой партии, давно списанной из-за следящего плетения.

— С-следилка?

Хельму кивнул.

— После одного скандала было решено, что подобные меры предосторожности излишни и нарушают права сотрудников управления.

— А мои права, значит, это не нарушает?

— Других значков не было.

А я-то, глупая, переживала, что после случившегося волк меня на поводок посадит, а он, оказывается, уже...

Глава 12

Никогда не думала, что мне может стать одиноко.

Когда Эдит только появилась в моей жизни, я мечтала хотя бы об одной спокойной минутке. Чтобы она куда-нибудь ушла и оставила меня в покое.

А сейчас, устав от неуютной пустоты спальни детеныша, я в прямом смысле обдумывала план проникновения в волчье логово. Потому что Хельму, может, и являлся вредным недоволком, но рядом с ним я уже не одна.

Самым простым было бы превратиться в человека и прокрасться в его комнату. Останавливало лишь понимание, что незамеченной мне не остаться, а волка может разозлить наглое вторжение на его территорию. В виде тарсы я куда быстрее, и поймать меня, такую мелкую, в разы сложнее.

Самым безопасным казалось отправиться вот прям так, как есть, пушистой и несчастной, и скрестись в дверь, пока Хельму не надоест и он сам меня не впустит.

Так я и поступила. Даже поскулила жалобно, рассчитывая на волчий слух.

Дверь распахнулась неожиданно быстро. На пороге, нависая надо мной помятым и злым утесом, стоял Хельму. Вот вроде похищали и пытаться собирались меня, а при взгляде на волка создавалось впечатление, что все неприятности прошедшего дня выпали на его долю.

За спиной Хельму мягким уютным светом сиял включенный ночник.

— Что? — недружелюбно спросил волк.

— Я тут подумала, босс, пока детеныша нет в доме, я, пожалуй, в твоей спальне поживу, — сообщила ему и, не дожидаясь приглашения, проскользнула внутрь. Нос тут же забил звериный запах, тревожа инстинкты, но я была уверена, что со временем привыкну.

— Хм-м-м?

Волк так и стоял на пороге, не закрывая дверь. Запрыгнув на кровать, я прошла по откинутому одеялу, забралась на подушку —

теплую и помятую, ту самую из трех имеющихся, на которой совсем недавно спал волк, — покрутилась на ней, притаптывая себе удобную лежанку, и с довольным видом заняла чужое место.

— Не хмурься так. Я пушистая и теплая. Эдит нравилось спать со мной. И тебе понравится.

— А если нет? — спросил Хельму, но дверь закрыл.

— Понравится, — с угрозой повторила я.

Спорить он не стал. Выключил свет и лег, повернувшись ко мне спиной. Через несколько минут он уже крепко спал, и его размеренное глубокое дыхание очень скоро убаюкало и меня.

А утром проснулась я от негромкого и неразборчивого ворчания волка.

— Босс, ты чего?

— Проспал, — раздраженно отчитался он, возясь с запонками на манжетах.

— Правильно говорить не «проспал», а «выспался», — поправила я, сладко зевнув во всю пасть.

И только когда смогла открыть глаза и увидеть Хельму, поняла, как неправа была.

— А, так ты такой злой потому, что проспал и не выспался, да?

Волк не ответил, он был сильно занят.

— Но позавтракать же мы успеем? — озабоченно спросила я, зачарованно следя за тем, как поблескивают серебром запонки на белой рубашке.

Позавтракать мы успели, хотя под конец волк уже откровенно меня подгонял, угрожая тем, что карета уже прибыла и, если я не потороплюсь, он один уедет.

Сегодня волка ждал протокол допроса моих похитителей. Я не могла такое пропустить. И ждать до вечера, чтобы узнать скупой пересказ от Хельму, тоже не могла.

Пришлось торопиться и давиться едой, сдерживая негодование. И в карете тряслась молча, потому что общаться волк был не настроен...

Все оказалось зря.

Ничего полезного мои похитители не знали. Тощий любитель пыток тоже. И никто пойманный в том доме не имел никакой полезной информации по нашему делу.

Настоящее имя Зафрэ, хоть что-то о его прошлом, что и зачем он ищет в городе, зачем вообще сюда приехал — ни одного внятного ответа. Нам было известно куда больше этих клюнувших на неясные слухи недоумков.

— Знаешь, иногда мне кажется, что до недавнего времени Зафрэ вообще не существовал, — пробормотала я, сидя на плече волка и вчитываясь в ровные, аккуратные строчки бесполезного протокола. — О нем вроде как все знают, а про него не знают ничего. Жуткий же тип.

— Это проблема, — согласился Хельму и осторожно повел плечом, на котором я сидела. — Не хочешь превратиться?

Ответила я без раздумий.

— От человеческого тела одни проблемы. Похожу пока пушистой.

Я из-за этого тела чуть в сосульку не превратилась, потом меня в этом же теле похитили... и чувствовала я себя в последнее время странно. Мне начинала нравиться человеческая жизнь. Глупые игры в стажера, возможность пройтись по улице, не привлекая к себе внимания, поговорить с кем-нибудь, не опасаясь, что меня попытаются подчинить, придушить или пустить на опыты.

В человеческом теле я чувствовала себя все увереннее, оно казалось мне очень удобным, и это пугало. А жизнь меня уже давно научила, что лучше избегать того, что пугает. Так шкурка целее будет.

— Я вынужден настаивать. У Гларана к тебе какое-то дело.

— Гларана?

— Моего помощника, — с укором напомнил волк. — Я же вас представлял друг другу.

Представлял, конечно, как-то раз, но тогда я не особо слушала, что он говорит, а потом уже не получалось запомнить имя помощника. Не интересно мне это было.

— И что ему нужно?

Хельму пожал плечами.

— Мне казалось, все вопросы касательно тебя мы решили... — Он запнулся, будто только что-то вспомнил, и посмотрел на меня. — Анха, думаю, тебе нужно кое-что о себе узнать.

— Да я вроде все о себе знаю, — осторожно ответила я, но на всякий случай спрыгнула на стол, чтобы лучше видеть волка. Превращаться я все еще не планировала.

Новости о том, что вездесущий Гларан зачем-то искал документы по моему переводу и назначению, но не смог найти, меня совсем не обрадовали. Мое место стажера в управлении оказалось под угрозой.

— Сдались ему мои документы, — пробормотала я, пытаюсь прикинуть, сильно ли будет злиться волк, если с его помощником случится беда. Страшная беда со смертельным исходом. Непроизвольное возгорание, например. Не такая уж редкая причина смерти, если верить человеческим газетам. Непроявившихся пиромагов довольно часто пожирала их же собственная, вышедшая из-под контроля магия...

— Твое назначение должен был подписать я. Вполне понятно, что Гларана обеспокоило отсутствие документов, — встал на защиту своего помощника Хельму.

— И что мне теперь делать?

— Запомнить, что прибыла ты к нам по обмену из Медема. Городок маленький, управление стражи там... своеобразное. Никого не удивит, если вдруг пакет с документами оттуда случайно где-то затеряется. Гларан уже подготавливает документы и составляет запрос в Медем для повторной отправки всех твоих бумаг.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — вспыхнула я. — Что будет, если в ответ на запрос придет сообщение, что ни про какую Анху они знать не знают?

— Успокойся. Ответ не придет. Он никогда не приходит. Для того чтобы получить информацию от Медемского управления, нужно ехать туда лично.

Я немного успокоилась, пока весь смысл его слов до меня не дошел.

— Подожди... то есть, если Гларан подготавливает документы... это я, выходит, в самом деле стану стажером стражи?

— Разумеется, нет. Я их не подпишу.

— Но, босс!

— Ты можешь носить форму, если она тебе нравится, но, как только дело Деккара будет закрыто, ни в каком другом расследовании участия ты не примешь.

— Это несправедливо! Я полезная. Полезнее половины твоих подчиненных.

— Анха, ты не готова к работе в городской страже, понимаешь?

Это я понимала. Как понимала и то, что не потяну полноценный рабочий режим. Не смогу полностью вписаться в человеческий мир.

Я много знала и умела для тарсы или для человеческого детеныша из бедных кварталов, но не для человека, своим трудом получившего право носить эту форму.

— Ты, конечно, прав... но все равно бесишь.

— Гларан, — напомнил волк.

— Сейчас я его найду, — пообещала зловеще, спрыгнув со стола, чтобы превратиться. — Сейчас я с ним поговорю.

— Только поговоришь, — последовало жесткое предупреждение. — После встречи с тобой мой помощник должен остаться живым, здоровым и не запуганным.

— Ага, ага.

Я одернула китель, пригладила вечно торчащие во все стороны волосы, отметив про себя, что они уже довольно сильно отросли и надо бы обрезать. Шутка ли, до плеч уже достают...

И, дойдя до двери, взявшись за ручку, обернулась к Хельму.

— То есть ты считаешь, что я настолько агрессивная и несдержанная, что Гларану что-то угрожает, да?

— Я считаю, — сказал он, поднимая на меня глаза, — что ты планируешь сделать его жертвой своего плохого настроения. Я не прав?

Несколько мгновений мы играли в гляделки. Первой не выдержала я.

— И все-таки бесишь.

* * *

Гларана я нашла не сразу, как всегда спешащим куда-то со стопкой папок. Он пронесся бы мимо меня и не заметил. Скорее всего, не заметил. Возможно, не заметил... А может, и заметил бы. Я не стала проверять, просто преградила ему дорогу.

Мимо нас, с любопытством покосившись на меня, прошли две девушки в темно-зеленой форме. Больше никого не было в этом коротком и мрачном коридорчике, соединяющем собой два других коридора, оживленных и длинных.

— Анха! — неожиданно обрадовался мне Гларан.

— Босс говорил, у тебя ко мне какое-то дело?

— Да!.. Наверное. — Он улыбался и почему-то розовел, отчего веснушки на его носу и щеках уже не выделялись так отчетливо. — Хотел сказать, что все документы почти готовы и тебе не о чем беспокоиться. Это ведь все не твоя вина, такое часто случается. Документы теряются, а потом находятся...

Если бы волк мне все не объяснил раньше, я бы совсем ничего не поняла, но я понимала, что пытается мне сказать Гларан, и даже изредка кивала.

— Ты меня очень успокоил, — послушно заверила его я. Гларан был такой восторженный и дружелюбный, что сил злиться на него у меня просто не было. Напрасно волк беспокоился о здоровье своего помощника, против таких восторженных наивняшек я была беспомощна. Хотелось погладить Гларана по светленькой макушке и угостить шоколадкой. — Это все, что ты хотел сказать?

— Нет! То есть не совсем. Ты же новенькая, наверное, еще не успела обвыкнуться, а командор бывает... не очень внимателен. И я хотел предложить, если ты, конечно, будешь не против... может, пообедаем? И я тебе все расскажу о работе в управлении?

Моя человеческая жизнь развивалась совсем как-то неожиданно...

— М-м-м, ты мне это сейчас по-дружески предлагаешь? Как старший товарищ? Или пытаешься на свидание пригласить?

Лицо Гларана приобрело совсем уж удивительный бордовый оттенок, и он через силу, невнятно произнес:

— Если ты не против.

И все-таки волк был прав: не готова я к службе, и к общению с другими людьми тоже была не готова.

Потому что предложение помощника как бы значило, что на человека я очень сильно похожа, хотя бы издалека, но вести себя как человек... у меня не очень получалось.

Сначала мы тарасились с Глараном друг на друга, он был в шаге от обморока, явно не привыкнув так долго и не по работе общаться с женским полом, я была в шаге от паники, так как подобного развития событий не могла бы себе представить даже в самом жутком кошмаре.

Меня пытались втянуть в человеческие отношения. В эту сложную, непонятную игру...

— Анха... — слабо позвал меня помощник, и я сорвалась.

Наорала на него, требуя, чтобы он не смел смешивать работу и личную жизнь, напугала бедолагу и сбежала.

Но пока бежала к Хельму, чем ближе находилась к его кабинету, тем меньше во мне оставалось паники. На ее смену приходили недоверие и смутная радость.

Перед Глараном было стыдно, но я пообещала себе потом перед ним извиниться. Как-нибудь... Когда-нибудь...

Или попросить волка сделать это за меня.

* * *

— Меня только что пригласили на свидание! — громко возвестила я, врезавшись всем телом в дверь и с грохотом ее распахнув.

Чуть осоловевший, ничего не понимающий волк рассеянно моргал на меня покрасневшими глазами.

— Босс, твой помощник пригласил меня на свидание! — Дверь я закрыла ногой и подскочила к командорскому столу. — Мне досталось не совсем безнадежное тело. Я не страшненькая!

— Кто тебе говорил, что ты страшненькая? — не понял Хельму. — Подожди... Гларан сделал что?

— Все ты слышал. Меня пригласили на свидание. Видел бы ты, как он краснел. Бедолага.

— И ты согласилась?

— Конечно же, нет. С моими-то страшными секретами сближаться с людьми крайне рискованно. Это ты странный и как-то неадекватно на меня отреагировал.

— Неадекватно отреагировал? Я?! — возмутился волк.

Будто я неправду сказала. Ну какой бы нормальный человек оставил в доме нечисть вроде меня?

Глава 13

Хельму дремал, чуть раскачиваясь в такт движению кареты.

Первую половину дня он провел на ногах, вторую — за столом, перенося на бумагу все утренние подвиги и проверяя, достоверно ли все отразили в своих рапортах его подчиненные. Воры, убийцы, мелкие мошенники и члены банд не желали хотя бы недолго поиграть в добропорядочных горожан, чтобы волк смог спокойно разобраться со своей самой большой проблемой. С Зафрэ.

Когда карета резко притормозила, волк вздрогнул и распахнул глаза. В полумраке кареты на его укрытом тенью лице вдруг вспыхнули две синих звезды, и я невольно отшатнулась. В такие моменты, когда Хельму особенно сильно напоминал оборотня, меня начинало грызть подозрение, что он мне соврал и зверь его на самом деле пробудился. Просто Хельму не хочет мне его показывать.

Но потом наваждение проходило и мои сомнения в волке развеивались. Потому что прятать зверя от зверя... ну зачем?

— Анха, сюда, — велел он, протягивая мне руку.

Я проворно забралась на широкое плечо, не задавая вопросов. И так было ясно, что творится что-то неладное: никаких остановок по дороге из управления домой у нас не предвиделось.

Воздух наполнился магией, когда Хельму начал плести какое-то атакующее заклинание.

— Разве так встречают друзей? — раздался с той стороны дверцы голос Зафрэ.

Волк сжал в кулак ладонь, до этого спокойно лежавшую на колене, и магия его словно вздыбилась стальными иголками.

Я, не раздумывая особо, прыгнула ему на колени и лапками попыталась разжать пальцы.

— Не надо так делать. Не надо.

В отличие от волка у меня уже был опыт встреч с Зафрэ в каретах, и я точно помнила, как беспечен он был и как искренне советовал стесняшке не делать глупостей и не атаковать его. Для нашего всеобщего блага.

— Анха, — раздраженно прошипел волк. — Ты что делаешь?

— Мозгом в отличие от тебя пользуюсь, — злым шепотом ответила я.

Хельму дернул рукой, сбросив мои лапки.

— Прекрати немедленно. Фу! Нельзя! Плохой волк.

С той стороны дверцы раздался короткий смешок.

— Полагаю, ваша пушистая спутница, командор, хочет сказать, что неразумно атаковать артефактора, не зная наверняка, что у него нет с собой амулетов защитно-атакующего типа.

Волк напрягся, одно короткое мгновение мне казалось, что он пустит заклинание прямо так, в закрытую дверцу, лишь бы задеть стоявшего по ту сторону человека. Но Хельму длинно выдохнул, разжал ладонь, и воздух перестал колотиться.

Дверца кареты открылась лишь после того, как исчез последний отголосок магического плетения.

— Ну здравствуй, — сказал Зафрэ, широко улыбаясь и глядя на меня.

— У вас хобби такое, кареты тормозить? — вместо приветствия невежливо спросила я.

Зафрэ не ответил и забрался внутрь, аккуратно прикрыв за собой дверцу.

— Мне нужна моя чешуя, — сказал он, сев напротив нас.

— И не только вам, — радостно отозвалась я. — Сейчас разве что ленивый не ищет ваше сокровище. И знаете, что мне интересно? Почему они идут с этим к нам? Что за вселенская несправедливость? Похитили бы вас да пытали. Ай!

Волк не вмешивался, позволив мне вести переговоры — мы оба знали, кто из нас разговорчивее, — но на последних моих словах ощутимо дернул меня за хвост.

— Я слышал об этом, — кивнул Зафрэ, мастерски проигнорировав мой выпад, — все виновные в утечке информации уже наказаны.

— Нам от этого не легче, — проворчала я. Хотела поджать хвост, но волк так его и не отпустил, что серьезно уменьшило мое желание общаться.

— Что ж, в ваших же интересах как можно быстрее вернуть мне чешую. Тогда я исчезну из ваших жизней, а вместе со мной пропадет и нежелательное внимание.

Я была уверена, что надежнее было бы сжечь парочку особо рьяных искателей неведомых сокровищ, чтобы охладить пыл остальных преступников и направить их внимание на что-нибудь другое. Что-нибудь менее опасное.

Вот только Хельму такой план едва ли одобрит...

— Думаю, нам всем станет легче, если я верну свою чешую, — сказал Зафрэ. Его глаза в полумраке не светились, но жуть он все равно наводил. — Надеюсь увидеть ее через три дня.

— Назначать сроки не очень по-дружески, вам не кажется? — мрачно спросил волк.

— Я ждал сколько мог, если буду ждать дольше, в Оверане все разрешится без моего участия. Поверьте, вы не хотели бы знать, что тогда произойдет.

Он выбрался из кареты, и через несколько секунд она вновь тронулась. Хельму открыл заслонку на окне и впустил внутрь несколько снежинок, чтобы узнать у возницы, все ли с ним в порядке.

Того вопрос удивил.

Что бы Зафрэ с ним ни сделал, мужчина ничего не заметил.

— Опасный тип, — сказала я.

— Завтра навестим Вирнэ, — решил волк.

* * *

Мне нравилась маленькая кухонька в доме Вирнэ, она была теплой и уютной. Здесь я могла сидеть за столом вместе со всеми, и никто не косился на меня с отвращением, потому что я мелкая, ушастая и хвост у меня лысый.

Я сидела, подперев ладонью щеку, вдыхала аромат мясной подливки, доходившей на плите, и глядела в окно на расчищавших снег мужчин.

Когда мы пришли, они старательно отмывали пол в прихожей, и на вопрос волка, кто это такие, Вирнэ рассеянно пожала плечами.

— Какие-то недоумки. Забрались ночью в дом, почему-то решили, что раз я девушка и живу одна, то испугаюсь угроз и тут же соглашусь все им рассказать.

— Что рассказать? — спросил Хельму. И голос его волшебным образом ускорил работу — наверное, никогда еще этот пол никто не отмывал с такой старательностью.

— Про вашего артефактора и то, что он разыскивает. — Сложив руки на груди, она с гордостью смотрела на своих подневольных работников. — Они решили с чего-то, что я все знаю. Ну а я решила, что стоит последовать твоему совету. У меня же в доме работы полно. Вот теперь отрабатывают.

— Ты не сообщила в управление о проникновении в дом, — с осуждением сказал волк.

— А зачем? — не поняла Вирнэ. — Они все осознали и во всем раскаялись... почти сразу.

— Почти сразу? — напрягся Хельму. — Что они сделали?

Вирнэ смущенно потупилась.

— Трижды падали в обморок от болевого шока. И как-то смирились. За утро успели даже дыру в стене моей спальни заделать.

Дыра появилась из-за боевого молота, что хозяйка дома метнула спросонья, не сразу разобравшись, что происходит, но об этом мы узнали уже сидя на кухне, после того, как Вирнэ отправила своих работников на улицу.

Сначала мы слушали о том, как хрупкая на вид девушка до заикания напугала двух негодяев. Я впечатлилась, волк негодовал, но ничего изменить не мог. Вирнэ категорически отказывалась заявлять на вторженцев и лишаться дармовой рабочей силы.

Переубедить ее Хельму не удалось, а я помогать не пыталась, и волку пришлось смириться.

Потом Вирнэ слушала о том, что с нами случилось вчера и что теперь нужно делать. И первым, что она сказала после того, как волк закончил, было возмущенное:

— Три дня?! Ты хочешь, чтобы я превратила поврежденный контейнер в глушилку, чтобы придумала, как обезопасить тебя от его воздействия, и все это за три дня? Ты хоть представляешь, насколько это трудоемкая и кропотливая работа?

— Не я назначал сроки, — сконфуженно огрызнулся Хельму. Он действительно ни о чем таком не подумал, в противном случае попытался бы вытребовать у Зафрэ больше времени.

Сложно оценивать работу, о которой имеешь весьма приблизительное представление, даже я это понимала. И Вирнэ тоже понимала, потому что быстро успокоилась.

— Я постараюсь, — пообещала она, — но ничего не гарантирую. Я не стану пренебрегать качеством в угоду скорости, понял?

— Это все, что мне нужно.

* * *

Вирнэ волк покидал в приподнятом настроении. Он ни на мгновение в ней не сомневался и был уверен, что поимка Зафрэ — дело времени.

Тропинка от дома до дороги стараниями бандитов стала куда удобнее и шире, и я теперь могла гордо шагать рядом с Хельму, а не плестись сзади или почти бежать впереди, подгоняемая нетерпеливым волком.

— Слушай, босс, а если бы Вирнэ увидела меня тарсой, как думаешь, я бы ей понравилась?

— Можем проверить, если хочешь, — рассеянно предложил он.

— Издеваешься? А если я ей не понравлюсь? Кто спасет мою самооценку?

Хельму снисходительно усмехнулся.

— Не стоит об этом беспокоиться. Несмотря на твой характер, выглядишь ты... мило, — сказал он и потрепал меня по голове.

Широкая теплая ладонь опустилась на мою макушку, растрепала волосы и исчезла. А я встала как вкопанная.

— Что такое? — спросил волк, остановившись вместе со мной.

— Еще раз так сделай, — потребовала я.

— Что?

— Еще раз!

Хельму с недоумением и даже легкой опаской погладил меня по голове, приглаживая торчащие во все стороны пряди.

— Совсем другие ощущения, — выдохнула потрясенно и встретила взглядом с ничего не понимающим волком. Заметила это я еще в прошлый раз, когда он мои ноги обрабатывал, но тогда я была

напугана, рядом была Эдит, да и просить Хельму еще меня пощупать тогда казалось не самой хорошей идеей.

— Анха, что-то не так?

— Еще не поняла, — призналась я.

Но когда мы оказались в карете, всю дорогу до управления я приставала к волку с требованием еще немного меня погладить.

— Я провожу этот... эксперимент, — важно сказала я, когда Хельму наотрез отказался и дальше выполнять мои требования. — Хочу понять, как сильно отличается чувствительность человека и тарсы. В смысле, то, что вкус еды лучше ощущают люди, я поняла уже давно, но мне это не интересно. А вот это... погладь еще!

— Тебя раньше никто не касался? — спросил он, пропуская между пальцами пряди моих волос.

— Ну, пару раз меня били... это считается?

— Не думаю.

— Тогда гладь еще.

Глава 14

Когда Хельму посреди рабочего процесса вдруг отложил бумаги, встал и начал собираться, я насторожилась.

— Босс, а мы сейчас куда? К Вирнэ?

— Ты останешься здесь, а мне нужно ненадолго отлучиться. Вернувшись, надеюсь застать управление целым, — он посмотрел на меня, — и тебя.

— В смысле, меня целой? Или меня в управлении? — уточнила я, но ответа не получила.

— Из моего кабинета ни шагу, — приказал волк и скрылся в коридоре.

Я посмотрела на его стол, на закрытое окно, на дверь...

И побежала следом, на этот раз не забыв сдернуть с вешалки свое пальто.

— Босс, погоди!

Волк замер и медленно, недовольно обернулся ко мне.

— Я тут подумала, если хочешь вернуться в целое управление, возьми лучше меня с собой. Я же очень ценный сотрудник, помнишь? Вдруг меня опять попробуют похитить? Не могу обещать, что сдержусь и не сожгу кого-нибудь во славу вашего бога.

Хельму нахмурился.

— Или не вашего, — не очень уверенно добавила я. — Драконьего?

Про то, что оборотни, вне зависимости от пробудившегося зверя, чтили луну, я знала точно, а во всех других религиях сильно путалась, хотя в некоторых храмах, кажется все же драконьих, меня, как самую рыжую, порой даже подкармливали. Я точно не знала, в какого бога верил волк, будучи не совсем оборотнем, но почему-то думала, что в человеческого.

— В любом случае огонь я контролировать не могу и обещать, что ничего, кроме похитителей, не сторит, не могу тоже. Не допусти беды, возьми меня с собой.

— Место, в которое я направляюсь, тебе не понравится, — предупредил меня Хельму. — Мне самому оно не нравится.

Я воровато огляделась, подошла к волку ближе и едва слышно, но очень важно прошептала:

— Я нечисть, помнишь? Меня страшными местами не испугаешь.

Хельму склонился ко мне и так же тихо, с намеком произнес:

— Нечисть я, так уж и быть, взять с собой готов.

— Так за чем дело встало? — просияла я и потащила его в кабинет. — Одну минуточку подожди!

Обратно в коридор я выехала, уже сидя на плече Хельму, приглаживая шерстку на груди и животе, и прислушивалась к ворчанию волка.

Карету мы не взяли и почти сразу же, стоило только покинуть центральную площадь, свернули в неприглядную подворотню. Минут тридцать блуждали в полумраке узких проходов, ныряя из одного неприятного запаха в другой, иногда утопали в смраде совсем уж заброшенных улочек, о которых знали, наверное, только крысы, местные бездомные и почему-то волк.

— Мы от кого-то оторваться пытаемся? — спросила я, когда Хельму, внимательно высматривая что-то на стенах, наступил на подмерзшую гнилую половинку свеклы и чуть не поскользнулся.

— Сокращаем дорогу.

— И что нас ждет в конце пути?

Волк покосился на меня, еще раз окинул взглядом стены, на которых лично я не видела ничего интересного, и свернул в неприметный проход между двумя старыми трехэтажными домами.

— Гнездо, — скупо ответил он.

— И тебе в это гнездо совсем не хочется, да?

— Это последнее место, куда я пошел бы по доброй воле, — признался волк.

— Так давай не пойдем!

Хельму становился все мрачнее с каждым шагом, приближающим нас к этому непонятному гнезду, и мне его хмурый вид ни капли не нравился.

— Это единственное место, где можно найти хоть какую-то информацию о Деккаре. Я надеялся этого избежать, но, если Вирнэ не успеет закончить ловушку, нам нужен будет запасной план.

— Разумно, конечно. Зафрэ о тебе много чего знает, а ты о нем, кроме имени, — ничего.

Гнездом оказался внушительный дом с подстройками и достройками. Раньше это была одноэтажная лачуга, но со временем вложенные в нее силы, деньги и материалы превратили ненадежный домик в огромного каменного монстра с деревянным слабым центром.

— Пахнет беззаконием, — пробормотала я и наострила уши, уловив короткий женский визг со второго этажа одной из пристроек. Визг плавно перешел в залиvistый неприятный смех.

Если вокруг пахло грязью, гнилью и ржавчиной, то от домика просто разило дешевой выпивкой, прокисшей едой и дымом.

— Помнишь, я говорил тебе, что закон не идеален? — спросил волк, уверенно направившись к дому. — Сейчас ты увидишь почему.

Мы не пошли в сторону двухэтажной пристройки, из которой доносился смех и пахло спиртным. Путь наш лежал к деревянному домику в самом центре.

Дверь была не заперта, но за ней, в полутемной маленькой комнатке, освещенной лишь масляной лампой, дремали два огромных мужика.

Услышав шум, они тут же открыли глаза и встали, занимая почти все пространство.

Волк не был маленьким, но на фоне этих громил он как-то терялся.

— Хозяин где? — не здороваясь, спросил Хельму.

Громилы отступили к стенам, освобождая нам проход к двери за их спинами. Они не произнесли ни звука, но я кожей чувствовала их тяжелый взгляд.

Каждое мгновение, пока мы находились рядом с этими громилами, меня не отпускало напряжение. Было ощущение, что они вот-вот бросятся.

Не бросились.

Дождались, пока мы войдем в другое помещение, больше и светлее их каморки, закрыли за нами дверь и — я была уверена, что слышала скрип стульев, — заняли свои места.

В этой комнате, недоступной солнечному свету из-за тяжелых пыльных штор, закрывающих окна, за большим столом, дымя сигарой, сидел грузный немолодой мужчина. О том, что он когда-то был брюнетом, говорили лишь темные нити в седой курчавой бороде.

На столе, кроме пепельницы, полупустой бутылки какой-то алкогольной гадости и стакана, не было ничего.

Дышать здесь было нечем, но ни мужчину, ни волка это особо не беспокоило.

Я чихнула.

— Занятная зверушка, — усмехнулся незнакомец, поймав меня цепким взглядом выцветших серых глаз. Производить впечатление он не умел, не так, как Зафрэ.

Хельму достал носовой платок из внутреннего кармана и протянул мне. Я не хотела принимать, но почувствовала тонкий, свежий аромат хвои, исходящий от ткани, жадно вцепилась в него лапками и зарылась носом. Дышать стало легче.

— Зачем пришел?

— Дело есть. — Волк подошел к столу и, не дожидаясь приглашения, занял шаткий стульчик, стоявший перед столом напротив местного хозяина. Другой мебели в комнате не было. — Нужно найти информацию на одного человека.

— Кто?

— Зафрэ Деккар.

Вся расслабленность из позы мужчины исчезла. Он выпрямился, бросил сигару в пепельницу и с неприятной ухмылкой спросил:

— Так все, что говорят, правда?

— И что же говорят?

— Что ты перебежал дорогу этому ублюдку и заимел нечто очень ценное? — Мужчина подался вперед. — Ты или твоя рыжая подружка?

Я насторожилась. На мгновение даже отняла платок от носа, о чем сразу же пожалела.

— Я пришел сюда не слухи обсуждать. Мне нужна информация. — Хельму был спокоен, говорил ровно и наводил какую-то лютую жуть.

На меня.

Бородатый напротив нас усмехнулся и откинулся на своем стуле. Его изменения в поведении волка не беспокоили. Впрочем, было у меня подозрение, что другого командора городской стражи он и не знал.

— Я не буду копать под Деккара ради тебя.

— Ты мне должен.

— Именно поэтому я позволю тебе уйти отсюда целым и невредимым. — Мужчина кивнул на меня. — Вместе с твоей зверюшкой. А ведь мог бы схватить и выбить из тебя всю правду.

— Почему...

Воздух очень знакомо закололся магией, и мне стало совсем беспокойно.

Мужчина все продолжал ухмыляться.

— Э-э-э, босс? — тихо шепнула я в самое ухо Хельму, прикрывшись от постороннего внимания платком.

Меня уже не слышали.

— Ты все усложняешь. — Волк поднялся, и глаза его зло сверкнули.

Только тогда ухмылка сползла с губ бородатого.

Громилы, услышавшие грохот, ворвались в комнату, уже когда Хельму вбивал их хозяина в стену, а я сидела на ножке перевернутого стола, прижимала к себе платок и не знала, что делать.

Волк выглядел каким-то устрашающе сосредоточенным, а бородатый хрипел и плевался кровью. Хельму, не отрываясь, мотнул головой, и громил вынесло колючей волной из комнаты. Кажется, они своими телами снесли входную дверь и часть стены.

— Босс, а его можно вообще убивать? — громко спросила я.

Волк замер с занесенным для очередного удара кулаком и обернулся ко мне.

— Что?

Порыв сейчас же сделать лапы подавить удалось с трудом.

— Убивать его можно, спрашиваю?

Хельму несколько раз моргнул, с трудом возвращаясь в реальность, встряхнул уже совсем несчастного бородатого, получил в ответ тихий стон и неразборчивые, но очень искренние пожелания сдохнуть всякими неожиданными и крайне занимательными способами и отпустил ворот залитой кровью рубашки.

Мужик сполз по стене, держась за разбитый нос и поломанные ребра.

— Завтра мне нужна вся имеющаяся информация по Деккару.

— Можешь меня убить, — прохрипел с пола бородатый, сплевывая кровь. — Но переходить дорожку этому ублюдку я не стану.

— Неужели ты считаешь, я этого не сделаю? — Волк присел на корточки рядом с избитым. — Пару месяцев неразберихи город переживет, в конце концов раздел власти закончится, твое место кто-нибудь займет, и я просто договорюсь уже с ним.

— Пусть будет так. Ты, командор, меня можешь только убить, Деккар обычно просто так людей не убивает. Он любит эксперименты и всяких уродцев. Это все, что я могу тебе о нем рассказать. Даже проклятый король Оверана его опасался. А того, кто смог взять под контроль тени, напугать сложно, ты должен это понимать.

Убивать бородатого волк не стал, оставил лежать у стены. Подошел ко мне, протягивая чистую руку.

Я не медлила, но, когда забралась на его плечо, вернула платок.

— Кровь вытри.

На улице нас уже ждали.

Оглушенных громил оттащили в сторону, вперед вышли несколько мужчин с арбалетами.

Волк встал в дверях.

— А нас сейчас, кажется, убивать будут, — грустно сообщила я. Страшно совсем не было, хотя наконечники стрел, смотревшие в нашу сторону, выглядели угрожающе.

Хельму слепо растирал платком щеку, пытаясь стереть несколько капель крови, попавших на лицо. От моей помощи он отказался.

Время шло, в нас не стреляли. Страшно было местным убивать командора стражи, они не хотели проблем и боялись мести. Но когда волк шагнул вперед, из-за спин вооруженных бандитов в нас ударило несколько слабеньких заклинаний.

От этой атаки магов-самоучек Хельму легко отмахнулся.

— Ему нужен целитель, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, и пошел вперед. Прямо на толпу.

Я ждала, что в нас полетят стрелы, может быть, еще пара заклинаний или даже ножи. Но люди просто расступились.

Кто-то велел привести какую-то женщину. Самые сообразительные бросились в домик, проверить, как там их хозяин.

Мы ушли, а нам в спину даже камнем не кинули.

Когда волк отошел от гнезда — почему это называлось гнездом, я так и не поняла — достаточно далеко, я все же рискнула признаться.

— Знаешь, босс, ты мне таким не нравишься.

Волк невесело усмехнулся.

— Прости.

— Что мы будем теперь делать? Может, это... просто отдадим Зафрэ чешую?

— Мы его арестуем, — упрямо сказал Хельму. — Деккару место в тюрьме.

— Да всем жителям этого... гнезда место в тюрьме, — проворчала я. — От Зафрэ хотя бы пахнет хорошо.

Волк остановился.

— Откуда ты знаешь? Ты смогла почувствовать его запах?

— Нет. Но уверена, если бы я и смогла уловить его запах, он был бы приятным.

— Это не причина оставлять его на свободе, — непреклонно заявил волк.

Мне очень хотелось заметить, что он-то очень даже позволяет всяким сомнительным личностям оставаться на свободе, но я промолчала.

Не было похоже, что ему эта ситуация сильно нравится, но волк как-то пытался с нею мириться. И я его в чем-то даже понимала. Знакомое зло, оно, конечно, лучше.

— И... как часто у тебя крышечка едет? — полюбопытствовала я, решив не настаивать на своем. Не в том Хельму было настроение, чтобы мне с ним спорить.

— Что?

— Самоконтроль, говорю, ты часто теряешь?

Хельму неопределенно повел плечами.

— Стараюсь этого не допускать. Но иногда срываюсь.

— Как думаешь, может, это твой зверь шалит?

— У меня его нет.

Я бы могла с ним поспорить, я-то чувствовала то, чего не чувствовал Хельму.

Весь остаток дня волк ходил злой.

Сверкал глазами на подчиненных. И нарычал, когда я попросила меня погладить.

Его плохое настроение меня утомляло, и я, не сдержавшись, как могла тактично заметила, что сталкиваться с кем-то, кто сильнее тебя, не так уж и страшно...

— Главное просто вовремя убежать.

Хельму так на меня посмотрел после этих слов, что я сама чуть не сбежала.

Он не хотел признавать, что Зафрэ сильнее, волка раздражала неуловимость артефактора и его наводящая страх известность в очень узких кругах.

Преступникам Зафрэ казался опаснее командора, именно поэтому в погоне за сокровищем, ценность которого никто точно не знал, жертвой преступников становились мы.

Глава 15

Когда срок, отведенный Зафрэ, почти истек, вечером последнего дня в управление на имя командора пришла неутешительная записка от Вирнэ, в которой она предупреждала, что на завершение работы нужны еще одни сутки, и очень настойчиво просила во что бы то ни стало найти ей это время.

— Посмотри на это с другой стороны, — предложила я, выхватив листок из рук волка. Почерк у Вирнэ был острый, угловатый, какой-то стремительно-нетерпеливый, но очень понятный. — Все уже почти готово, твой план вполне может сработать.

— То есть ты в нем была не уверена, — угрюмо постановил Хельму.

После случившегося в гнезде настроение у него держалось на уровне терпимо-противного и улучшаться упрямо не желало.

— Уверена, но все еще считаю, что если Зафрэ настолько опасный, что его даже местные преступники боятся, то лучше всего просто отдать ему чешую. Чтобы он вернулся туда, откуда прибыл. Пусть у командора вашей столицы проблемы будут, а не у тебя.

— Он убил моих людей.

— Пока только двоих, и я предлагаю сделать так, чтобы количество жертв не увеличилось.

— Анха...

— Босс! Ты сейчас рассуждаешь с позиции хищника, которому бросили вызов и который должен сражаться. Но правда в том, что мы сейчас не хищники, мы жертвы. Так послушай же ту, кто знает, как следует поступить жертве, чтобы выжить.

— Тарсы хищники, — непримиримо стоял на своем волк.

— Почти любой мелкий хищник, встретив крупного хищника, становится жертвой. А Зафрэ очень крупный хищник. Нам с ним не тягаться.

Хельму категорически отказывался ко мне прислушиваться. Он встал из-за стола и пошел к вешалке.

— Это не дикая природа, Анха, а мы не живем инстинктами. Шанс есть... — Сдернув свое пальто, волк обернулся ко мне. — Пора

домой.

— Ты так говоришь, будто это что-то хорошее, — проворчала я, превратившись на третьем шаге и до Хельму допрыгав уже тарсой. — Зафрэ знает о тебе, скорее всего, все. А мы о нем так ничего и не узнали. Ну, не считая того, что его все боятся. Жили бы инстинктами, все было бы проще.

Приблизившись, я требовательно протянула к волку лапки. Ведь зачем куда-то карабкаться, когда тебя могут просто поднять?

— Он не знает ничего о тебе. — Хельму подхватил меня и закинул на плечо.

— Так мне никто и не угрожал. Это тебе Зафрэ угрожал, я в полной безопасности. Кажется, я ему даже нравлюсь.

— Значит, тебе не о чем волноваться.

— Как это? А о тебе?

Волк не хотел продолжать этот разговор, и я неохотно сдалась.

Если бы не боялась, что он мне этого никогда не простит, сама бы Зафрэ вернула его чешую.

* * *

Всю дорогу до дома Хельму был напряжен, прислушивался к шуму на улице, весь подбирался на любом перекрестке, стоило только карете слегка притормозить, — ждал Зафрэ.

— Он же завтра придет, — напомнила я, когда заметила, что и сама начала дергаться от любого подозрительного шума.

— Он преступник, Анха, он не станет держать слово. Завтра Деккар не появится. Если он не дурак, то придет либо сегодня, либо через пару дней. Чтобы избежать возможных неприятностей. Когда у тебя есть проблемы с законом, быть предсказуемым — худшее, что ты можешь сделать.

— Учту на будущее, — пообещала я с легкой досадой от того, что сама не додумалась. Ведь это было очевидно. Самое впечатляющее появление — то, которого никто не ждет.

Карету так никто и не остановил, я даже немного расслабилась, наивно посчитав, что Зафрэ оказался настолько умным, что просчитал

ход мыслей волка и действительно навестит нас именно завтра, как и обещал, потому что Хельму этого почти не ожидает.

Не сказала бы, что я оказалась не права. Не сказала бы, что волк ошибался.

Зафрэ нагрнулся во втором часу ночи, в дом командора городской стражи. В его спальню.

И слово свое сдержал, и все равно всех удивил...

* * *

Проснулась я оттого, что волк резко сел в постели, задев плечом мою подушку, отчего я скатилась на одеяло.

— Озверел? — рывкнула, ошалело встряхнув головой. Я уже привыкла к мысли, что здесь мне ничего не угрожает, и рядом с волком спала непозволительно крепко. И теперь пыталась успокоить бешено колотящееся сердце — я уже начала отвыкать от подобных встрясок.

— Тихо, — шикнул на меня Хельму, прислушиваясь к чему-то.

— Что случилось?

Я ничего не слышала, кроме его дыхания и шороха приминаемого лапами одеяла.

— Защита дома повреждена.

— Воры? — удивилась я. — А можно я их напугаю?

— Простые воры не смогли бы взломать защиту, — не согласился со мной волк, медленно выползая из постели. Говорил он тихо, словно боялся, что его могут услышать. Но кто бы его услышал, если мои уши утверждали, что поблизости никого нет? — Ее ставила Вирнэ.

Через несколько мгновений в коридоре послышался шорох.

— Кажется, четверо, — тихо шепнула я, встав на постели на все четыре лапы и неосознанно вздыбив шерсть.

Волк подкрался к двери, замерев слева от нее. На фоне темной стены он очень выделялся.

— Босс, должна тебе сказать, ты до жути бледный, — прошептала я. — Тебе бы почаще на солнышке бывать.

— Ты хочешь поговорить об этом именно сейчас?

— Но мы же все равно ждем... а те, кто к нам пришли, люди и ничего не услышат.

— С чего ты взяла?

— А ты прислушайся, как они идут, — предложила я, даже не подумав о том, что Хельму не может слышать всего, что слышу я. — Один идет тише остальных, но, хвост даю на отсечение, это потому, что он самый легкий.

Шаги затихли, и я замолчала, ожидая, что сейчас дверь откроется. Собралась, напрягла лапы, готовая прыгнуть на первого, кто покажется в дверном проеме. Внутри, под сердцем, неторопливо разгорался теплый огонек скорого пожара. В этот раз я планировала от души повеселиться, уверенная, что в случае чего волк сумеет справиться и с моим огнем, и со всеми его последствиями.

Вместо того, чтобы открыться, дверь слетела с петель, пронеслась надо мной и врезалась в окно.

С этого момента мой план пошел наперекосяк.

Я не растерялась и все равно прыгнула прямо на приметную в темноте фигуру, одетую в белое. И была поймана в полете одной рукой.

Меня удобнее перехватили под лапки, крепко сжимая ребра пальцами, и подняли на уровень глаз.

— Приятно знать, что ты рада меня видеть, — весело сказал Зафрэ мне. И добавил для волка: — Не советую делать глупостей, командор. Можете считать, что эта маленькая нечисть сейчас моя заложница. Одно неверное движение — и ее не станет.

Звучало это в высшей степени оскорбительно, словно я беспомощная жертва и не могу за себя постоять, но я могла. И мстительно выпустила огонь на волю. Резко, на выдохе, осветив комнату, напряженно застывшего у стены Хельму и возвышавшихся за спиной артефактора головорезов.

Не сдерживалась, чтобы Зафрэ понял, как ошибался, и пожалел об этом.

И ничего не произошло. Артефактор не отшвырнул меня в сторону, не заорал... никак не отреагировал на внезапно появившееся пламя. Только хмыкнул негромко, щурясь от жара. Спустя несколько мгновений с доброжелательной улыбкой он показал мне свободную руку. На нем были перчатки. Подготовился, гад.

И я потухла, но не сдалась. Попыталась когтить его руку, но плотная ткань пальто не желала так просто испариваться. До его кожи

добраться мне не удалось.

— Прости, — пробормотала я виновато, покосившись на Хельму. Захотела покрасоваться, показать, что тоже кое-что умею, атаковала неосторожно. А теперь болталась в руках артефактора.

Какая унижительная беспечность...

— Я не отниму у вас много времени, — благодушно пообещал Зафрэ, заходя в комнату. Нападения он не боялся. — Мне нужна только чешуя.

Волк стоял все там же, у стены, напряженно следя за артефактором. В темноте глаза Хельму снова светились.

Не было причин не верить словам Зафрэ, мы оба осознавали, насколько он опасный тип. Моя шкурка находилась в большой опасности.

— А дверь обязательно было выбивать? — спросила я, передними лапками вцепившись в рукав его пальто и поджав задние. — Это как-то не располагает к дружеской беседе.

— Небольшая предосторожность. Пока мой человек пытался вскрыть входную дверь, ему чуть не оторвало руки, пришлось вмешаться. — Зафрэ посмотрел на волка. — Не считаете ли вы преступлением наличие такой опасной защиты на частном доме, командор?

— Не так уж она опасна, раз все остались целы, — мрачно отозвался волк.

Громилы прошли в спальню следом за своим хозяином, и места сразу стало не хватать.

Зафрэ включил прикроватный светильник и указал Хельму на кресло в углу спальни. Распоряжался, как у себя дома...

— Прошу вас сесть.

Волк посмотрел на меня и подчинился.

— Перчатки, — последовал короткий приказ, и один из громил вытащил из кармана кожаной куртки перчатки, очень похожие на те, что были надеты на Зафрэ, только больше.

Пока тот возился, натягивая перчатки, в спальне царил тишина. Хельму ничего не говорил и не спрашивал, он только смотрел.

На меня.

И с каждой секундой я чувствовала себя все более виноватой. Я не просто облажалась, я подставила волка.

Когда громила закончил, Зафрэ передал меня ему и повернулся к Хельму.

— Итак, где моя чешуя?

— Строго говоря, она не ваша, она драконья, — вредно заметила я, на пробу подергав задними лапами. Выбраться из крепкой хватки возможности не было. — И вообще, вы должны были за чешуей прийти завтра.

— Завтра наступило, дорогая, — заметил Зафрэ. — Несколько часов назад. Так где моя чешуя?

— А мы не ждали вас так рано!

— Как вижу, вы никого не ждали. — Артефактор осмотрелся. — Неужели совсем никакого оружия? Это так... беспечно.

— В оружии нет необходимости, — хмуро ответил волк. — Я могу оторвать вам голову голыми руками.

— Не сомневаюсь. Но меня это начинает утомлять. Я пришел сюда с одной конкретной целью...

— Да нету у нас вашей чешуи, — психанула я. — Приходите послезавтра!

И сразу же сдавленно захрипела. Громила, точно не от большого ума, хорошенечко меня сжал.

Волк дернулся в нашу сторону, но артефактор его опередил.

— Нельзя, — устало сказал Зафрэ. Непонятно было, к кому обращался приказ, но меня тут же перестали сжимать, а Хельму вернулся в кресло.

Убедившись, что все под контролем, Зафрэ полез в карманы своего белого пальто, что-то в них ища.

— Значит, нужен еще один день? Я могу его дать, но с одним условием...

На свет был извлечен стеклянный шприц со стальным поршнем, заполненный больше чем наполовину чем-то янтарным и определенно магическим.

— Моя последняя разработка, — похвалился Зафрэ. — Создана специально для вас.

Хельму шприц не понравился.

— Что это?

— Думаю, стоит начать с самого начала. Дело в том, что я навел некоторые справки и узнал о вас, командор, много интересного.

Например, что от вас ушла жена... сбежала, оставив дочь. Возмутительная история. — Зафрэ покачал головой. — Или что пять лет назад за исключительные заслуги перед короной вам был дарован титул. Могу ли я узнать, что именно вы сделали для нашего короля?

Хельму молчал.

— Не расскажете? Что ж, ваше право. В любом случае поразило меня кое-что другое. Я был безмерно удивлен, узнав, что вы неполноценный оборотень. Без зверя. Какая... трагедия. Но это объясняет, почему вы приняли титул, несмотря на то что оборотни не признают иерархическую систему людей.

Зафрэ снял с иглы защитный колпачок.

— Меня до глубины души тронула история брошенного стаей ребенка, и я создал это.

— Не похоже на артефакт, — заметил волк.

— Алхимия, — сказал Зафрэ. — Моя страсть, и поверьте, я в ней весьма неплох. Сейчас я помогу вашему зверю пробудиться. Он слишком долго спал...

Хельму непроизвольно дернулся, когда артефактор сделал к нему первый шаг.

— Будет не больно... — ласково пообещал Зафрэ, совсем не успокаивающе добавив: — Наверное.

— А давайте мы не будем проверять на нем всякие ненадежные разработки, — нервно предложила я.

— Если процесс пробуждения зверя вызовет дискомфорт, я отменю действие сыворотки, — пообещал Зафрэ. — Сразу после того, как получу чешую. По моим подсчетам, влияние на организм закрепится через четыре-пять дней, после чего командор проведет первый оборот... Его успешность будет полностью зависеть от силы воли испытуемого...

Артефактор запнулся и кашлянул.

— Командора, конечно же, командора.

— Он вам не подопытный! — твякнула я, извиваясь в руках громилы. Если бы я была чуточку больше или способности мои были сильнее, я бы смогла выбраться и волка спасти. Если бы я была кем-то опаснее тарсы...

— Разумеется, — мягко согласился Зафрэ и обратился к волку: — Прошу вас не делать глупостей. Не забывайте, Анха у нас, а мои люди,

как вы могли заметить, довольно впечатлительные. Будет жаль, если Гарэт испугается и случайно раздавит эту милую нечисть.

— Надеюсь, в следующую нашу встречу вы не забудете принести противоядие, — сказал Хельму, напряженно следя за шприцем.

Я заметила, как напряглись его плечи.

— Это не яд. Это мой дар всем непробудившимся оборотням, — оскорбился Зафрэ, склоняясь над Хельму. — Его просто нужно доработать. Руку.

— Бо-о-осс, не надо, — жалобно попросила я.

Меня не слушали. Зафрэ ввел все содержимое шприца до последней капли и, довольный, отошел на шаг назад.

Несколько мгновений ничего не происходило.

Потом Хельму тяжело, прерывисто задышал, схватился за грудь и зажмурился, болезненно морщась. Зафрэ не видел в этом ничего страшного.

— Навещу вас послезавтра, — спокойно пообещал артефактор, обернувшись ко мне. Он не видел, что черты лица волка неправильно заострились, а распахнувшиеся глаза уже совсем не похожи на человеческие.

— Н-н-н-н... — Обмякнув в руках громилы, я с ужасом смотрела на Хельму. — Н-н-не уверена.

Хельму в прямом смысле зверел на глазах. Зафрэ обернулся и выругался. Громила, державший меня, отступил назад, руки его ослабли и разжались, возвращая мне свободу. Воспользовавшись моментом, я бросилась к волку, не очень понимая, что нужно делать, но горя желанием сделать хоть что-нибудь.

Зафрэ поймал меня за хвост и дернул назад.

— Жить надоело? — зло спросил он в ответ на мое злое шипение. — Он же тебя сейчас просто разорвет.

— Это ты с ним сделал, — прошипела я, забыв про вежливость и безопасно-отстраненное «вы». Пытаясь извернуться и укусить державшую меня руку.

Хельму сполз с кресла на пол и глухо застонал. Я видела, как на его шее с жуткой неторопливостью проступала полоска белого густого меха, протягиваясь дальше, вдоль хребта. Кожа будто лопалась и расходилась, уступая место волчьей шкуре. И кости под этой шкурой ломались и перестраивались.

Первое превращение, самое долгое, мучительное и болезненное, проходило прямо сейчас. На наших глазах.

— Уходим, — велел Зафрэ, когда глухой стон волка сорвался в протяжный хриплый вой.

— Какое уходим? Ты это с ним сделал, скотина экспериментаторская, теперь возвращай все как было!

— У меня нет с собой нужного раствора, — огрызнулся Зафрэ уже на пороге спальни. Меня он зачем-то тащил с собой. — Этого не должно было случиться, я... не подготовился.

— Ты ввел моему боссу какую-то непроверенную дрянь и говоришь, что не подготовился к последствиям? — Болтаясь вниз лапками, унижительно удерживаемая за хвост, я на несколько мгновений зажмурилась и выдохнула: — Порешу...

— Я точно рассчитал дозу. Она была достаточно слабой и не могла оказать подобное воздействие! Я не собирался убивать командора, должен сказать, он был мне симпатичен. — Голос Зафрэ дрожал, когда он быстро сбежал по лестнице. За нашей спиной из спальни послышался протяжный угрожающий волчий вой. — Я всего лишь хотел убедить его выполнить мою просьбу и не тянуть время.

— Не говори так, будто босс уже умер, — велела я. — И отпусти меня наконец!

— Не глупи, — потребовал Зафрэ.

Мы выбежали на улицу сквозь распахнутую настежь дверь. На лестнице валялся вырванный замок. На дороге, чуть в стороне от дома командора, освещенная лишь лунным светом — фонари по всей улице внезапно перестали работать, — стояла темная, украшенная позолотой карета. Даже на грязное дело артефактор умудрился приехать с шиком.

— Пусти!

— Ты ему уже ничем не поможешь.

— А ты?

— И я не помогу. Обратни во время первого превращения невосприимчивы к магии. Я не в силах прекратить его страдания.

В глазах потемнело от ненависти. Он так спокойно говорил о том, что с удовольствием бы убил волка, но не может.

И меня отказывался отпускать, лишая возможности хотя бы как-то попробовать помочь волку пережить это превращение. Я верила, что

это не конец, сама прошла через что-то похожее, пусть и не такое болезненное, и точно знала, что это не конец.

Нужно было только добраться до Хельму и рассказать ему об этом.

Зафрэ был легче, быстрее и расторопнее своих неторопливых подельников, потому из дома он выбежал первым, а вот его громилы чуть замешкались. Это стоило им жизни.

Страшный короткий вопль разорвал сонную тишину зимней ночи. После я слышала только влажный хруст и хлюпанье, что не могли заглушить ни сдавленные стоны убиваемого, ни топот перепуганных и пока еще живых громил. Казалось, я даже чувствовала запах крови, напитавший холодный зимний воздух.

Зафрэ ускорился. Он все еще не бежал, статус не позволял, но ногами заработал активнее.

Я надеялась, что прислуга, жившая в пристройке за домом, ничего не слышала. Что никто сейчас не встанет проверить, что случилось, и не попадется озверевшему волку.

Никто из людей, державших дом в порядке, мне не нравился, и никого из них мне не было жаль. Я беспокоилась только за Хельму.

Следующий вопль был дольше и тише. Волк добрался до второго громилы.

Третий успел выбраться на улицу, где и был пойман монстром, вырвавшимся из полумрака вслед за ним.

На то, как жуткий зверь с обросшим мехом человеческим телом и волчьей головой на широких плечах разрывает последнего громилу на части, я смотрела, прижав уши к голове лапками. Чтобы слышать как можно меньше.

Хельму одновременно ужасал и восхищал. Но ужасал, кажется, больше.

В лунном свете, на фоне знакомого мне дома, эта картина казалась особенно страшной.

Лошади запаниковали, почувствовав рядом хищника, возница громко, с чувством выругался, но пустил напуганных животных только после того, как Зафрэ забрался в карету.

Мы быстро удалялись от дома командора, пока волк увлеченно терзал тело своей последней жертвы.

Я видела в заднее окошко, как зверь замер и медленно поднял черную от крови морду, глядя на карету. Несколько секунд ничего не происходило, потом волк сорвался с места.

На то, как обезумевшее, полностью не контролирующее себя чудовище длинными скачками сокращает расстояние между нами, я смотрела с нарастающим ужасом.

— Мамочки...

Зафрэ обернулся, увидел, что происходит на дороге позади нас, и простонал.

— Попробуем его задержать.

Синий камень в его кольцо сверкнул, и стекло заднего окошка разбилось, осыпавшись осколками на дорогу за каретой.

Еще одна вспышка — и снег, вместе с камнем дороги и землей, взорвался у самых лап волка.

Он перепрыгнул получившуюся рытвину, не замедлившись ни на секунду.

Зафрэ что-то неразборчиво пробормотал, и камень в кольцо еще раз вспыхнул. Атака получилась удачнее, дорога взорвалась прямо под лапами зверя, отшвырнув его назад и ненадолго оглушив.

Мы видели, как он неуверенно поднялся на лапы, тряся лобастой башкой и дергая ушами.

Я прерывисто выдохнула, испытывая странную смесь из чувств. С одной стороны, я испытывала облегчение оттого, что он остановился, потому что волк, попробовавший кровь на вкус, выглядел совсем неадекватным. И в то же время я ощущала беспокойство, потому что волка задело.

Зафрэ нервно усмехнулся.

— Давно я такого не испытывал.

— Острых ощущений не хватает? — хрипло спросила я.

— Не смотри на меня так, Анха. Я действительно не хотел, чтобы так получилось. Видимо, зверь командора спал не так крепко, как могло показаться... Нужно учесть это в дальнейших исследованиях.

Мы завернули на другую улицу, и оглушенный волк скрылся за поворотом.

— Слушай, страх и ужас законопорядка, а как ты преступником-то стал? — спросила я, примеряясь к выбитому окну.

Интересно, если я выскочу на ходу, лапы переломаю или отделаюсь парой ушибов?

Зафрэ улыбнулся. Он все поглядывал в окошко с опаской, но волка видно не было.

— Надеешься на трагическую историю?

— Немного, — не стала спорить я. Такой бы талант да на благо городского управления стражи...

— Прости, вынужден тебя разочаровать. Мне было слишком тесно в придуманных людьми рамках. Артефакторика, ограниченная правилами, не могла раскрыть весь мой потенциал. В тених все по-другому. Запрещенные материалы, техники, опыты... мне было доступно все.

И теперь Хельму в полуобернувшемся виде бегал по улицам. Потому что один умненький экспериментатор не признавал правила...

Мне нужно было во что бы то ни стало найти волка. Найти раньше, чем он натворит глупостей, из-за которых позже будет переживать.

Если впереди нас ждет еще хотя бы один поворот, на котором карете придется замедлиться, я смогу выпрыгнуть. А потом найду волка и помогу ему, даже если он будет против.

— Ты можешь отправиться со мной.

— Что? — не поняла я.

— В столицу, — добавил Зафрэ. — У тебя будут все условия...

— Чешую ты не получишь, — перебила его я. — Ты видел, что сотворил с моим боссом? Я же тебе этого не прощу. И он не простит... когда в себя придет.

— Не придет. Уже нет.

— Неправда!

Зафрэ покачал головой.

— Ты видела, во что он превратился, оборот не был завершен. Это... нарушение. Такие оборотни никогда не возвращались...

— Потому что их убивали собратья, — мрачно закончила за него я. — Спасибо, я знаю. Но то, что оборотни даже не пытаются помочь завершить превращение, не значит, что это невозможно. Им не позволяет этого сделать глупая вера. У меня таких проблем нет.

— Он убьет тебя.

— Повторяешься, — рыкнула я, следя за дорогой.

Мы ехали по торговой улице, мимо одноэтажных и двухэтажных зданий. Магазины в этом районе держали состоятельные люди, предпочитавшие разделять работу и личную жизнь и не признававшие жилых надстроек над торговыми помещениями. Могли себе позволить.

Это делало улицу безопасной. Никаких свидетелей, никто не выглянет в окошко, услышав шум. Некому выглядывать. Поэтому Зафрэ выбрал этот путь.

Он старался избегать ненужного внимания, но вот чего он не учел, так это того, что плоские крыши местных зданий для волка будут куда удобнее скатных крыш жилых домов и намного безопаснее дороги, способной так подло взрываться под самыми лапами.

— Пытаюсь до тебя достучаться, — раздраженно сказал Зафрэ. Он напряженно всматривался в заднее окошко, но волк не показывался. — Я тебе не враг, Анха. Прежде чем вводить сыворотку командору, я проверил ее на двух неполноценных оборотнях. Процесс пробуждения зверя у обоих испытуемых проходил по одной схеме. И уж поверь, ни один из них не превращался через несколько секунд после введения... это же практически невозможно! Недостаточно времени... слабая концентрация... несоразмерно сильный эффект...

Артефактор зарылся пальцами в волосы, нервно их подергивая и бормоча что-то про испорченные опыты и критическую ошибку.

— Зафрэ! Возьми себя в руки, тебе нельзя сейчас с ума сходить. Сначала помоги мне босса в нормальное состояние вернуть.

— Я в своем уме, — огрызнулся он, покосившись на меня из-под встрепанной, упавшей на глаза челки. — Действие сыворотки уже не отменить. Командор прошел рубеж. Мне жаль...

Без своей модной прически и высокомерной улыбки, такой напуганный и очень живой, он будто стал моложе. Страшно было признавать, но сейчас его можно было бы назвать даже хорошеньким.

Взгляд, запоздало сообразила я, пораженная открытием, его взгляд изменился. Страх и легкое безумие фатально ошибившегося гения вернули жизнь обычно равнодушным и холодным глазам.

И для того, чтобы артефактор ожил, волку пришлось превратиться во что-то ужасное...

— Точно порешу, — как-то совсем спокойно решила я. И прыгнула.

Зафрэ успел закрыть лицо локтем, и я вцепилась в рукав его пальто. Который не был пропитан специальным огнеотталкивающим составом. Обычное пальто. Оно очень легко и охотно загорелось от одной искры.

Артефактор глухо выругался, схватил меня за загривок и с трудом оторвал от рукава. Когда он швырнул меня в угол кареты, я потухла еще в полете и на то, как Зафрэ стягивает горящее пальто и вышвыривает на улицу, приоткрыв для этого дверцу, смотрела со злорадным удовольствием с соседнего сиденья.

Под пальто у Зафрэ были только белая рубашка и жилет. Рукав рубашки темнел подпалинами.

Я готовилась ко второму прыжку.

— Анха, успокойся, — резко велел Зафрэ, выставив вперед руку. — Я не хочу тебя убивать.

Я не могла остановиться и уже примерялась к его ноге, предвкушая, как он будет дергаться и ругаться, пытаюсь стащить с себя штаны...

Кто знает, быть может, мне удастся даже оставить на Зафрэ парочку серьезных ожогов.

В моей жизни было много случаев, когда я жалела, что родилась не огромным страшным хищником, а мелкой тарсой. Но никогда раньше я не жалела об этом из-за того, что моя родная пасть никак не могла бы с одного укуса перегрызть человеческую шею...

— Анха, давай поговорим, — предложил Зафрэ.

— Не о чем нам с тобой разговаривать. Я тебя сейчас хорошенечко накажу, а потом найду босса и верну в нормальный вид, — сказала я, медленно разгораясь. Первые языки пламени загорелись на холке, и огонь пополз по шкуре, окутывая меня и согревая. — И без тебя справлюсь.

— Я действительно не хочу тебе вредить.

Вопреки его заверению, камень в кольце начал краснеть, наполняясь магией. Я не испугалась — пока он портил дорогу, успела заметить, что перед атакой ему нужно прицелиться, и просто очень надеялась, что успею уйти с линии удара раньше, чем случится непоправимое.

У меня было преимущество: я чувствовала магию и — чисто теоретически — могла бы среагировать в момент активации

заклинания...

Проверить на практике свои умения мне не довелось. На крышу кареты упало что-то тяжелое.

Лошади истошно заржали и попытались броситься в разные стороны, позабыв про упряжь, карету повело.

— Да ладно, — пораженно прошептала я, вцепившись когтями в обивку сиденья. Волк не оставил нас и не переключился на другую жертву, он преследовал нас и настиг.

Зафрэ сдавленно ругнулся и заряд в кольце использовал для того, чтобы продырявить потолок кареты тусклой красной искрой, стремительно мелькнувшей в воздухе.

С крыши послышался удивленный непередаваемо собачий звук, за которым последовало целеустремленное выкапывание дыры в дереве. Волк скребся очень энергично, и когти у него были впечатляющие, у кареты не было ни шанса.

Как и у нас.

— Это он за тобой, — уверенно сказала я, распластавшись по сиденью и прижав уши. Карету шатало, лошади не могли успокоиться и гнали что есть сил в безнадежном стремлении сбежать от хищника. Дерево стонало под мощными лапами.

Зафрэ выглядел совсем потерянным и несчастным. Мне его даже немного жаль стало.

В следующее мгновение случились сразу две вещи: волк таки прокопал путь к нам и свалился в карету, очень неудачно упав на место, где всего секунду назад сидела я — была бы чуть медлительнее, превратилась бы в лепешечку, — карета завалилась набок, и нас всех швырнуло сначала в сторону, а потом вниз. Волк оказался снизу, Зафрэ рухнул на него, а я осталась наверху, держась за шторку.

Того, как Хельму вгрызся артефактору в плечо, я не видела, только услышала сдавленный, полный боли стон — сил кричать у Зафрэ не было, и весь воздух из легких выбило при падении — и почувствовала запах крови.

Злорадного удовлетворения не испытала, несмотря даже на то, что сама совсем недавно мечтала ему что-нибудь отгрызть.

— Эй, слышишь, вредитель! — позвала я, но удостоилась только бессмысленного взгляда и судорожного вздоха. — Должен будешь!

Волк вцепился огромными когтищами в сиденья, удерживая себя на весу, и не мог разорвать Зафрэ прямо сейчас. Этим я и воспользовалась.

Отпустила шторку и упала вниз с жутковатым воплем:

— Поберегись!

Зафрэ отшатнулся назад, и волк крепче сжал челюсти.

Я свалилась прямо на его морду и тут же быстро загорелась.

— Прости, босс.

Хельму взвыл, разжал пасть и забился в тесноте кареты, желая сбросить меня и сбить пламя.

Я вылетела в дыру в потолке и затухала уже на снегу. Следом выбрался злой волк и без промедления бросился на меня.

Я была быстрой, я была ловкой и в отличие от Хельму, не до конца осознавшего всю мощь своего нового тела, я точно знала, на что способна. Но когда, не успев увернуться, попала под лапу волка и улетела к стене, для защиты почему-то выбрала человеческое тело.

Сильно ударилась затылком о холодный камень и на какое-то время утратила возможность соображать. Просто лежала в снегу и смотрела на волка. Он не бросился сразу добивать обезвреженного противника. Замер, приплюсываясь, и медленно, крадучись, двинулся ко мне.

А я лежала, беспомощная и жалкая. Слишком мелкая, чтобы дать достойный отпор.

В ушах звенело.

Но у меня было другое тело. Бесплезное, как ни посмотри, зато большое.

Сейчас это почему-то казалось очень важным. В моем сумасшедшем мире размер всегда имел значение. Чем зверь больше, тем меньше желающих его обидеть...

Я пошевелилась, волк бросился. И уперся грудью в крепкую подошву моих добротных, тяжелых, форменных ботинок. Для того, чтобы вцепиться в мое горло, ему не хватило каких-то сантиметров.

Волк скалился и рычал, вспарывая утопанный плотный снег когтями, но вцепиться ими в меня даже не пытался. Ни когда я была тарсой, ни сейчас.

Мех на руках Хельму потемнел и слипся от крови трех головорезов, разорванных волком в его доме. Для чего нужны когти, он

знал, но сейчас почему-то не пытался их использовать.

Он мог так же разорвать Зафрэ еще в карете и меня сейчас. Оставить кровавый след на стене, к которой я прижималась, и разбросать мои части по всей улице.

— Слушай, босс, а ты меня понимаешь? — наудачу спросила я, тяжело отдуваясь. Пушинкой напирющий хищник не был. Если бы он попробовал просто надавить сильнее, я бы не выдержала. — Проклятье, голова раскалывается.

Волк дернулся вперед и клецнул зубами у самого моего носа.

Мех на его нижней челюсти и шее обгорел благодаря мне, но на фоне вымазанной кровью морды это было не очень заметно.

— Анха! — Зафрэ с трудом выполз из кареты, рукав его рубашки пропитался красным. Светлые волосы на затылке слиплись от крови. Кажется, когда я в карете напугала волка огнем, артефактора здорово приложило.

Хельму повернул голову в его сторону, страшно кося синим глазом, и чуть отстранился, уменьшая давление на мои ноги, Зафрэ сдавленно охнул и огляделся.

Недалеко от кареты валялся оглушенный возница. Вырвавшиеся на свободу лошади давно скрылись из вида.

Улица была тиха и безлюдна.

Хельму вопросительно рыкнул.

— Его есть нельзя, — поспешила доложить я. Не была уверена, что он хоть что-то понимает, но не могла молчать. Казалось, звук голоса успокаивает волка. — Зафрэ, конечно, гад, но ты же его посадить хотел. А если съешь сейчас, то в тюрьму сможем отнести только его косточки.

Волк рыкнул еще раз, звук получился ниже предыдущего. Будто он не соглашался со мной. И у меня сердце сжалось.

Неужели и правда понимает?

Едва сдерживая нервную дрожь, изо всех сил стараясь, чтобы она не прорвалась в голосе, я напомнила:

— Ты же вроде как командор, значит, должен соблюдать закон.

Волк обернулся ко мне и вопросительно склонил голову набок.

Я никогда раньше не любила собак, тем более волков. Не складывались как-то у нас отношения, почему-то они всегда хотели

меня сожрать. Но из Хельму получился прехорошенький волк. Даже кровь его не портила.

— Конечно, три трупа в доме будет сложно как-то объяснить. Но согласишься, лучше три трупа, чем четыре. Меньше тел, меньше проблем.

Волк фыркнул.

— Он тебя понимает, — прошептал Зафрэ.

Пока я налаживала контакт с Хельму, артефактор успел подняться на ноги и теперь стоял, пошатываясь и опираясь на карету. Его целая рука то и дело тянулась потрогать затылок. Прокушенная висела вдоль тела.

— Ты человек, — добавил он с вялым удивлением. Это была возмутительно неправильная реакция на такое неожиданное открытие.

Но у меня слишком болела голова, затекали непривычные к такому напряжению ноги и начинала ныть спина от неудобной позы. Мне было не до эмоций артефактора.

Мой секрет в скором времени грозился стать всеобщим достоянием.

— Вот не мог ты в карете остаться? — спросила я, едва сдерживая раздражение.

— Я умею хранить секреты, — ответил Зафрэ, оглушенный, обескураженный и серьезно раненный. Кровь не переставала идти, она капала с кончиков его пальцев на снег с пугающей энергичностью. — Но это невероятно...

Обернувшись к Зафрэ, волк угрожающе зарычал, прижав уши к голове.

— Нельзя.

Я осторожно, в любое мгновение готовая превращаться обратно в тарсу и делать лапы, убрала с груди оборотня сначала одну ногу, а потом и вторую. Его больше ничто не удерживало от того, чтобы вскрыть мне горло. Но Хельму даже не повернулся в мою сторону, продолжая скалиться на Зафрэ.

Я не могла понять, что именно заставило меня превратиться в человека, но это определенно спасло мне жизнь. К тарсе, посмевавшей его обидеть огнем, у волка имелись претензии, к стажеру городской стражи — нет.

— У меня есть предложение. — Я медленно положила ладонь на вздыбленную холку. Волк дернулся и покосился недобро, но отгрызать мне руку по локоть не стал. — Давай-ка мы отсюда уйдем, а?

Он неопределенно проворчал что-то на своем, волчьем, и медленно поднялся. Я встала следом, ощупывая затылок. Крови не было, но шишка обещала вырасти просто сказочного размера.

— И куда вы пойдете? — спросил Зафрэ. Он покачивался и выглядел не очень хорошо, но имел наглость ехидно улыбаться. — Возвращаться в дом командора сейчас не лучшая идея. Если кто-то слышал шум и вызвал стражу... если местные законники не дураки и носят с собой арбалеты, то твоего хозяина застрелят раньше, чем ты успеешь хоть что-то сделать.

— Он мне не хозяин, — оскорбилась я. — Он мой босс.

Артефактор усмехнулся и тут же судорожно втянул воздух сквозь сжатые зубы, болезненно морщась.

— У тебя есть предложение лучше? — спросила я.

Зафрэ осмотрел улицу.

— Есть одно. Идем, — сказал он, оттолкнулся от крыши кареты и рухнул на дорогу.

— Идем, — бормотала я, помогая ему подняться под глухое ворчание волка. — Куда мы пойдём, если ты на ногах едва стоишь?

— Здесь недалеко, — прохрипел Зафрэ, судорожно сжимая мое плечо. — Помоги.

— Да уж куда я денусь? А этого, — я кивнула на бесчувственное тело возницы, — так и оставим?

— Поверь, сейчас единственная угроза его жизни стоит сзади тебя.

Я обернулась на недовольного волка.

— Хороший мальчик.

Хельму после похвалы преобразился. Перестал ворчать и смотреть исподлобья, кажется, если бы у него был хвост, он бы им даже завилял.

Глава 16

Укрытие мы нашли в одном из магазинчиков тканей. Зафрэ вскрыл защиту, я, не без труда, под сдавленные советы артефактора, взломала замок его отмычками.

— Сделаны на заказ, — сказал он, бледно улыбаясь, когда протягивал мне кожаный чехольчик длиной в ладонь. А потом понятно объяснил, что нужно делать, чтобы открыть дверь.

Мы прошли пустое и темное помещение магазина и скрылись за дверью, ведущей в подсобку.

— Где-то должен быть выключатель, — сказал Зафрэ. Он единственный из нас ничего не видел в темноте и не мог воспользоваться магией. Сотрясение сделало его беспомощным.

Выключатель я нашла быстро, повернула рубильник и зажмурилась от вспыхнувшего света. Позади недовольно рыкнул волк.

Всю дорогу он вел себя примерно. Шел чуть позади, не пытался напасть или сбежать, только вопросительно поскуливал иногда.

Лишь оказавшись в теплом помещении, я осознала, как успела замерзнуть на улице. Ночью, без пальто.

Но меня от холода спасал хотя бы китель, Зафрэ же совсем не повезло. Его пальто валялось где-то там, на дороге.

Сгрузив артефактора на стул у стены, стоявший рядом со столом, заброшанным обрезками тканей и лент, я осмотрелась.

Хельму устроился у двери, полностью исключив возможность кому-то из нас покинуть подсобку без его разрешения.

Помещение оказалось на удивление просторным. В дальнем его конце в специальных деревянных ячейках хранились рулоны тканей. В углу, недалеко от двери, на высокой тумбе стоял старый железный чайник на разогревающейся плитке. За смешной шторкой, повешенной прямо по центру стены, обнаружилась еще одна дверца, ведущая в уборную.

Покрутив рычаг крана, я убедилась, что вода идет, и как-то даже повеселела, словно это решало все наши проблемы.

Пока я изучала место, в котором мы оказались, Зафрэ начал дрожать и стучать зубами. Опасно накренившись на стуле, он вот-вот

готов был свалиться на пол.

Я нашла рулон какой-то шерстяной, мягкой и, очень надеялась, теплой ткани и притащила его весь артефактору, чтобы он мог согреться.

— Сначала нужно обработать и перебинтовать рану, — сказал он, мягко отводя в сторону конец рулона. — Под прилавком должен быть набор первой помощи.

Волк выпустил меня с неохотой и следовал по пятам, очень этим нервируя. Но я терпела.

Нашла коробку со всем нужным, вскипятила воду, промыла и обработала раны Зафрэ.

Пока я бинтовала его руку, волк нависал над плечом и заинтересованно сопел в ухо. Ну просто милый любопытный пес, так и не скажешь, что он недавно трех бандитов порешил.

— Спасибо, — сказал артефактор.

— Покажи голову, — велела я.

Зафрэ подчинился.

Нельзя было с уверенностью сказать, была ли я убедительной и властной в этот момент, или жутковатая морда волка над моим плечом делала артефактора таким послушным.

— А теперь, — закончив с Зафрэ, я медленно повернулась к волку, — разберемся с тобой.

— Будь осторожна, — велел артефактор. — Сейчас он тебя слушается, но мы не знаем, как долго это продлится.

Я решила проигнорировать его слова. Мне сейчас и без пессимистических замечаний было плохо.

Когда в прошлый раз в моих лапах была жизнь Эдит, я не чувствовала себя такой беспомощной. Я была уверена, что мы выберемся и все будет хорошо. Несколько бандитов — не то, что могло бы меня напугать.

Но сейчас, когда на мне лежала ответственность за волка, которого нельзя было просто вытащить из старого подвала и вернуть домой, я не чувствовала уверенности в своих силах. Только холодный ужас.

В ванную комнату за мной Хельму пошел без возражений. И лапы протянул по первому требованию, равнодушно следя за тем, как я пытаюсь вымыть подсохшую кровь из его меха.

И морду подставил для отмывки, недовольно фыркая, когда вода попадала в нос.

Это было милейшее стокилограммовое создание, в котором от Хельму остались разве что синие глаза. Диковатые и звериные, но все равно неуловимо знакомые... И еще, пожалуй, пижамные штаны.

— И как нам тебя обратно вернуть? — спросила я, выключая воду.

Отмытый волк только рыкнул что-то непонятное. Его мои проблемы мало интересовали. Наверное, он даже не понимал, почему слушается кого-то вроде меня. Кого-то, кто был в два раза меньше, значительно тоньше и на голову ниже.

Но все равно слушался.

Когда мы вернулись в подсобку, Зафрэ дремал, но мгновенно проснулся, стоило только волку подать голос.

— Надо же, выжила, — сказал он, слабо улыбаясь.

— У нас есть пара часов. — Я покосилась на закрытую дверь. — Будет лучше, если мы уберемся отсюда раньше, чем придет хозяин.

Артефактор склонил голову, подслеповато щурясь.

— Такое разительное изменение, это просто удивительно.

— Что? — не поняла я.

— Взяв это тело, ты изменилась, — сказал он.

Что значило это его «взяв тело» и почему он не выглядит удивленным или сбитым с толку, я не знала. Меня не пугало его спокойствие, а на все остальные эмоции не было сил.

— Не изменилась. Просто ты меня плохо знаешь.

Зафрэ пожал плечами и перевел взгляд на волка, вернувшегося на любимившееся ему место у порога.

— Он знает?

— Да.

Зафрэ выглядел неважно. Дышал тяжело, с присвистом и снова дрожал.

— Тебе бы к целителю.

Он устало закрыл глаза и кивнул.

Хельму от двери заворчал, прислушиваясь к чему-то. Я тоже насторожилась.

— Может, подельника твоего кто-то нашел? — предположила я, различая далекий невнятный шум.

— Может, — равнодушно согласился Зафрэ.

В том, что мы не завалились в первый попавшийся магазинчик, а отошли подальше, был огромный плюс — нас не нашли.

Через какое-то время шум на улице стих...

Волк заворчал, следя за чем-то на полу. Маленький паучок, решивший не в самое удачное время пропутешествовать от одной стены до другой, так и не дошел туда, куда стремился. Хельму раздавил его лапой.

— Изнурить, — сказал артефактор, как и я, следивший за волком.

— Что?

— Ты же хотела попытаться вытянуть его зверя полностью, верно? Будешь звать?

Я кивнула. Хотя «звать» — сильно сказано, по-волчьи выть я не умела. Все, что могла, — жалобно поскулить, в надежде, что этого будет достаточно.

— Если измотаешь его, прежде чем звать, он будет восприимчивее... в теории, это должно облегчить превращение.

Мы переглянулись и одновременно посмотрели на волка, и я невольно вздрогнула, поймав его взгляд.

— Ну что, босс, нас ждет долгий забег.

— Идите сейчас, — велел Зафрэ, тяжело поднимаясь на ноги. Ткань, в которую он кутался, соскользнула на пол. — С этим лучше не медлить.

— А ты?

— Воспользуюсь твоим советом и навещу целителя. — Он еще раз посмотрел на волка, неотрывно следившего за мной, словно почувствовавшего, что я что-то затеваю. — Поторопись.

— Спасибо, — нехотя сказала я. Мне не за что было благодарить Зафрэ, все это произошло из-за него, но я все равно была ему очень признательна.

— Не стоит благодарности. Я лишь надеюсь получить чешую, если командор вернется.

* * *

Зафрэ ушел первым. Отказался от помощи, посмеялся, когда я предложила его проводить, и гордо ушел в ночь, пошатываясь и

периодически отчетливо забирая влево, будто перебинтованная рука была слишком тяжелой.

Мне беспокойно было отпускать его одного, но и навязывать свою заботу я не собиралась. Если Зафрэ окажется настолько слабым, что замерзнет где-нибудь на полпути к целителю, значит, так тому и быть.

В тарсу я превратилась только после того, как артефактор ушел.

Мое неожиданное преобразование не оставило волка равнодушным. Он оскалился и прижал уши, вся расслабленность из его позы ушла.

— Ты, босс, давай полегче. Я, между прочим, помочь тебе хочу.

Хельму замер, с подозрением глядя на меня. Волк не понимал, куда делся знакомый человек и откуда взялась мелкая пакость, посмевавшая напасть на него и прижечь.

Несколько минут пришлось потратить на то, чтобы все объяснить. Еще какое-то время волку понадобилось, чтобы примириться с безжалостной правдой этого мира. Но забраться себе на холку он мне все же позволил.

И началась безумная скачка.

Следуя совету Зафрэ, я планировала вымотать волка, прежде чем попытаться его вернуть.

Первое время Хельму был не против и послушно бежал, ускорившись до предела своих возможностей. Но со временем он начал уставать и упрячиться. Скорость снизилась, недовольного ворчания становилось все больше, пару раз на меня даже зубами щелкнули.

Волк пытался бунтовать, но стоило только прикрикнуть или шлепнуть лапой по морде, как он сжимался и, поскуливая, выполнял команду.

У меня по какой-то причине имелась над ним определенная власть. Потому ли, что ему был знаком мой запах, или из-за того, что я умудрилась напугать его в карете, а потом удивить некоторыми своими умениями... а может, все сразу, но он считал меня главной.

Хотя бы пока.

Утром, когда свет в некоторых окнах уже начал загораться, а рассвет все еще не наступил, мы выбежали за черту города.

Волк задыхался и едва бежал, никак не реагируя на меня.

Хотелось верить, что этого достаточно.

— Знаешь что, босс, а давай-ка мы свернем, — велела я, дернув его за ухо, — и остановимся.

Когда я соскочила с его плеча на поваленное дерево, волк просто рухнул в снег рядом, судорожно втягивая воздух.

Не теряя времени, я спрыгнула к нему и сначала неуверенно замурлыкала, поглаживая его по носу.

Хельму шумно фыркнул и зажмурился.

Я не умела звать как волки и только слышала истории о том, что они воем помогают зверю вырваться из человеческого тела во время первого оборота. Без подробностей.

У меня не было ни шанса воспользоваться этим способом.

Но я могла попробовать позвать волка так, как тарсы звали потерявшихся детенышей.

Потому что волк тоже потерялся.

На первых коротких и жалобных звуках моего неумелого курлыканья Хельму наострил уши. Через какое-то время приоткрыл один глаз, напряженно косясь на меня.

Я не сдавалась, он напрягался все больше. Через несколько минут волк заскулил и ткнулся носом мне в живот, за что тут же получил лапой по лбу, но морду не убрал, только уши прижал.

Какое-то время мы так и сидели, я звала, он скулил. И надежды на то, что у меня получится, становилось все меньше. От напряжения начало закладывать уши, я уже была готова присоединиться к волку и скулить с ним на пару, когда что-то произошло.

Волк замолчал и почти сразу после этого захрипел. Задергался.

Я отбежала на безопасное расстояние и на всякий случай забралась на нижнюю ветку ближайшего дерева.

Волк извивался и хрипел. Оборот возобновился.

Зверю так надоело меня слушать, что он решил-таки выбраться в этот мир полностью. Опасно свесившись с ветки, я напряженно следила за превращением.

Когда все закончилось, волк запутался лапами — обычными волчьими лапами — в пижамных штанах, запаниковал, заскулил и с трудом из них выбрался.

Обнюхал, презрительно закопал в снег и побежал по своим делам, полностью игнорируя меня.

Но меня такой расклад совсем не устраивал.

— Эй, босс! А я как же? Кто-то же должен за тобой присмотреть, пока ты в себя не придешь.

Волк меня не слушал. Он почувствовал свободу и радостно бежал вперед. В лес. Подальше от города.

— Босс! — Я бросилась следом, держась на безопасном расстоянии. Потерять волка не боялась — слишком сильно от него пахло зверем.

Я была уверена, что найду его с закрытыми глазами. Это-то меня и подвело.

В какой-то момент — небо уже посерело, и ночь выцвела до блеклых предрассветных сумерек — я поняла, что больше не чувствую волка.

Звериный запах пропал, его самого было не видно, и волчий след я умудрилась потерять — отвлеклась на клеста, уже активно выискивавшего еду на сосне, и отдалилась от следов волка. Полностью положились на нюх, а он подвел.

И я заметалась.

— Босс?

Перепрыгивая с ветки на ветку, носилась вокруг, принохиваясь к морозному лесному воздуху и пытаюсь отыскать следы лап на нетронutom снегу.

— Босс!

— Я здесь! — раздалось хриплое в отдалении.

Хельму сидел под сосной, абсолютно человеческий, совершенно голый и ничего не понимающий.

— Босс! — Я чуть не свалилась с ветки от радости.

— Анха, — сдержанно поприветствовал он, растерянно оглядываясь. — Ты можешь мне объяснить, как я оказался посреди леса?

Волк посмотрел на свои ноги, и голос его чуть дрогнул.

— Голый.

— Точно! Человеческие комплексы! — От счастья хотелось плакать. Я его нашла. И он выглядел совсем нормальным. — Сейчас я принесу твои штаны!

Назад к поваленному дереву я бежала по следам волка, выкопала штаны и бросилась обратно, очень надеясь, что Хельму не успеет замерзнуть.

Со штанами передвигаться было неудобно, но превращаться я не спешила, уверенная, что в виде тарсы я быстрее.

Когда я вернулась, волк сидел ровно там, где и раньше, и замерзшим не выглядел.

— Я странно себя чувствую, — признался он, поймав брошенные в него штаны.

— Это обморожение! — тут же решила я.

Пока Хельму неловко натягивал штаны, я спрыгнула в снег и превратилась. И дрожащими пальцами начала быстро расстегивать свой китель, жалея о том, что пальто осталось висеть в командорском кабинете.

— Сейчас мы тебя попробуем немного согреть. Моя одежда, конечно, будет тебе мала, но китель хотя бы на плечи можно накинуть.

— Не нужно. — Хельму перехватил мои руки. — Мне не холодно.

Руки у него и правда были теплые, даже горячие.

— Ваши оборотнические штучки, да? — спросила я завистливо. Мне-то уже становилось очень даже холодно.

— Что произошло?

— А что последнее ты помнишь?

— Деккар... — Волк еще раз осмотрелся, на этот раз внимательнее. — Только не говори, что это он вывез нас в лес.

— Не скажу, — радостно пообещала я. — Но надеюсь, у тебя крепкие нервы.

Все случившееся, в красках и со всякими подробностями, я охотно пересказала ему, пока мы возвращались в город. Я, в форме городской стражи, но без пальто, и полуголый, босой командор. Волк требовал, чтобы я не мерзла и превратилась в тарсу, но я отказалась.

— Считай это проявлением солидарности, — велела я.

Редкие прохожие косились на нас с подозрением и переходили на другую сторону улицы, но я этого почти не замечала, упоенно рассказывая волку, как он бегал по городу в самом невероятном виде.

Хельму слушал внимательно и не перебивал, только хмурился иногда.

И к моменту, как мы добрались до дома, он уже был готов к тому, что увидит.

— Вот это скорость, — пробормотала я, увидев повозки стражи перед домом. Растерзанного тела на дорожке уже не было.

Нас заметили быстро.

— Командор! — Звонкий голос взволнованного Гларана разнесся по улице и на какое-то мгновение заглушил все звуки. Стражники как по команде повернулись в нашу сторону, выглядело это жутко. — Мы думали, с вами что-то случилось!

— Ничего непоправимого, — с сомнением отозвался командор. — Всего лишь еще одно недоразумение. Что у вас здесь?

Итогом осмотра и допроса пострадавших — то есть нас с волком — стало весьма далекое от правды заключение, в котором говорилось, что две банды не поделили жертву и устроили бойню. Чем именно нужно было орудовать, чтобы разорвать на части трех сильных, здоровых огромных мужиков, никто не знал, но проводить дополнительное расследование не стали.

Два следующих дня дом отмывали от крови и ремонтировали.

— Давай выставим счет Зафрэ, — предложила я, когда волк подписывал чек на оплату проведенных работ.

Хельму меня проигнорировал. После своего первого превращения он стал совсем замкнутым и перестал пускать меня в свое логово ночью.

Глава 17

Изменения, произошедшие в волке после первого оборота, мне не нравились. Его и раньше нельзя было назвать общительным или веселым, но после той ночи Хельму стал совсем нелюдимым и мрачным.

Это даже его подчиненные заметили. Косились, перешептывались, строили какие-то смешные теории...

Я слышала опасливый шепот краем уха и подозревала, что волк теперь тоже все прекрасно слышит. Слышит, но почему-то игнорирует.

И меня. И своих людей... и Вирнэ тоже.

Сначала он проигнорировал ее записку, пришедшую на следующий же день после оговоренной даты. Потом попытался проигнорировать саму Вирнэ, прибывшую в управление.

Я как раз дремала на подоконнике, свернувшись клубком, когда дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояла хмурая Вирнэ, за ее плечом маячил несчастный Гларан.

— Нужно поговорить, — угрожающе сказала она.

— Я занят, — отозвался волк, не поднимая головы от бумаг. Было у меня подозрение, что он начал отбирать работу у кого-то из канцелярии...

Я очень эмоционально твякнула, сетуя на судьбу. Знала бы, что Вирнэ придет, давно бы в человека превратилась. Нажаловалась бы ей на Хельму, а потом с чувством выполненного долга смотрела бы, как она вправляет волку мозги, которые при первом его превращении, кажется, повредились.

— О... — Вирнэ зашла в кабинет, закрыв дверь прямо перед носом у Гларана, и на замок закрыла, чтобы наверняка, — как интересно.

Я вопросительно курлыкнула, обеспокоенно косясь на волка. Она смотрела прямо на меня и шла тоже в мою сторону, неторопливо, чуть нагнувшись вперед, с жутковатеньким блеском в глазах.

— Вирнэ, не пугай ее.

— Я тебя не обижу, — с нежностью пообещала она, не обратив внимания на Хельму.

— Вирнэ...

— А ты, — она бросила злой взгляд на волка, — лучше объясни мне, что случилось. Почему ты не забрал часы? Что с вашим артефактором? Где Анха? И почему из пяти стражников, которых я о ней спросила, хоть что-то знал только твой помощник?

— Потому, что Анха стажер. — Волк отложил ненадолго бумаги, следя за тем, как одна его головная боль крадетя к другой. — Управление большое, и не все сотрудники знакомы между собой. Ты принесла часы?

— Разумеется, нет, — фыркнула Вирнэ. Она остановилась передо мной и осторожно протянула руку, чтобы почесать меня между ушами. — Носить с собой молот ты мне запретил, а безоружная, я эту дрянь из дома ни за что не вынесу... Не укусит?

— Я на твоём месте был бы осторожнее, — посоветовал волк.

Я назло ему громко замурлыкала, подставляясь под ласку. Вирнэ радостно хихикнула.

— Заеду за часами завтра, — пообещал Хельму и глазами указал на дверь. — Если это все, не могла бы ты уйти? У меня много дел.

Вирнэ посмотрела на меня, потом на волка и прищурилась.

— Что с тобой не так?

Хельму первым делом почему-то тоже на меня посмотрел, прежде чем ответить:

— Я устал. И у меня много работы. Прости, что не провожаю. Если подождешь, я вызову тебе карету...

— Вот уж не надо! — отмахнулась она. — Сама доберусь. К тому же мне нужно зайти в некоторые магазины и сделать заказы в мастерских.

Волк впервые за последние дни улыбнулся.

— Ты никогда не выбиралась в город из-за одного дела.

Вирнэ повела плечами и отвернулась к окну, не переставая меня почесывать.

Хельму на продолжении разговора не настаивал и охотно вернулся к работе, утратив интерес к окружающей его действительности. Кончик перьевой ручки снова начал царапать бумагу.

— Сложный тебе хозяин достался, — громко прошептала Вирнэ и развернулась, чтобы уйти.

Уйти и оставить меня с этим мрачным подобием волка. Я не могла этого позволить. Пусть меня Хельму слушать не хотел и очень легко игнорировал, но свою старую подругу... умеющую управляться с боевым молотом, так же легко игнорировать он не смог бы. Мне почему-то казалось, что ему этого не позволил бы сделать инстинкт самосохранения.

— Как ты можешь оставить его вот так? — твякнула я, когда Вирнэ уже щелкнула замком и потянула дверную ручку вниз.

Порывисто обернувшись, она подозрительно уставилась на меня.

— Что?

— Спасай, говорю, босса. Ты здесь самая авторитетная, может, хоть тебя он послушает!

Хельму бросил на меня предостерегающий взгляд, но я его проигнорировала. Он на меня два дня внимания не обращал, у меня тоже было право хоть разочек поступить так же.

— Высшая нечисть. — В голосе Вирнэ восторг мешался с недоверием.

— Высшая, — важно кивнула я, ткнув лапкой в сторону волка. — Боевой маг. Имеет право. Но сейчас не об этом. Спасай босса, сам он спастись не хочет.

— От чего спасать? — не поняла она.

— Без понятия. Но как два дня назад он слегка озверел, так теперь ходит немножечко невменяемый. Ест плохо, с утра до вечера сидит в кабинете, меня слушать отказывается, и вообще... — Я замялась, не совсем уверенная, что про такое можно говорить, но все же предположила: — Может, у него бешенство?

— Анха! — рявкнул волк.

— Анха? — удивилась Вирнэ. Она отпустила ручку двери и сделала несколько шагов ко мне. — Ты ее в честь Анхи назвал? Хотя, должна признать, определенное сходство между ними наблюдается.

— Чего сразу меня в ее честь? — возмутилась я. — Может, это ее в мою честь назвали.

— Не обижайся, но это маловероятно, — улыбнулась мне Вирнэ и спросила у Хельму: — Как Анха на это отреагировала?

— Это была ее идея.

— М-м-м... Так от чего тебя нужно спасать?

— Я в полном порядке, — не очень убедительно соврал волк. Ну это для меня неубедительно, а Вирнэ вроде поверила. Посмотрела на меня с сомнением, ожидая подробностей.

Волк тоже смотрел на меня. Предостерегающе.

И я беспомощно развела лапками. Не потому, что испугалась, но потому, что Хельму сам напросился. Отказывается он решать свою проблему мирным путем, значит, будем решать ее как получится...

Вирнэ ушла через несколько минут, для порядка попытавшись понять, что именно меня тревожит в поведении волка. Собиралась даже подождать явления стажерки Анхи, но волк отговорился выходным и выпроводил Вирнэ.

Закрыв за ней дверь, Хельму обернулся ко мне.

— Анха, — сказал он, едва сдерживая раздражение, — я прошу тебя больше не навязывать мне помощь. Ни свою, ни кого бы то ни было еще.

— Навязывать, да? — повторила я угрожающе. Спрыгнула на пол и на ходу превратилась в человека. — Ну и неблагодарная же ты волчья морда.

— Анха... — предостерегающе произнес он.

— Анха это я. — Подойдя к Хельму вплотную, я столкнулась с одной неприятностью: даже в человеческом теле я была слишком мелкой и устрашающей совсем не выглядела. Попыталась встать на цыпочки, чтобы сравняться с волком в росте, но безрезультатно. Положение мое стало шатким, а недостающих сантиметров все равно было слишком много. — И я в отличие от тебя опытная. И прекрасно знаю, что ты сейчас испытываешь. И знаешь что?

— Что? — спросил он, с усталым смирением глядя на меня.

— Я не позволю тебе совершить самую страшную в твоей жизни ошибку, — сказала я, больно ткнув его пальцем под ребра. Случайно вышло, просто меня качнуло вперед, и я уперлась в волка пальцем, который поднимала, чтобы гневно потрясти у него перед носом.

Хельму вздрогнул, взял меня за плечи и отстранил.

— Послушай...

— А вот и нет!

Я вывернулась из его рук, сдернула с вешалки сначала его пальто, а потом и свое. И выскочила в коридор с воинственным воплем:

— За мной!

Я успела запомнить всю очередность действий для того, чтобы вызвать командору карету, и, не оглядываясь назад, бросилась в сторону нужного кабинета — второй этаж, первая дверь слева от начала южного коридора, — где улыбчивая девушка принимала заказы на кареты, крытые тюремные повозки или лошадей.

К моменту, как мы выходили из управления, карета обычно уже ждала нас у ступеней.

В этот раз ждали ее мы.

Волк не бросился за мной сразу же, почему-то решив, что если я замечу его отсутствие, то обязательно вернусь. И догонять ему меня пришлось уже на первом этаже. Пальто свое он надевал на улице, тихо ругаясь.

— Куда мы? — спросил волк хмуро, вслед за мной спускаясь к подъехавшей карете.

— В парк, — сообщила я. — Помнишь сломанные ворота?

Волк помнил. И ворота помнил, и угрожавших нам бандитов.

Хельму ждало еще одно незабываемое воспоминание, связанное с тем местом, но я решила не пугать его сразу.

Было что-то пьянящее в том, как он меня слушался. Ворчал и сопротивлялся, но все равно делал то, что я просила.

— Прекрати коситься на меня и странно улыбаться, — велел волк, потеряв терпение.

— Это выше моих сил, — призналась я, честно попытавшись сдержать улыбку. Сейчас, сидя напротив недовольного волка, я ощущала, как энергия кипит во мне, побуждая на глупые и безумные поступки.

Укусить Хельму за нос, высунуться в открытое окно кареты или обнять целый мир. Или все сразу.

Мне не сиделось на месте, я уже предвкушала, как буду гонять волка по всему парку, пока дурные мысли не выветрятся из его головы. Настроение у меня было просто замечательным. Что казалось невероятным, так как совсем недавно жизнь была серой и унылой, а упрямство оборотня только раздражало.

И для того, чтобы все изменилось, мне понадобилось только одно — начать уже наконец действовать.

Когда карета остановилась, я первой выпрыгнула на дорогу и проворно нырнула в щель между покосившимися створками ворот, уже

на той стороне нетерпеливо кружа у входа в ожидании волка.

Он не торопился.

Выбрался из кареты, осмотрелся, что-то сказал извозчику и подошел к воротам.

— Сегодня мы опять не могли попасть в парк через центральный вход?

— Могли, — созналась неохотно, — но я об этом не подумала. Я никогда через него не ходила.

Хельму кивнул, принимая объяснение, и протиснулся ко мне. На этот раз я была готова и сразу же потянула его за руку, а когда волк оказался на свободе, потащила его за собой.

— Мы не к фонтану? — удивился он, когда я резко свернула вправо и направилась к деревьям, не отпуская его руки.

— Нет. — Я шла, высоко задирая ноги, по колено утопая в снегу, пыхтела, но в тарсу не превращалась. У тарсы почему-то авторитета было меньше, ее Хельму не хотел слушать.

Остановилась я, только когда по моим ощущениям мы оказались в самом центре заброшенной парковой зоны.

— А теперь давай сюда своего волка, — велела я, отпустив Хельму и повернувшись к нему лицом.

— Что?

— Раздевайся, говорю, и перекидывайся.

— Я не собираюсь этого делать.

— Стесняешься, что ли?

Волк поджал губы, угрюмо глядя на меня сверху вниз.

А я стояла по колено в снегу посреди этого жалкого подобия леса и решительно не понимала, что именно мне нужно сказать, чтобы он понял, что совершает ошибку.

То, что Хельму напугал первый оборот и его последствия, было несложно понять. Как и то, что он теперь намеренно пытается задушить пробудившегося зверя.

Самое страшное заключалось в том, что у него все могло получиться.

— Ох, серьезно? Ну, если так хочешь, белье можешь оставить. Но если тебе интересно, я все еще тогда в лесу успела рассмотреть.

Хельму продолжил хмуриться на меня. И даже не покраснел.

— Давай сюда пушистика! — психанула я, хлопнув его ладонью по груди. Я не умела подбирать правильные слова, не была чуткой и понимающей. Я даже человеком была только наполовину. Как и Хельму.

Только моей второй половиной была мелкая тарса, а его — долго спавший, диковатый волк. И я знала, что не смогу без своей тарсы, а он почему-то не понимал, что не выживет без волка.

Но как это объяснить? Как вообще можно объяснить то, что просто знаешь?

— Если ты притащила меня сюда только ради этого, то мы сейчас же возвращаемся, — сказал он, разворачиваясь.

— Стой!

Я вцепилась в ворот его пальто и потянула назад.

— Анха,пусти.

— Ну почему ты не понимаешь?

— Я понимаю, — сказал он, — что мне не нужен этот волк.

— Но он уже у тебя есть! Так что начни наконец с ним считаться. Я, знаешь ли, тоже была не в восторге от обретения человеческого тела. Это было больно и страшно. И между прочим, не один раз больно и страшно. И в отличие от тебя у меня не было никого, кто мог помочь или хотя бы поддержать. Я даже была готова полностью отказаться от этого тела.

— Но не отказалась.

— Разумеется, нет, — проворчала я смущенно. — Оно же большое.

— Хм-м-м?

— Не в сравнении с тобой! В сравнении со мной. — Я еще раз хлопнула его ладонью по груди. И еще раз. И еще. Каждое слово завершалось хлопком. — Давай. Сюда. Пушистика. Немедленно!

— Мы разные, Анха. У тебя были... причины продолжать превращения. У меня их нет.

— Разные. Я родилась целой и тело получила без предупреждения, как наказание... раньше мне казалось, что наказание, за мое любопытство, и я хотела от него отказаться. Я знала как. И если бы отказалась от человеческого тела, ничего непоправимого бы не произошло. Наверное. Но ты уже родился таким... располовиненным. Да, твой зверь долго спал, но он всегда был с тобой, ты должен был его

чувствовать. Теперь он пробудился, и тебе пора начать с ним считаться.

Хельму качнул головой, собирался что-то сказать, но я не позволила.

— Должен! Он — это тоже ты. И просто представь, что случится, если ты задушишь его своим страхом? Что станет с той частью тебя, которая была волком? Как ты будешь жить наполовину пустой?

— Я не могу его контролировать, значит, не могу доверять.

— Ты даже не попытался. Шанса ему не дал!

Мне хотелось схватить его за плечи и трясти, пока он не поймет, как неправ, но я могла только сильнее сжимать пальцы на отворотах пальто, цепляясь за него до побелевших костяшек.

— Сам подумай. В каких условиях был пробужден твой зверь? Что ему довелось пережить? Но он все равно справился. Так почему ты считаешь, что он не заслуживает твоего доверия?

Хельму колебался недолго.

— Хорошо, — наконец сказал он неохотно, отцепив от себя мои руки. — Попробуем один раз и не здесь. Выедем за город.

Я была согласна на что угодно, только бы он выпустил волка.

Извозчик выглядел удивленным, когда услышал, куда мы теперь едем, но задавать вопросы командору не стал.

Вывез нас в лес, высадил, где велел Хельму, и уехал обратно в управление.

— Наверное, он решил, что мы головой повредились, — сказала я, глядя вслед отъезжающей карете.

— Боюсь, он прав, — пробормотал Хельму.

И мы углубились в лес.

Волк сам выбирал место для оборота, поэтому шли мы долго и остановились, лишь когда я пообещала, что, если мы пройдем еще немного, я просто лягу под первым попавшим деревом и никогда больше не встану.

— Ну в самом деле, нам же еще обратно возвращаться. Ты об этом подумал?

Хельму недовольно цыкнул, но больше мучить меня не стал. Встал у ближайшей сосны и решительно сбросил с себя пальто.

А потом аккуратненько его сложил и опустил на толстую отломившуюся ветку, выглядывавшую из снега. Поверх пальто лег

китель и жилет.

Я топталась рядом, потирая озябшие руки и предвкушая явление зверя.

Расстегнув третью пуговицу рубашки, Хельму покосился на меня.

— Ты так и будешь стоять?

— А что? — не сразу поняла я. — А... Сейчас!

Пока я превращалась и взбиралась на дерево, волк успел скинуть и рубашку. Потом поднял на меня глаза и ругнулся.

— Ты издеваешься?

— А что не так? Я в полной безопасности. Если вдруг твой пушистик озверевает, до меня не доберется... или ты не это имел в виду?

— Отвернись, — устало велел он.

— Зачем? Я же говорила тебе, что уже все успела...

— Просто отвернись!

Я обиделась, но сделала, как волк велел, хмуро исследуя мирный лесной пейзаж и искренне не понимая, чего он стесняется. И только когда сзади послышался болезненный хрип, плавно переходящий в вой, я заподозрила, что волк стыдился не своей наготы, а оборота.

В отличие от высшей нечисти, оборотням превращение давалось сложнее.

— Ну что, могу я уже поворачиваться? — спросила громко, когда жуткие звуки сменились тяжелым дыханием.

Мне не ответили. Я решила считать это разрешением и с интересом уставилась на сидевшего в снегу волка. Белого, большого... прехорошенького. Вывалив розовый язык, он тяжело дышал.

— Второй оборот засчитан, — торжественно сообщила я. — Можно я уже слезу?

Волк рыкнул и мотнул головой, разрешая мне спуститься.

Хельму не мог полностью контролировать волка, в противном случае едва ли позволил бы ему нетерпеливо пританцовывать вокруг дерева, пока я сползала вниз по шершавой холодной коре.

Когда я превратилась, внезапно вырастая над ним, волк опасно отскочил и прижал уши. Но не оскалился.

— Ну в самом деле, это же я.

Уши тут же встали торчком, и он вопросительно фыркнул, склонив голову набок.

Я подозревала, что звук моего голоса в теле тарсы отличался от человеческого, но никогда особо не интересовалась этим вопросом.

А сейчас, когда волк не спешил меня узнавать, задумалась. Ненадолго, правда, потому что стоило мне только опуститься на корточки, как он тут же завилял хвостом и бросился меня обнюхивать, тычась мокрым носом в лицо, шею и меховой ворот пальто.

— Боссу мы об этом не расскажем, — решила я, чмокнув волка в нос.

Пушистик оказался настроен ко мне куда благосклоннее своего ворчливого хозяина.

Веселился волк несколько часов, вспахивая сияющий под солнечным светом снег.

Сначала я пыталась поспевать за ним в человеческом теле — нравилось ощущение жесткого меха под ладонью, когда мне все же удавалось его поймать, — но быстро выдохлась и большую часть времени провела в виде тарсы, вцепившись лапками в холку волка.

Согласился успокоиться он, только когда солнце начало садиться и закат окрасил снег рыжим, а тени деревьев вытянулись в длинные полосы.

Дорогу к одежде он нашел по запаху, а потом еще минут пятнадцать жалобно скулил, пока я его уговаривала. Сошлись на том, что я затащу Хельму в лес в ближайшее же время, чтобы пушистик мог еще немного порезвиться на свободе.

Когда Хельму вернул себе тело, первым, что он сказал, было ехидное:

— Думаю, тебе стоит знать, что в этот раз я все видел.

— Ни о чем не жалею. Пушистик просто прелестен, — невозмутимо отозвалась я. Радостно добавив: — Но это же значит, что вы со зверем приспособливаетесь друг к другу, так?

— Не знаю, — пожал плечами Хельму, быстро одеваясь. — Это не то, о чем говорят открыто. В нашей стае детей после первого оборота на несколько месяцев забирает к себе шаман и учит быть оборотнем.

Я не могла осуждать оборотней за их скрытность. Высшая нечисть тоже не спешила делиться с человечеством своими секретами. У каждого вида были тайны, которые они не желали открывать.

Но из-за этого Хельму приходилось действовать вслепую. Несложно было заметить, что ему это не нравится. Настолько не

нравится, что он готов был уничтожить своего зверя просто потому, что не знал, что с ним делать.

— Ну и не страшно, — оптимистично решила я. — У тебя же есть я.

Он скептически приподнял бровь.

— Это должно меня успокаивать?

И я обиделась.

— Нос откушу, — пообещала ему, для себя решив, что обратно в город буду возвращаться тарсой.

Когда Хельму полностью оделся, я забралась к нему на плечо и подергала за прядь волос.

— Поехали.

— Анха... — проворчал он, но пошел. Не обратно к дороге по нашим следам, а куда-то вперед и чуть вбок — в новом направлении. Несмотря на то что он должен был потратить много сил при обороте, шел Хельму легко и не горбился, как это с ним было последние два дня. Будто ему после этой затяжной и изматывающей лесной прогулки в волчьем теле очень полегчало.

— Завтра повторим? — предложила я, почти уверенная в положительном ответе. Слишком довольным был волк, не мог он отказать.

Ответ Хельму оказался неприятной неожиданностью.

— Нет.

— Это еще почему?

— Отложим работу над укреплением связи со зверем. Сначала нужно разобраться с Деккаром.

— С Деккаром, — повторила я. С ним действительно нужно было разобраться.

Я не беспокоилась, что он откроет кому-нибудь мой секрет, не вязалось это с образом скрытного, таинственного и устрашающего артефактора. Были опасения, что он может решить использовать меня как подопытную в каком-нибудь своем жутком алхимическом исследовании, но, пока чешуя была залогом моей безопасности, об этом можно было не переживать.

Но вот что волновало меня больше всего, так это реакция Зафрэ на мою тайну. Почему он так легко принял новость о том, что я умею

превращаться в человека? Как он мог оставаться настолько невозмутимым?

Он ничего не спрашивал. И если тогда я не обратила на это внимания, обеспокоенная состоянием волка, то после не могла выкинуть из головы.

Зафрэ вел себя так, будто **знал**, на что способна высшая нечисть.

Глава 18

Вирнэ встретила нас неожиданно гостеприимно, звала пройти на кухню, выпить чаю, но Хельму предпочел остаться в прихожей, вежливо отказавшись от каждого ее предложения. Девушка погрузилась, но ругаться не стала, только поглядывала меня с любопытством — очень хотела знать, как я отнеслась к тому, что в мою честь назвали тарсу. Но серьезный, недружелюбный волк одним своим присутствием убивал любую возможность непринужденного разговора.

Пока Вирнэ спускалась в свою мастерскую за часами, мы так и стояли в прихожей. Я нетерпеливо перекатывалась с пятки на носок рядом с равнодушным Хельму, замершим в своей важной позе с руками, заложенными за спину, и пустым взглядом, буравящим дальнюю стену.

— А мне казалось, мы тебя вчера вылечили, — проворчала я, толкнув волка локтем в бок. Он скосил на меня глаза, но ничего не ответил.

Вирнэ вернулась быстро. Отдала часы и два кожаных плетеных браслета.

— Это подавители. При вскрытии контейнера, — Вирнэ кивнула на часы, — они должны быть на вас. В противном случае все время активации плетения проведете в беспмятстве вместе с артефактором. Зона поражения диаметром в три метра. Но советую учитывать погрешность в полметра.

— Понял, — заверил ее волк, спрятав и часы, и браслеты в карман кителя. — Спасибо.

— Спасибо, — поддакнула я. И когда Хельму подтолкнул меня к двери, намекая, что пора уходить, добавила: — И меня все устраивает.

— Что? — не поняла Вирнэ.

— Что в честь меня назвали высшую нечисть. Прекрасная была идея.

И пусть на самом деле это человеческое тело было названо в честь тарсы, сути это не меняло — меня действительно все устраивало. Это было мое имя, и я не хотела его менять.

Вирнэ несколько мгновений непонимающе смотрела на меня, пытаюсь понять, как я могла дать ответ на вопрос, который она даже не успела озвучить. Объяснять ничего не пришлось, она сама нашла для себя объяснение, полностью ее устраивавшее, и расплылась в улыбке.

— В следующий раз в мою честь кого-нибудь назовите, — потребовала она у Хельму перед тем, как закрыть за нами дверь.

— Босс, а ты никогда не хотел завести дома кота? — задумчиво спросила я, уже представив, как в доме появится важный пушистик, которого будут звать Вирнэ.

Встретившись со мной взглядом, волк качнул головой.

— Даже не думай.

— Ну а почему нет? Высшая нечисть уже есть, настоящий волк есть, а кота нет. Мы бы составили график, когда во время чаепития с Эдит чепчик носит он, а когда я. И дрались бы за игрушки. И...

— Я не стану превращать свой дом в зверинец, — отрезал Хельму и пошел к карете. Я поспешила за ним.

— Ты же в душе очень пушистый, тогда почему снаружи такой колючий? — спросила я, догнав Хельму. — И не надо на меня глазами сверкать. Я видела твоего пушистика, очаровательный волк. А ты черствый огрызок старой булки. Ржавый гвоздь. Тусклая блестяшка...

— Я понял, — сказал он, прервав поток моей фантазии.

* * *

Сложный характер Хельму оказался не единственной моей проблемой. Зафрэ не появлялся.

Часики уже были у нас, волк зверел от ожидания, а артефактор словно сквозь землю провалился.

— Пойду-ка по округе прогуляюсь, — решила я на третий день тревожной тишины и поднялась с диванчика в углу командорского кабинета.

— Сидеть, — велел волк, не поднимая головы.

Я сначала послушно села, почти рухнула, на диванчик и только потом возмутилась:

— Я тебе не собака.

— Ты никуда не пойдешь одна, — предупредил Хельму, не посчитав нужным оторваться от работы для того, чтобы поговорить со мной.

После своего первого оборота он постоянно был такой. Отстраненный, вечно занятой и откровенно меня игнорирующий. Поведение его страшно бесило. Особенно сильно бесило потому, что пушистику я нравилась, а Хельму разонравилась как-то резко и без повода.

Иногда появлялось ощущение, что он смотреть на меня не может, так я его раздражаю.

Хуже всего было то, что случались редкие просветления, возвращавшие нас в те счастливые времена, когда волк еще был нормальным и мы с ним чудесно ладили. Но потом все неизменно срывалось в суровую реальность, где Хельму старался не обращать внимания на мое существование. Удивительно, что все еще не выгнал...

Долго продолжаться это не могло, я понимала, что совсем скоро сорвусь и кто-то из нас пострадает, но изо всех сил старалась отсрочить неизбежное. Малодушно надеялась, что, как только мы разберемся с Зафрэ и вернем Эдит, волку полегчает.

Потому пропажа артефактора меня беспокоила очень сильно.

— Босс, ну нам же нужно Зафрэ блестяшку отдать.

— И как это связано с твоим желанием подвергнуть себя очередной опасности?

— Будем выманивать его на живца. Вдруг он уже готов свою чешую забирать, но не может.

— Не может? — удивился волк и наконец отвлекся от документов.

— А как ему это сделать? — спросила я, приободренная его вниманием. — Мы все время в управлении. Из управления сразу едем домой. Возможностей, прямо скажем, нет. А если я немного погуляю по городу, он меня заметит и выйдет на связь.

— Он всегда может остановить карету, в которой мы едем, или прийти прямо в управление.

— А вдруг не может? Ты его тогда неплохо потрепал, к тому же он, скорее всего, сотрясение мозга заработал. Это я тарса, на мне все быстро заживает, и головная боль долго не держится, а он человек. Да и зима на улице, а он без теплой одежды от нас ушел. — На последних

словах я почувствовала легкий укус совести. Без пальто Зафрэ благодаря мне остался. А вдруг заболел? А вдруг замерз насмерть? Что, если его хладный труп нашли где-нибудь на улице и теперь он лежит в каком-нибудь морге, неопознанный и никому не нужный? И ждать нам уже некого...

— Это опасно, — не желал соглашаться со мной Хельму.

— Опасно, — поддакнула я. — Поэтому выдай мне дубинку, и уровень опасности мгновенно понизится.

— Анха...

— Босс, давай сделаем, как я прошу, а? С дубинкой я буду вооруженной и опасной... Как Вирнэ.

— У Вирнэ молот, — рассеянно заметил волк.

Мне идея разжиться боевым молотом очень понравилась. Если смогу его поднять, буду совсем непобедимая.

— А дай мне тогда мо...

— Нет!

— Ну тогда хотя бы дубинку, — поникла я.

Хельму с силой потер покрасневшие усталые глаза.

— Я не могу на это согласиться.

— Конечно, можешь. Босс, сам подумай, чем быстрее ты закроешь дело Зафрэ, тем быстрее вернется Эдит. И возможно, ты наконец перестанешь походить на... — Я запнулась, не в силах подобрать точное определение состоянию волка.

— Ржавый гвоздь, — подсказал он, очень прозрачно намекая, что память у него хорошая и прошлое мое выступление он не забыл.

— Косо забитый, измученный дождем, проржавевший насквозь гвоздь в гнилой доске.

Волк коротко хохотнул.

— Дай мне дубинку и хотя бы один час. Если Зафрэ где-то рядом, мы об этом узнаем. Если нет, я просто отморожу себе нос.

Дубинку я все же получила. Вместе со строгим взглядом и бескомпромиссным предупреждением:

— Тридцать минут. Опоздаешь — завтрашний день проведешь на поводке.

Я невольно передернулась от возможной перспективы, но храбро кивнула.

— Успею.

В такие дни, как этот, мне казалось, что зима никогда не кончится. С серого хмурого неба сыпалось мелкое снежное крошево, прохожие спешили мимо, не поднимая голов, пряча лица в шарфах и отворотах пальто или пушистых, припорошенных снегом шубках.

Я тоже спрятала нос в шарфе, сожалея о том, что у меня нет шапки.

Погода охладила мой пыл и серьезно снизила желание разыскивать Зафрэ по подозрительным подворотням.

Решив для порядка пройтись по площади и заглянуть хотя бы на ближайшие улицы, я уже понимала, что для меня сейчас и полчаса — слишком много. Не нужно столько.

О том, что могла бы выйти в зиму тарсой и не мерзнуть так отчаянно, я подумала лишь десять минут спустя, когда меня окликнули на Мастеровой улице, безлюдной по случаю сильного снегопада и раннего времени суток.

— Эй, рыжая!

Их было двое. Долговязые тощие недоразумения, неумело изображавшие дерзких преступников. Слишком слабые, чтобы представлять настоящую угрозу. Продрогшие и присыпанные снегом.

Они стояли шагах в пяти от меня, один, тот, что по окрасу был немного темнее своего подельника, важно, но неумело поигрывал ножиком. Влажная от снега челка безжалостно лезла ему в глаза, заставляя часто моргать.

Тратить время на них не было никакого желания.

Тяжело выдохнув в шарф, я раздраженно расстегнула пальто, чтобы стала видна моя форма и открывая доступ к висящей на поясе дубинке.

Увидев, как я прячу свое единственное оружие под пальто, волк с озабоченным видом пообещал в ближайшее же время найти для меня шинель.

А пока у меня было лишь обычное, гражданское пальто, приходилось ежиться от мороза.

— Видели? — спросила я, мечтая поскорее закончить это все и застегнуться. А ведь если бы тарсой на дело пошла, не пришлось бы сейчас мерзнуть...

— И что? — не понял тот, что был безоружным, в слишком большой для него серой куртке.

— Стажер городской стражи при исполнении, — пояснила я. — Вам действительно нужны проблемы?

— Нам нужно все, что есть в твоих карманах, — сообщил парень с ножом.

— И пальто, — добавил второй. — Кажется, оно теплое.

— Знаете, — рукоять новенькой деревянной дубинки легла в ладонь как родная, — мне не так давно уже угрожали ножом, ощущения были так себе, повторения не хочется. И босс сегодня не в настроении...

Я поежилась, представив, что он со мной сотворит, если я сейчас ничего не сделаю и снова окажусь жертвой, и атаковала первой. Преодолела разделяющее нас расстояние в несколько прыжков и со злым азартом ударила по руке с ножом.

Рядом с волком я успела забыть, что даже в человеческом теле могу быть быстрой. Не такой быстрой, как тарса, но этим неудачникам я была не по зубам.

Под вой обиженного мной грабителя нож отлетел куда-то в снег, а я резко дернула дубинку вверх и ударила в челюсть. Волк бы мной гордился. Наверное...

Тот, что возжелал пальто, никак не среагировал на мою атаку. Сначала он с неверием смотрел на то, как я лишила его друга пары зубов, а потом, согнувшись пополам от тычка дубинкой в живот, хватал ртом воздух. По затылку я приложила его почти с нежностью, боясь проломить череп.

И еще несколько минут стояла над распростертыми телами, не зная, что делать. Оставить их без присмотра, чтобы сбегать в управление и найти помощь, мне казалось неправильным — еще придут в себя и уползут от заслуженного наказания. А связать их было решительно нечем...

Когда на улице появились первые люди, странно косясь на меня, но не решаясь интересоваться, что тут случилось, я поняла, что нужно торопиться. Героически дотащила два неподъемных тела до фонарного столба и привязала их к нему, пожертвовав на это свой шарф.

В управление я бежала воодушевленная, меня просто распирало от гордости за себя, но когда оказалась среди стражников и полной

грудью вдохнула воздух, пропитанный законом и порядком, — растерялась.

Что дальше делать, я не знала, к кому идти за советом — тоже. Волк, если узнает о моих приключениях, точно на цепь посадит, а больше знакомых у меня в управлении и не было...

— Непорядок, — пробормотала я, но, увидев впереди незнакомую светловолосую макушку, напомнившую мне о помощнике командора, повеселела. Кроме волка в управлении все же был еще один стражник, к которому я могла бы обратиться.

* * *

Гларан не выглядел счастливым, когда я его нашла.

Он дернулся, желая бежать назад, заметив меня в начале коридора, но остался на месте — до спасительного поворота было слишком далеко, и отступление его не могло пройти незаметно.

Помощник все еще не успел забыть последнюю нашу встречу и то, как я на него накричала. И за моим неумолимым приближением он следил настороженно.

Потому первым делом я извинилась, прямо посреди коридора, искренне, но скомканно — мысли об оставленных на улице преступниках не давали покоя.

Извинения он принял, как мне показалось, с облегчением и помочь согласился. Под руководством Гларана, неуловимо преобразившегося в очень уверенного и решительного юношу, как только дело коснулось работы, все разрешилось как-то само.

Без моей помощи. Все, что от меня требовалось, — назвать место, где я оставила преступников, все остальное сделал помощник.

— Что они сделали? — спросил Гларан, вписывая что-то в бланк. Неудачники уже сидели в камерах, осталось только заполнить необходимые документы. Для этого имелась специальная комнатка прямо в подвале, у самой лестницы. Небольшая и душная, три стены из четырех были скрыты за громоздкими высокими стеллажами, тянувшимися до самого потолка. Кругом лежали бумаги и пыль. Пахло скукой и засохшими чернилами.

Гларан сидел за маленьким столом посреди всего этого безобразия, склонившись над документами.

— Вооруженное ограбление? — предположила я, нависая сверху. Пока двое незнакомых мне стражников, вызванных помощником, грузили преступников в повозку, я рылась в снегу и даже смогла отыскать нож, что лежал сейчас в одном из нижних ящичков дальнего стеллажа. Помеченный и внесенный в бланк. — Они хотели забрать мое пальтишко и все, что было в нем. Наверное, думали, я деньги с собой ношу.

— А ты не носишь? — удивился Гларан.

— Ну, понимаешь, в прошлый раз, когда меня похитили, носила, но у меня тогда все забрали. Было сильно обидно, с тех пор больше не ношу.

Хотя волк потом кошель нашел и вернул и даже пытался мне его снова вручить. Больше всего меня тогда расстроило даже не то, что меня обокрали, а то, что забрали собственность волка. Потому что он мне свои блестяшки доверил, а я их не сберегла.

— Чековые книжки входят в моду. — Гларан почесал кончик носа ручкой. — И куда надежнее.

Я не понимала, к чему он это сказал, но на всякий случай поддакнула.

Когда все было заполнено, а отчет о задержанных мной преступниках лег в папку с сегодняшней датой, Гларан смущенно предложил:

— Может, выпьем кофе? Если ты сейчас не занята, конечно же!

— Спешить мне уже некуда, — призналась я. Время, отведенное волком, давно истекло, и что бы я сейчас ни сделала, завтра меня ждал ошейник. — А чай есть?

— Найду! — просиял Гларан.

Злой Хельму нашел меня в комнате на втором этаже, переделанной каким-то замечательным человеком в уголок перекуса. Я догрызала неизвестно какое по счету печенье, замороженно слушая рассказы Гларана про нелегкую службу городской стражи.

Когда он не краснел и не смущался, становился очень милым.

Глава 19

Даже несмотря на то, что мне влетело от Хельму, а Зафрэ так и не нашелся, день я считала на редкость удачным. Я проявила себя как образцовая стражница. Я поймала своих первых преступников. Я была молодцом.

И ночью, уверенная, что заслужила теплое местечко под боком у волка, смело барабанила в его дверь.

Сначала мирно скреблась и поскуливала, как и почти каждую ночь до этого. Но когда в очередной раз убедилась, что мне не откроют, несмотря на все мои подвиги, я не вернулась в спальню Эдит, я превратилась.

Сегодня я планировала попасть в волчье логово, чего бы мне это ни стоило.

Пусть тарсу Хельму удавалось избегать, но стажера управления городской стражи он проигнорировать не мог. По меньшей мере для этого ему пришлось бы оглохнуть...

Угрозу я почувствовала раньше, чем дверь распахнулась, но уйти с траектории волчьего броска уже не успела. Больно ударилась спиной о стену и замерла под диковатым взглядом Хельму.

Он просто выскочил из комнаты, впечатал меня в стену и навис сверху, опираясь руками по обеим сторонам от меня. Казалось, еще чуть-чуть — и оскалится.

— Бо-о-осс, а ты сейчас страшный, — сказала я. Голос унижительно подрагивал, и руки пришлось сцепить в замок, чтобы не поддаться инстинктам и не прикрыть горло.

Хельму моргнул несколько раз, но взгляд его почти не изменился. На меня все еще смотрел зверь. Не знакомый мне пушистик, а кто-то другой. Кто-то достаточно безжалостный и опасный, чтобы я испугалась за свою жизнь.

— Что тебе надо? — спросил Хельму, с трудом возвращая себе человечность.

— Мне переночевать бы. — Я была уже не очень уверена, что это хорошая идея, но отступать не собиралась. Если не сделаю этого сейчас, то так навсегда и лишусь права ночевать в его логове.

— Возвращайся в комнату Эдит.

— Вообще-то...

— Это не обсуждается! — рявкнул волк. И я вжала голову в плечи.

— Что не обсуждается? Что ты действительно озверел и не хочешь даже попытаться заново ко мне привыкнуть? Если ты видишь во мне угрозу, то не лучше ли будет с этим разобраться прямо сейчас?

Хельму выглядел искренне удивленным.

— Угрозу?

— Не угрозу, — догадалась я. И погрузилась. — Только не говори, что добычу...

— Рад, что ты все понимаешь, — сказал он, отстраняясь. — Теперь уходи.

— Да ты издеваешься! Если я добыча, то мы тем более должны с этим разобраться! — Я аккуратно ткнула его кулаком в живот. Хотелось как-то показать ему мою злость, но было боязно. — Может, если я буду рядом...

Волк раздраженно цыкнул и резко склонился ко мне, чуть не доведя до сердечного приступа.

— Ты издеваешься? — Я чувствовала горячее дыхание на лице и видела его до предела расширенные зрачки, за которыми с трудом различалась синева радужки. — Как думаешь, что с тобой может случиться сейчас? Эти инстинкты... они не исчезают вместе со зверем. Я постоянно думаю о том, что может случиться, если я откушу от тебя кусочек. Что может случиться, Анха?

Его голос завораживал и пробирал до костей, а слова пугали.

Но кое-что я знала точно, кое-что, не позволившее мне оцепенеть от ужаса. Добыча из меня всегда была отвратительная.

— Проблема, — согласилась я и боднула Хельму в переносицу.

Волк рыкнул и отшатнулся, хватаясь за нос. Получив свободу, я на всякий случай пнула его в голень, проскочила под рукой и, отбежав на несколько шагов, спросила:

— Сразу сказать не мог? Что за секретники такие?

— Анха! — прохрипел он, не отнимая руки от лица.

— Что «Анха»? Я думала, у нас проблемы, переживала. А проблемы, оказывается, только у тебя!

Китель я снимала трясущимися от злости руками, поэтому пуговицы расстегивала долго. Волк не пытался меня остановить. Круглыми от шока глазами он следил за мной, забыв опустить руку. Китель полетел на пол, и я принялась за рукав рубашки. С трудом расстегнула мелкие пуговицы, отстраненно ужаснувшись тому, что стражники вынуждены были мучиться с этим каждый день, и закатала рукав.

А голую руку сунула волку под нос.

— На. Кусай. Проверим, что будет.

— Ты с ума сошла? — спросил он, отведя мою руку от своего лица.

— Нормальная! — рявкнула я нервно. Вышло не очень убедительно, но не это сейчас было главным. — А ты должен быть польщен, мне для тебя ничего не жалко. Кусай давай, и пойдем уже спать.

— Я же тебя загрызу, — сказал он и выглядел в этот момент совсем беспомощным.

Меня это возмутило так, как не должно было бы. Потому что Хельму пытался проявить заботу, а мне в его словах чудилась откуда-то взявшаяся снисходительность.

— Я, как ты мог заметить, тарса. А тарсы — нечисть мелкая и, чего уж стесняться, в дикой среде мало для кого представляющая угрозу. Но даже так я смогла стать высшей, обрести силу и как-то прожить почти двенадцать лет. Двенадцать лет, босс. В лесах, в горах, на улицах всяких городов. Я много где выживала и много из чьих лап вырвалась. И просто поверь: нестабильный оборотень меня совсем не пугает. Так что я просто предлагаю тебе меня сейчас укусить, убедиться, что я несъедобная, и перестать себя мучить. Ну?

Я выдернула руку из его пальцев и снова сунула ему под нос. К тому, что он меня в конце концов укусит, готова была, даже представляла, как буду гордиться шрамами, если они останутся. Но совсем не ожидала, что, не ограничившись одним болезненным кусом, волк схватит меня за плечи и приложит о стену.

Нервный смешок вырвался против воли.

Хельму укусил за плечо, совсем не там, где я предлагала. Сжал со всей дури клыки, собираясь, кажется, действительно вырвать из меня кусок.

Все, на что меняхватило, — короткий судорожный вздох.

Форменный жилет, что мог бы немного ослабить натиск клыков и защитить кожу, я перестала носить уже давно. Не нравилось мне, как он сжимает ребра, казалось, я в нем задыхаюсь. Потому лежал сейчас мой жилет где-то в командорском кабинете, а я стояла в коридоре дома Хельму и чувствовала, что меня едят...

В памяти ярко вспыхнуло воспоминание, как Эдит сравнивала мои клыки с клыками своего бешеного отца, «совсем такие же», сказала она тогда. Соврала.

Остановился он, только когда я не сдержалась и заскулила. Отстранился, ошалело глядя на меня.

— Проклятие...

— Ты мне должен новую рубашку, — сказала я, переводя дыхание. Все плечо было мокрым от моей крови и его слюны. Руку дергало от боли. — Неужели я оказалась на самом деле вкусной?

— Прости.

Он медленно, осторожно разжал пальцы, отпуская меня, и отошел на шаг. Потом на всякий случай еще на один.

— За что? — не поняла я. — Это же была моя идея. Лучше скажи, как ощущения? Признаться, я рассчитывала, что ты меня только немного надкусишь и сразу плевать начнешь.

— Я... увлекся, — неохотно признался волк.

— В смысле, я правда такая вкусная или тебе просто хотелось чего-то пожевать? — дотошно уточнила я. — Если пожевать, то мы можем спуститься на кухню. Вдруг в холодной сырое мясо осталось.

Хельму передернул плечами и предложение мое отклонил.

— Нужно обработать твою рану, — сказал он.

К тому моменту, как волк вернулся со всем необходимым, я успела закинуть китель на кресло в его спальне, снять ботинки и устроиться по центру кровати, раскинув руки в стороны.

Место укуса ныло, но это была не высокая цена за возможность снова пробраться в логово волка.

Когда Хельму показался в дверном проеме, я спросила, не поворачивая к нему головы:

— Есть еще желание меня погрызть?

Прежде чем ответить, он долго к себе прислушивался и в итоге неуверенно сообщил:

— Сейчас нет.

— Значит, я сплю с тобой!

— Это небезопасно.

— Только для тебя. — Я перекатилась на бок, стараясь не сильно тревожить пострадавшее плечо, и потянула себя за рыжую прядь. — Огненная тарса, помнишь? Попытаешься меня съесть во сне, я испугаюсь и все тебе тут подожгу. Так что ты меня лучше не пугай, иначе будешь утром придумывать объяснение, почему у тебя вся морда в ожогах.

Глава 20

Письмо счастья пришло ранним утром, когда сонный и уже привычно угрюмый волк размазывал свой завтрак по тарелке. Ночью он долго не мог заснуть, потому что после того, как раны мои были обработаны, я превратилась в тарсу и заняла одну из его подушек, категорически отказавшись уходить.

Боялся потерять контроль и навредить мне, из-за чего теперь был вялый и не очень внимательный. Служанку, принесшую ему записку, он заметил, только когда та боязливо его позвала. Пробормотала что-то про то, что посыльный отбыл и ответ не ждет, и убежала раньше, чем Хельму успел развернуть записку.

— Знаешь, босс, — убедившись, что поблизости лишних ушей нет, я прокралась к волку под столом и подергала его за штанину, — ты должен высыпаться. У тебя и у отдохнувшего морда страшная, а сейчас прямо жуть... Ты не пробовал улыбаться? Нет? Хотя бы не хмуриться настолько сильно. Морщины же...

Я не договорила.

Хельму, читавший записку и, казалось, не обращавший на мое ворчание внимания, резко сжал кулак, комкая бумагу. И я поняла — что-то нехорошее случилось.

Пока забиралась на стол и выцарапывала из напряженной волчьей ладони записку, в голове билась одна паническая мысль: «Лишь бы с Эдит все было хорошо».

Как только разгладила лист и смогла убедиться, что строчки не топорчатся частоколом сложночитаемых слов, выдохнула — письмо было не из стаи.

Прочитала.

Потом прочитала еще раз, не уверенная, что все поняла правильно.

— В этом есть и положительный момент, — сказала я. — Зафрэ наконец объявился. В гости вот зовет... По-дружески.

— Я знаю этот адрес, — сумрачно ответил Хельму, глядя прямо перед собой.

— И кто там живет?

— Верт с семьей.

Имя казалось мне знакомым, но я не сразу поняла почему.

— Блестяшка! — вспомнила я. — Так зовут мужа блестяшки. Ну и что? Их же в городе нет? Подожди, или ты считаешь, что Зафрэ тебе так угрожает?

— Я не знаю, что задумал Деккар, но сегодня вечером это закончится.

— Закончится, — согласилась я, протягивая к нему лапки. — Браслетик давай.

— Что?

— Браслетик, который Вирнэ для меня сделала. Я знаю, ты их постоянно с собой таскаешь, во внутреннем кармане. А часики, кстати, в кармашке жилета.

Хельму моя осведомленность не впечатлила.

— Ты не будешь участвовать в операции, — сказал он и встал из-за стола, так толком не позавтракав.

— Но Зафрэ, — я когтем подчеркнула то место, где он говорил обо мне, — ждет нас обоих. Давай не будем его расстраивать. Обещаю, я больше не стану действовать самовольно. Хвостом клянусь!

Все то время, что он внимательно меня изучал, я требовательно тянула к нему лапы.

— Без глупостей, — предупредил он, неохотно сдаваясь и отдавая мне браслет.

— Да! — Поостерегшись превращаться, я решила немного перетерпеть унижение и использовала браслет в качестве ошейника. И очень скоро о нем забыла.

Все мои мысли были заняты ужином. Пока волк готовился к вечерней операции, отбирая людей и проводя инструктаж, я сидела на подоконнике в его кабинете и следила за тем, как разгорается и затухает день.

Не самое захватывающее времяпрепровождение, но мне нравилось.

Когда солнце село и улицу осветили фонари, я зашевелилась.

День все еще был по-зимнему короток, а до ужина оставалось еще несколько часов, но мне уже не терпелось действовать.

К тому моменту, как Хельму начал собираться, я успела уже вся известись.

На его плечо забираться не стала, решив побыть немного самостоятельной.

Выскользнула в открытую дверь, вперед волка, и закружила по пустому коридору — Хельму был слишком нетороплив и спокоен, будто он сейчас и не Зафрэ вовсе шел ловить.

Мы выезжали первыми, отряд поддержки должен был выдвинуться чуть позже, по известному адресу.

И все вроде бы шло гладко...

* * *

Дом блестяшки выглядел... обычно. Двухэтажный, светлый, довольно симпатичный. Ничем не выделяющийся в ряду таких же милых домиков, выстроившихся по обе стороны улицы. Ничем, кроме засевшего в его нутре злодея.

Как только мы выбрались из кареты, кучер тут же уехал, не дожидаясь команды.

Дверь нам открыл новый громила, страшнее прежних, — артефактор быстро нашел замену бандитам, разорванным волком. Новичок просверлил взглядом волка, притаившуюся на его плече меня и посторонился, пропуская нас в дом.

Зафрэ обнаружился на кухне. В своих неизменных белых брюках, белой рубашке, белом жилете... и в темно-сером фартучке.

Стол, на котором обычно замешивали тесто или рубили овощи и мясо, был накрыт на троих. Два массивных семисвечника освещали кухню. Остальной свет был выключен.

И в этом полумраке вкусно пахло мясом.

Хельму замер на пороге, не веря своим глазам. Я могла его понять. Артефактор на кухне смотрелся дико.

Заметив наше присутствие, Зафрэ привычно улыбнулся и чихнул.

И я тут же отмерла.

— Еду, надеюсь, не ты готовил, — сказала я вместо приветствия, спрыгнув на пол. — Не хочу в качестве гарнира твою заразу.

Артефактор шмыгнул красным носом и рассеянно похлопал себя по карманам в поисках носового платка.

— Не думаю, что это имеет значение, — сказал он. — Когда ты увидишь, что я для тебя приготовил, забудешь обо всем.

И пусть Зафрэ выглядел вполне дружелюбно, и говорил он миролюбиво, но мне в его словах чудилась неясная угроза.

— Не желаешь обратиться? Здесь безопасно. Без моего разрешения никто не войдет.

Я посмотрела на волка, но тот лишь пожал плечами, оставляя выбор за мной.

И я превратилась.

Потянулась, вздохнула глубоко и грустно пошевелила пальцами на босых ногах.

— Проблемка.

Сапоги мои, как и китель, остались в спальне командора — я просто забыла утром обратиться в человека, чтобы одеться. Потому перед Зафрэ я предстала в мятой рубашке с бурыми разводами на плече.

— Хм-м-м, — глубокомысленно протянул он и не стал задавать вопросов. Жестом предложил мне сесть, а когда я подчинилась, вопросительно взглянул на Хельму.

— Давай, босс, присоединяйся. Нам же обещали дружеский ужин.

— Еда из рук алхимика? — недовольно проворчал Хельму. Артефактор благоразумно сделал вид, что ничего не услышал.

Когда волк занял свое место за столом, Зафрэ с торжественным видом поставил передо мной блюдо, накрытое крышкой.

Воздух наполнился запахом крови, и я подобралась. Волк рядом заворчал, после пробуждения зверя он стал намного чувствительнее к запахам и тоже почуял неладное.

— Угощайся, — сказал Зафрэ и снял крышку. — Лучшее сердце мага, что я смог найти.

На блюде, обложено льдом, лежало самое настоящее человеческое сердце.

Хельму скрипнул зубами.

— Не смешно, — сказала я.

Улыбка на лице артефактора медленно увяла. Какое-то время он непонимающе смотрел на меня, потом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Конечно! Ты же еще не знаешь.

О том, что это сердечко, если я смогу, конечно, его съесть, позволит мне и в человеческом теле пользоваться своим огненным даром, я слушала с самым серьезным выражением лица, на какое только была способна. А дослушав, спросила:

— Ты меня за дуру держишь?

— Подумай сама, зачем мне врать? — оскорбился он.

Запах сырого мяса становился просто невыносимым. Мне хотелось вырвать крышку из рук артефактора, спрятать под ней сердце... и выбросить все это в окно.

— А зачем говорить правду? Откуда ты вообще об этом знаешь?

— Один мой знакомый был высшей нечистью. — Он слабо улыбнулся, словно вспоминая что-то хорошее, но грустное. — От него я и узнал об этой небольшой уловке.

— Был?

— Наши пути разошлись. Не знаю, жив ли он еще.

Это объясняло спокойствие Зафрэ, когда он узнал мой секрет, но совсем не значило, что сейчас он говорит правду.

— Предположим, это правда, — согласилась я. — Но зачем бы тебе помогать мне?

Артефактор покосился на волка. Тот не спешил присоединяться к разговору, но смотрел очень недобро.

— Я рассчитываю, ты оценишь, что я для тебя сделал и как много еще могу тебе дать, и отправишься со мной в столицу. Твои таланты... были бы весьма полезны.

— А если не оценю и не поеду?

— В таком случае надеюсь, что хотя бы не забудешь, — смиренно сказал он.

Я ему не верила, но не могла отделаться от мысли, что нужно рискнуть. Если Зафрэ говорил правду, если, съев это сердце, я обрету силу...

Без огня я смогла поймать двух неумелых неудачников, не знавших, как правильно быть преступниками, а что я смогу сделать, будь моя сила при мне всегда?

Я сжала пальцы на вилке и потянулась к ножу.

— Анха, ты же не собираешься это есть? — спросил Хельму.

— Вообще-то, кажется, собираюсь, — сказала я, сама не веря тому, что планирую сделать. В человека я превратилась, чтобы

полакомиться вкусеньким мясом с травами, запах которого заполнил всю кухню, а не давиться жестким, жилистым сердцем.

Пока я отпиливала первый кусочек от своего сырого ужина, Зафрэ поставил перед Хельму другое блюдо, на котором лежал вкусенький, соченький стейк.

Сглотнув слюну, я начала пилить активнее.

— Часы, — напомнил Хельму, отодвинув от себя тарелку.

— О, прошу, сначала ужин, потом дела, — сказал Зафрэ, разливая вино по бокалам.

Передо мной поставили стакан с водой, в любое другое время я бы оскорбилась, но сейчас мне было все равно.

Стейк остывал, бокалы так и стояли полными, а я чувствовала себя какой-то забавной зверушкой. И волк, и артефактор очень внимательно следили за тем, как я давилась сердцем, остервенело скребя вилкой и ножом по блюду. Кровь мешалась с подтаявшим льдом, и розоватые капли разлетались в разные стороны.

В какой-то момент мне это надоело. Я бросила столовые приборы, схватила сердце руками, зубами отрывала от него куски и яростно их пережевывала.

К моменту, как все было съедено, моя челюсть нещадно болела, а сама я готова была сейчас же вернуть все, что с таким трудом съела.

подавив тошноту, я требовательно посмотрела на Зафрэ.

— Не так быстро, дорогая моя, — сказал он, протягивая мне салфетку. — Я не знаю всех деталей, но, думаю, нужно время.

— Если... — прижав салфетку к губам и зажмурившись, я переждала особо сильный рвотный позыв, — если это была шутка, я страшно отомщу. Не знаю точно как, но я обязательно сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе стало так же отвратительно, как и мне сейчас.

— Разве раньше ты не ела сырое мясо? — удивился он.

— Ела, когда была тарсой, но нечисть ощущает вкусы не так сильно, как люди.

Я жалобно посмотрела на волка в поисках сочувствия, но он ответил мне суровым взглядом.

— Это был твой выбор, — сказал он мне. И добавил для Зафрэ: — Быть может, наконец перейдем к делу?

— Разве ужин уже завершен?

— Я сыт по горло, — заверил артефактора Хельму.

— Я тоже, — поддакнула я, оттирая с пальцев кровь. Внутри меня происходили странные брожения, и я очень надеялась, что это проявляется дар, а не проблемы с желудком. — Мы уже давно готовы были вернуть тебе часики, да все как-то случая не представлялось. Сил нет, как хочется от них избавиться.

— Я... приболел, — сказал Зафрэ и шмыгнул носом. — Закономерный исход для долгой прогулки по улицам города при низкой температуре и без верхней одежды.

— Может, хотя бы это научит тебя не проводить сомнительные эксперименты на живых людях, — проворчала я.

— Едва ли, — беспечно улыбнулся он.

Волк кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Как Анха и сказала, нам бы хотелось как можно скорее разрешить нашу проблему.

— Разве она что-то такое говорила? — удивился артефактор.

— Точно не так вежливо, — призналась я.

Волк молча положил на стол часы и подтолкнул их к Зафрэ. И я затаила дыхание.

Артефактор взял их и провел подушечкой большого пальца по боку, где задняя крышка прилежала к корпусу. Хмыкнул.

— Не стоило заставлять вашего артефактора восстанавливать плетение, — с укором заметил он. — Зачем мучить мальчика? Достаточно было просто принести чешую.

Я попыталась представить, как бы отреагировала на подобное заявление Вирнэ. По всему выходило, что Зафрэ расплатился бы за свои слова проломленным черепом...

— Вот не стоит так снисходительно о ней говорить. У нее вспыльчивый характер и, между прочим, боевой молот есть.

— У нее? — оживился он. — Это сделала женщина?

— И очень опасная, — гордо кивнула я.

— Я должен с ней познакомиться!

— Не думаю, что могу это позволить, — недовольно сказал волк.

— А зачем? — полюбопытствовала я.

Зафрэ постучал пальцем по боку часов.

— Ее работа довольно неловкая, ощущается недостаток опыта. Но также виден потенциал. Под моим чутким руководством она могла бы

полностью его раскрыть.

— И ты понял это, только разок прикоснувшись к часам? — не поверила я. Самоуверенность артефактора просто поражала, как и то, что он просто дико недооценивал Вирнэ. Восстановление своих плетений Зафрэ почувствовал, а подмену внутри — нет.

— О, поверь, это было несложно. И разумеется, это всего лишь первое впечатление. Необходима личная встреча, чтобы я мог подтвердить свои предположения. — Он вернул часы Хельму. — Будьте так добры открыть часы. Защиту я снял, сделать остальное доверяю вам.

— Справиться с крышкой не в ваших силах?

— Всего лишь желаю избежать неожиданных сюрпризов, — миролюбиво ответил артефактор. — Если вы не придумали для меня никаких ловушек, я буду разочарован. Вскрывают, прошу.

Хельму пожал плечами, для него не было особой разницы, кто вскроет часы, главное, Зафрэ находился в зоне поражения.

— Но заинтересовался ею ты, лишь когда узнал, что артефактор — женщина. Мальчика в ученики брать нельзя? — спросила я, следя за тем, как Хельму крутит часы в руках, отыскивая место, где удобнее всего будет поддеть крышку.

— Я уже брал в ученики мальчиков, — сказал он. — Ни один не продержался дольше трех месяцев.

Крышечка легко отделилась от корпуса и упала на стол, отвлекая артефактора от разговора.

Я еще успела увидеть удивленное выражение на лице Зафрэ, почувствовавшего неладное. В следующее мгновение что-то невидимое и мощное выбило из меня дух.

Кажется, я даже слышала, как Зафрэ неловко свалился на пол, прежде чем сама потеряла сознание.

Глава 21

В себя пришла резко, как из мутной воды вынырнув из беспамятства. В первое мгновение сильно испугалась, почуяв непривычный, стерильный запах.

Потом сообразила, что лежу на койке в лазарете управления... Возможно, даже на той же самой, на которой когда-то лежал волк, — железный каркас очень знакомо выглядывал из-под простыни, покалывая руку холодом.

В палате никого не было, сквозь щель между не до конца задернутыми шторами виднелось ночное звездное небо.

Хельму не мог бросить меня одну в управлении и уехать домой, а это значило, что сам он либо спал в какой-то из соседних палат, либо сидел в своем кабинете. Второй вариант казался намного правдоподобнее.

А Зафрэ... Если все пошло по плану, Зафрэ сейчас должен был сидеть в камере.

Выбравшись из-под тонкого одеяла, я столкнулась с первой проблемой — каменный пол обжигал холодом босые пятки. Тапочек рядом с кроватью не было, а где их искать, я не знала.

Можно было поступить проще: найти волка и потребовать немного заботы, но в нагрузку к заботе наверняка шли еще и нотации, которых хотелось бы избежать.

Потому вниз, в подвалы, где находились камеры для заключенных, я пошла босиком.

Моя решительная поступь стала не очень решительной на лестнице между вторым и первым этажом. Беззащитные человеческие пятки очень легко отбивались о твердый камень. Я помнила, как тащила Эдит по зимним ночным улицам города, и сейчас, поджимая заледеневшие пальцы, решительно не представляла, как мне это удалось.

Управление выглядело пустынным и безлюдным. Можно было бы представить, что во всем этом огромном здании я нахожусь одна, если бы не тихие шаги в отдалении — дежурный делал обход.

Магические символы на потолке длинного коридора все так же зловеще горели красным, а громкого заключенного, кричавшего в прошлый раз командору вслед, уже не было.

Зафрэ разместили в самой дальней камере. Шаги он услышал издали и ждал моего появления, сидя на лежанке.

Вместо белых нарядов, успевших в моем представлении стать неотъемлемой частью артефактора, одет он был в серый тюремный комбинезон.

— Этот цвет тебе не идет, — сказала я вместо приветствия.

Артефактор одернул рукава комбинезона и усмехнулся.

— Законники лишены вкуса.

Потоптавшись немного перед камерой, я решила тоже сесть. И немедля опустилась на пол, скрестив ноги и растирая холодные пятки.

— Как ты себя чувствуешь?

— Униженным, — пожал плечами Зафрэ. В приглушенном свете переведенных в ночной режим светильников красный камешек в его ошейнике сверкал особенно зловеще. — А с тобой все хорошо?

— Неплохо. Все же это не я сейчас сижу за решеткой.

— Но тебе досталось больше моего. Я видел, как командор выносил тебя из дома... — Он поморщился и пожаловался: — Должен признаться, неприятно было прийти в себя в повозке городской стражи.

— Как это в повозке? Я пришла в себя только недавно.

Зафрэ снисходительно усмехнулся.

— Возможно, я учел не все и оказался неосторожен, но для нашей встречи я выбрал самую надежную свою защиту.

— Что-то не помогла она тебе, — вредно заметила я.

— Без чешуи невозможно создать артефакт, способный защитить от любого вида магического воздействия. В этот раз повезло командору. — Он передернул плечами. — Может, превратишься? Пол холодный.

Я посмотрела на свою ладонь. Бледную и совершенно человеческую.

Интересно, что бы увидела на ней гадалка? Чью судьбу?

— Да что-то не хочется. Мне и так нормально, — подняв глаза, я встретила взглядом с Зафрэ. — Ты не выглядишь расстроенным.

— Я облажался, и это меня раздражает, — пожал плечами он, — но не вижу причин для расстройств. Если командор хоть в половину так благоразумен, как о нем говорят, очень скоро я покину эту камеру.

— Какое... самоуверенное заявление, — пробормотала я.

Мне казалось, что в камере, за прутьями клетки, он будет выглядеть подавленным, может даже сломленным. Но единственное, что расстраивало Зафрэ в его новом положении, — некрасивая одежда и жесткая кровать. Он не казался побежденным.

Это бесило и восхищало одновременно.

— Анха, — Зафрэ кашлянул. В глазах его загорелся нездоровый огонек исследователя, — позволь узнать, не чувствуешь ли ты пробуждения силы? Прошло уже достаточно времени, есть какие-то результаты?

— Дар.

— Что?

— Я называю это даром. Компенсацией за обретение сознания.

— Компенсацией? — не понял Зафрэ. — Но разве развитие само по себе не является даром?

— В теле тарсы, знаешь ли, умение мыслить мне только мешало. — Я поежилась, вспомнив, как странно было осознавать себя первое время. — И что я получила в награду за все свои страдания? Умение разводить огонь!

— Тебе не нравится?

— Ну... я бы лучше в размерах увеличивалась, — призналась, смущенно улыбувшись. — Чтобы, если меня кто-нибудь напугал или съест попытался, я бы раз — и выросла размером с дом. И сама бы напугала или съела того, кто хотел меня обидеть.

Зафрэ сдавленно хохотнул.

— И как в таком случае дела обстоят с твоим даром?

Я старательно прислушалась к себе, пытаюсь понять, изменилось ли что-то, но единственное, что чувствовала, — как замерзает мой филей и леденеют голые ноги.

— Ничего.

— Подождем еще, — оптимистично решил артефактор.

— Ты уверен, что тебя не обманули? Может, эта твоя знакомая нечисть увидела, как ты любишь сердечки людям вырывать, и решила над тобой пошутить.

— Невозможно. Идея с сердцами появилась у меня после. Оригинальный способ убийства... На создание исправного амулета, настроенного на сердечный ритм, у меня ушло почти три года. Слишком сложным оказалось вобрать в плетение весь спектр сердцебиений. У людей, на которых я тестировал первые образцы, была нехорошая привычка пугаться, что ускоряло ритм их сердец... — Зафрэ тяжело вздохнул. — Каким простым все тогда казалось.

— Будем предаваться воспоминаниям и грустить? — спросила я.

Но раньше, чем услышала ответ Зафрэ, уловила приближающиеся очень знакомые шаги и сама ответила на свой вопрос:

— Грустить мы точно скоро будем. Сюда идет босс.

Артефактор расправил плечи.

— Не ждал командора так рано. Полагаю, он за тобой.

— Кажется, я попала. Но если притворюсь дохлой...

— Не сработает, — безжалостно отозвался Зафрэ.

Я и сама это понимала, но все равно, когда увидела волка, вышедшего из полумрака лестницы, пожалела, что не попробовала. Издалека с этим своим звериным блеском в глазах он выглядел очень устрашающе — скудность освещения спровоцировала переход на ночное зрение.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — сказал он, подходя ближе и нависая надо мной. — Ты сейчас же возвращаешься в постель.

— Командор! Какая невероятная удача видеть вас. — Зафрэ поднялся со своего места и подошел к прутьям. Была в его голосе какая-то неуловимая веселость, полностью исчезнувшая на последних словах. — Нам нужно поговорить.

— Завтра вы поговорите с дознавателем, — пообещал Хельму, протягивая мне руку.

— Командор, — настойчиво повторил Зафрэ. — Нам нужно поговорить о том, действительно ли вы готовы оставить столицу на Ярого Хади.

— Что?

— Многие хотят присвоить себе тени Оверана, но реальная возможность это сделать, за исключением меня разумеется, есть лишь у Хади. Уверен, вы слышали о нем и его сумасшедших ведовках.

Хельму нахмурился. Я ухватила за его ладонь, но он не сразу потянул меня вверх, замерев в нелепом полупоклоне на несколько

секунд. Вспоминал.

— Резня в посольстве...

— Его рук дело! — подтвердил Зафрэ, заметно расслабившись. Его успокоила злая тень, промелькнувшая на лице волка. — Чешуя позволит мне противостоять его ведовкам. Без нее моя борьба за власть заведомо обречена на провал. Подумайте сами, командор, что случится, если кто-то безумный вроде Хади получит столичные тени в свое пользование? Оверан утонет в крови. Если хоть кому-то из правящей семьи удастся выбраться из города... что ж, этому счастливицу придется выбирать другой город для своей столицы.

— А с вами власть закона в столице укрепитя, — едко сказал Хельму, поднимая меня на ноги.

— Разумеется, нет, — не стал врать Зафрэ. — Но мы оба понимаем, что в вашей работе редко нужно выбирать между плохим и хорошим. Как правило, приходится искать меньшее зло. В этот раз меньшее зло — я.

Хельму хмуро смотрел на Зафрэ, забыв отпустить мою руку. Я топталась рядом, не понимая главного.

— И почему нельзя было сразу с этого начать? Вместо того, чтобы красть у стражников сердца и угрожать боссу?

— Мы были недостаточно близки, — уклончиво ответил артефактор.

— Зато теперь ближе некуда...

Я была уверена, что он просто не хотел признаваться, что не в состоянии своими силами справиться с проблемой и ему нужны запрещенные артефакты. А еще недооценил местного командора городской стражи. Посчитал его неопасным, был снисходителен... и теперь сидел в клетке, со смертельно опасным ошейником на шее. Оказался в положении, в котором все, что ему осталось, — договариваться.

— Подумайте, командор, новый король в тения появится в любом случае, так почему им не могу стать я?

— Что бы я ни выбрал, все равно окажусь проигравшим, — проворчал волк.

— Если интересно мое мнение, то Зафрэ все же лучше. Не знаю, кто такой этот Хади, но то, что он Ярый, мне не нравится.

— Я приму к сведению твои слова, — сухо пообещал Хельму и потянул меня прочь от Зафрэ мимо пустых камер.

Не надеясь, что волк вспомнит о том, что я босая, или хотя бы чуть сбавит скорость, перед самой лестницей я выдернула руку из его пальцев и запрыгнула на спину раньше, чем он успел что-то сказать.

Подхватив меня под бедра, он с задержкой возмутился:

— Анха!

— Ничего не могу поделать. Ноги замерзли, — радостно сказала я, крепче обнимая его за шею.

— Нас ждет серьезный разговор, — пообещал Хельму в полумраке лестницы. Можно было бы подумать, что говорить мы будем о моих ногах, но я достаточно хорошо успела узнать волка, чтобы понять — ругать меня будут за мою оплошность с браслетом. И еще за то, что я самовольно спустилась к камерам, чтобы навестить Зафрэ.

— Я не знала! — тут же повинилась я, решив не дожидаться воспитательной беседы.

— Чего не знала? — не понял волк.

— Что браслет не сработает, если его во время превращения забыть. Зато теперь мы в курсе, что природная магия высшей нечисти блокирует действие амулетов. Можно сказать, важное открытие сделали. И как же замечательно, что при этом никто не пострадал. Да, босс?

Какое-то время мы шли в тишине. Хельму должен был понимать, как сложно что-то про себя узнать, если некого спросить. Он до сих пор со своим зверем не разобрался.

— А к Деккару зачем пошла? — спросил он строго.

Мне понадобилось все самообладание, чтобы не рассмеяться. Хельму оказался очень предсказуем, это вызывало у меня дикий восторг.

— Ну так из любопытства.

Мы вышли в коридор, и я против воли подняла взгляд к тлеющим символам.

— Ты мне накопитель обещал, — вспомнила вдруг.

Хельму остановился и запрокинул голову к потолку. Какое-то время мы просто смотрели, как тонкие резкие линии горят красным.

— Да, — наконец сказал волк и пошел дальше.

— Слушай, босс, а этот Ярый, он ведь сильно опасный? — спросила я, болтая ногами. Кататься на волке в человеческом теле было даже интереснее, чем тарсой. — Опаснее Зафрэ?

— Сложно сказать. Хади — изобретательный садист. Деккар — талантливый исследователь.

— Он не скрывается, как Зафрэ, да?

— Хади любит, когда о нем говорят, — подтвердил волк. — Он неуправляем, тщеславен и жесток.

— То есть с ним нельзя договориться, — заключила я. — А с Зафрэ можно...

Волк весь подобрался, сразу же поняв, к чему я клоню.

— Мы его поймали.

— И можем сделать его должником. Хочешь короля теней в должники?

— Ты предлагаешь мне с ним сотрудничать?

Я на несколько секунд затаила дыхание. Мне очень не хотелось озвучивать очевидное, в основном потому, что Хельму это могло разозлить, но и молчать я не могла.

— Ты же понимаешь, что Зафрэ все равно сбежит?

Волк дернул плечом.

— Я знаю, что попытается, вероятнее всего во время перевозки в столицу. Мы будем вынуждены снять подавитель, а блокираторы в наручниках довольно слабые, их часто взламывают.

— Вот! Убежит без нашей помощи, вернется в столицу, как-нибудь отвоюет себе этот дурацкий трон и будет править.

— Анха, я уверен, за ним отправят лучший отряд, они будут готовы, — терпеливо заверил меня Хельму.

Я не сдавалась.

— Еще хуже. Не сбежит, за все ответит. И тогда трон получит этот Ярый, и все сломается. Ты только представь, во что превратится столица, если ее преступной частью начнет управлять агрессивный псих со склонностью к членовредительству? Ты же сам говорил, мы находимся недалеко от столицы, нас это тоже заденет. Ну?

— Не драматизируй, — велел он.

И на этом наш разговор был закончен.

Хельму рычал на меня каждый раз, когда я пыталась вернуться к этой теме.

Утром следующего дня, бросил одну в управлении одну и пропал на несколько часов. Вернулся совсем мрачный, пах дымом, дешевым алкоголем и почему-то чернилами. Мне очень хотелось знать, почему это он в Гнездо ходил без меня, но спросить я не решалась.

А перед обедом, вместо того чтобы отдать Зафрэ дознавателю, волк лично пошел в допросную, выгнал всех и заперся наедине с повеселевшим при виде командора артефактором.

Если бы я не успела тарсой прошмыгнуть под ногами Хельму, пока он выпроваживал подчиненных, и не спряталась за ногой Зафрэ, тоже, скорее всего, топталась бы в коридоре вместе со всеми, изнывая от любопытства.

Планами своими волк со мной не поделился и с собой не позвал. Хотя я еще прошлым вечером, за ужином, заметила, как его перекосило, когда он после долгих раздумий все для себя решил.

* * *

За дверью какое-то время слышались растерянные разговоры, никто не понимал, что произошло и почему командор решил лично побеседовать с заключенным.

Кто-то тонким и ломким голосом даже осмелился предположить, что в допросной сейчас происходит смертоубийство.

Зафрэ весело фыркнул, Хельму, стоявший рядом с дверью, скрипнул зубами и активировал полог тишины.

Встревоженные разговоры мгновенно оборвались, и допросная погрузилась в тяжелую тишину. Я неосознанно прижалась к ноге Зафрэ, тишина казалась осязаемой, она давила на меня.

— Покажись, — велел волк. Прежде чем занять стул напротив артефактора, он швырнул на стол тонкую папку.

Я на всякий случай крепче прижалась к ноге Зафрэ. Он недоуменно звякнул цепью, продетой в обруч, намертво закрепленный к столу. Здесь, кажется, все было прикручено друг к другу. И на всем виднелись странные символы, от которых едва уловимо веяло магией. Простенькой, но надежной.

— Анха, я знаю, что ты здесь. Бессмысленно прятаться, если ты не умеешь скрывать свой запах.

Меня раскрыли, делать вид, что меня здесь нет, а волку просто показалось, было странно... да и неразумно — он бы все равно меня нашел, прятаться в комнате было особо негде. Потому я отпустила штанину комбинезона и забралась на стол.

— Ну? И какой у нас план? — спросила важно, на всякий случай выбрав место подальше от Хельму. Чтобы он не смог так просто схватить меня за шкурку и выкинуть из допросной.

Что бы волк там себе ни надумал, мне он ничего не рассказывал, потому его ответа мы с Зафрэ ждали с одинаковым нетерпением.

— Думаю, мы можем помочь друг другу, — напряженно сказал волк, подтолкнув папку к Зафрэ. Тот неловко раскрыл ее, гремя цепями. Вчитался.

Я тоже попыталась ознакомиться с предложением Хельму, но сломалась на пятой строчке. Это был самый настоящий договор, с заумными и запутанными формулировками и обязательным полем для подписи внизу страницы.

— Вы предлагаете мне сотрудничество или рабство? — недовольно спросил Зафрэ, просматривая второй лист.

— Что там написано? — полюбопытствовала я.

— Я должен командору так много, что расплачиваться буду до самой смерти, — ответил он. Перевернул страницу и нахмурился: — Хотя, кажется, даже смерть не станет избавлением.

— Это мои условия, — произнес Хельму. — Вы вольны принять их или отказаться.

Зафрэ сжал губы, становясь все мрачнее с каждой новой прочитанной страницей. Всего в папке было семь листов, и под конец он едва мог спокойно сидеть на месте.

Долгий спор, длившийся где-то час, закончился исключением нескольких особенно бесчеловечных, по мнению артефактора, пунктов и неохотным соглашением.

— И что? Вы натурально подпишете эти бумажки и будете им следовать?

— Это не просто бумажки, — сказал Зафрэ, устало откинувшись на спинку стула. Во время спора он чуть не сорвал голос и теперь едва говорил. Протянув мне один лист, предложил: — Посмотри.

Я внимательно осмотрела его со всех сторон и даже понюхала, но ничего особенного, кроме едва уловимого магического следа, не

почувствовала. И лишь спустя какое-то время, после подсказки волка, нащупала странные уплотнения, собирающиеся в руны.

— В бумагу во время составления договора было вплетено проклятие, — пояснил Хельму, доставая из внутреннего кармана небольшую шкатулку, внутри которой на бархатном ложе лежали маленькая копьевидная игла с плоским держателем и перьевая ручка.

Зафрэ поморщился.

— Подписывать придется кровью.

— Вам ли жаловаться? — сухо спросил волк. — Сначала мне придется вычеркнуть все отмененные пункты.

— Кровью? — ужаснулась я.

— Разумеется. В противном случае они не утратят силы.

Воздух наполнился густым медным запахом, когда Хельму пустил себе кровь. Зафрэ внимательно следил за каждой вычеркнутой строчкой и тем, как волк отмечал исправленные страницы своей подписью.

Когда пришла его очередь, Зафрэ замялся.

— Почему у меня такое чувство, что я об этом пожалею? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Другой возможности получить чешую у вас не будет, — предупредил волк.

Зафрэ неохотно пододвинул к себе договор и взял протянутую иглу.

После подписания папка осталась у волка, но победителем он не выглядел. Необходимость вернуть Зафрэ чешую ему все еще не нравилась.

— Через несколько дней за вами приедут из столицы. — Хельму поднялся из-за стола, сжимая в руках папку и не зная, что с ней делать. — Чешую получите в день вашей перевозки.

— Разумно, — уныло согласился Зафрэ.

— Побег...

— Об этом я позабочусь сам. Не стоит беспокоиться.

— И мы это никак не отпразднуем, да? — грустно уточнила я.

И волк, и Зафрэ посмотрели на меня так, что сразу стало понятно: они причин для праздника не видят.

Глава 22

Хельму не нравилась идея дать артефактору сбежать. Вернуть чешую, позволить сделать то, что он планировал: занять проклятый трон проклятых теней...

И пробудившийся зверь все только усложнял. Он считал Зафрэ своей добычей и не желал его отпускать.

За три дня, что мы ждали прибытия отряда из столицы, волк успел окончательно перепугать всю прислугу в доме. Он не кричал и почти не разговаривал, но один взгляд на его лицо заставлял служанок сжиматься.

В конце концов я не выдержала. Не выспавшаяся из-за того, что Хельму всю ночь метался по кровати и мешал мне отдыхать, а потому особенно вспыльчивая, я просто сорвалась.

— Если тебя не загрызет совесть, это сделаю я, — пообещала ему за завтраком, в очередной раз наблюдая, как каменеет прислуга рядом с волком.

— Что?

— Последнее время ты не на командора стражи похож, а на всеобщий страх и ужас. Прекрати думать о Зафрэ и лучше подумай о том, что совсем скоро Эдит приедет домой... Может, ее уже назад возвращать пора? С Зафрэ мы вроде бы все разрешили. А после того, как ты поймал самого страшного артефактора преступного мира, вряд ли кто-то рискнет приблизиться к твоей семье. А?

— Я напишу Флоренс, — пообещал волк, обдумав мои слова. Завтрак свой он снова не доел, и меня это начинало беспокоить.

Мой процесс превращения тоже был сложным, но на аппетит не влиял. Возможно, после очередного трудного оборота — а первые мои обороты все были тяжелыми — я становилась нервной или агрессивной, зато кушала хорошо.

А у Хельму почему-то вместе с характером еще и аппетит испортился.

Помочь ему я ничем не могла и просто надеялась, что возвращение Эдит все как-нибудь исправит. Уж при дочери-то он точно постесняется быть жутким.

Я превратилась в карете, под бодрый перестук копыт. Поправила отвороты пальто и сказала первое, что пришло в голову:

— Ты обещал мне шинель.

— Я помню.

— И мне нужна еще одна форма. Эта уже грязная. — Я принюхалась к рукаву кителя, выглядывавшему из-под пальто. — Кажется, от меня начинает плохо пахнуть.

— Хорошо.

— За Зафрэ должны приехать сегодня?

— Да.

Я нахмурилась.

— С тебя что, по блестяшке за каждое слово берут?

— А тебе за них платят?

Сначала я хотела было обидеться, но решила просто признать свою жадность.

— Хотелось бы.

По крыльцу управления вестником дурных новостей нервно вышагивал Гларан, на улицу он выбежал без верхней одежды и теперь отчаянно мерз, растирая руки и пытаясь согреть покрасневшие пальцы дыханием. Увидев командора, он быстро сбежал вниз и, пристроившись справа, заговорил, подстраиваясь под шаг Хельму.

— Отряд приехал полчаса назад. Требуют как можно скорее отдать им Деккара. Я напоминал про документы, но они не хотят меня слушать и требуют вас, — отчитался помощник, то и дело оборачиваясь ко мне.

Я помахала ему рукой и получила в ответ робкую улыбку.

— Где они сейчас? — спросил Хельму.

— В переговорной... Командор, их семеро. — Понизив голос, Гларан добавил: — Все меченые.

— А что это значит? — полюбопытствовала я, поравнявшись с помощником. От волка объяснений ждать было бесполезно, а Гларан был мальчиком вежливым.

— Специальный королевский отряд. Занимаются особыми случаями.

— Подготовь все бумаги для перевода. Деккара отведи в допросную.

— Но зачем?

— Просто сделай. Я пока поговорю с нашими гостями. И, Анха... — волк обернулся ко мне, — пришло время принести ее.

Я понятливо кивнула.

— Так точно, босс!

И, перескакивая через ступени, не боясь поскользнуться или упасть, побежала вниз. В темноту раннего утра.

Солнце еще не взошло, небо оставалось непроницаемо темным, даже звезды куда-то делись, а люди уже ходили по улицам.

Кто-то спешил на работу и смотрел исключительно под ноги. Кто-то неторопливо шел, наслаждаясь безветренной морозной погодой.

Я бежала к набережной, поставив себе целью выловить чешую из реки до наступления рассвета. В запасе у меня было где-то двадцать минут. До потайного места минут пятнадцать, если я буду очень быстрой.

И я старалась изо всех сил.

Набережная в столь ранний час была безлюдна, безжалостный ветер тревожил водную гладь, ерошил волосы и морозил уши. Фонарь рядом со спуском под мост не светил, а из-под моста виднелись теплые отблески костра.

Рядом с моим схроном расположились какие-то бездомные. Что могло бы стать проблемой для тарсы, но никак не для стажера городской стражи.

Я решительно сбежала вниз по скользким ступеням.

Под мостом, вокруг притащенного откуда-то бака, из которого вырывались теплые языки пламени, стояли трое мужчин.

Еще один сидел у основания моста, опираясь спиной о камень. В момент моего появления он, приложившись к бутылке, жадно пил.

От них пахло немытым телом, дешевым табаком и чем-то спиртным.

Кашлянув, чтобы привлечь к себе внимание, я постаралась быть как можно дружелюбнее.

— Простите за вторжение. Не обращайтесь на меня внимания, мне только нужно кое-что забрать. Надолго я вас не потревожу.

Оторвавшись от бутылки, тот, что сидел на ящиках, окинул меня мутным взглядом и выдал малоинформативное:

— Баба.

— Вообще-то, стажер городской стражи, — все еще вежливо поправила я. И не была услышана.

— Баба, — невразумительно пробормотал один из тех, что грелись у огня.

С тяжелым вздохом я начала расстегивать пальто, желая добраться до дубинки. Необходимость немного воспитать этих несчастных, случайно оказавшихся на моем пути, меня ничуть не огорчала. Огорчало то, что добраться до дубинки мне не позволили.

Нерасторопные на первый взгляд, они неожиданно быстро и слаженно бросились на меня. Первый, попытавшийся схватить за плечо, получил кулаком в нос и отшатнулся, размазывая по лицу кровь.

— Ну можно же решить все миром.

Я пропустила момент, когда еще один из этой банды зашел мне за спину и попытался обездвигнуть. Ему я заехала затылком, повредив еще один нос.

Третий, воспользовавшись моментом, ударил меня по лицу какой-то деревяшкой. Щедро, с оттяжкой. Отчего меня швырнуло к стене.

На какое-то мгновение перед глазами потемнело, в голове взорвалась боль, впиваясь острыми осколками в мозг. Я успела почувствовать, как меня схватили за волосы, вспомнила, что хотела их подстричь, и сильно разозлилась.

Того, как по волосам, плечам и спине, обнимая руки и медленно сжигая одежду, побежал огонь, я не видела. И плохо помнила, как впечатала в стену первого попавшегося под руку агрессора, зато хорошо помнила, как он орал, пока одну сторону его лица царапал шершавый камень, а вторую прожаривала моя горящая ладонь.

Едва ли он слышал, как я почти с сочувствием произнесла:

— Ну я же пыталась быть вежливой. Ну чего вы, а?

Кто-то рухнул в воду, пятась от меня, когда я пошла к своему тайнику. Те двое, с поврежденными носами, убежали, стоило мне только загореться. Поджаренный мною потерял сознание от боли. Последнего унесло рекой.

Прежде чем забрать чешую, я упала в снег и долго каталась, чтобы затушить огонь. Как сделать так, чтобы он потух сам, я не представляла.

Огонь ушел неохотно, оставив на коже легкий румянец. Когда я опустила руку в воду, чтобы вытащить мешочек с чешуей, та

зашипела, будто я остужала что-то раскаленное.

Еще несколько минут я просто стояла над водой, глядя на стремительный поток и приходя в себя.

Желание бежать к волку, чтобы рассказать ему, как я теперь умею, мешалось с ужасом от только что совершенного. Я горела. Голые руки и спина, безнадежно испорченные пальто и китель, и рубашка с огромной прожженной дырой на спине, державшаяся на мне благодаря уцелевшему воротничку, были тому подтверждением.

Но как я горела? Почему я горела? Что я при этом испытывала? Как это контролировать?

Смогу ли я это повторить?

У тарсы все получалось как-то само, инстинктивно. Мне не приходилось учиться вызывать огонь, он появлялся по первому моему желанию.

У человека ничего такого до сегодняшнего дня не получалось. Зафрэ относился к этому спокойно и в наши короткие встречи, когда мне удавалось улизнуть от волка и прокрасться к камере артефактора, советовал не переживать по этому поводу.

— Тебе просто нужно время, — говорил он. — Изменения не происходят в одно мгновение...

Потом он обязательно морщился и неохотно добавлял:

— Если, конечно, это не касается командора.

И вот вроде изменения завершились, я могла делать то, что Зафрэ мне обещал, но не умела это контролировать.

— Ладно...

Пальто и китель пришлось снять. Недолго думая, я бросила их в реку, чтобы не оставлять улики на месте настоящего преступления. Спрятала мешочек с чешуей в карман брюк и засунула дубинку за ремень.

— Ладно...

Размяв пальцы, я позвала огонь, как делала это, будучи тарсой, но ничего не произошло. Я несколько раз встряхивала руками, наивно полагая, что это поможет, щелкала пальцами, сжимала и разжимала кулаки — безрезультатно.

Призывала огонь всеми способами, до каких только могла додуматься...

И громко заорала, когда вместо одного вытянутого вверх пальца у меня резко загорелась рука. В панике я сунула ее в воду.

Потом повторила попытку.

К тому моменту, как я хотя бы приблизительно поняла, как оно все работает, на улице уже давно рассвело, и в управление я бежала провожаемая диковатыми, непонимающими взглядами горожан.

Меня даже в управление чуть не отказались пускать. Если бы не вовремя подоспевший Гларан, я бы точно кого-нибудь покалечила.

— Анха, — помощник выглядел шокированным, но старался очень откровенно не таращиться, — у тебя что-то случилось?

— Сложно сказать, — бодро ответила я. — Босс где?

— Командор в допросной с заключенным. Но ты уверена, что тебе сейчас к нему нужно?

— А что?

— Мне кажется, для начала тебе необходимо посетить лазарет.

Я беспечно отмахнулась.

— Это подождет.

От Гларана удалось сбежать только на лестнице, его отвлек кто-то из канцелярии, а я воспользовалась моментом. В допросную его все равно не пустят, волку свидетели вопиющего нарушения закона нужны не были.

Перед дверью допросной я притормозила, перевела дыхание и несколько секунд решала, постучать или не стоит.

Для большего эффекта ворвалась без стука, с порога заявив:

— Босс, ты не поверишь, что со мной случилось!

Добилась ровно того, чего хотела. Зафрэ потерял дар речи и смотрел на меня широко открытыми глазами, а волк вовсе подскочил на ноги. Если бы стул, на котором он сидел до моего появления, не был крепко прикручен к полу, свалился бы.

— Что с тобой случилось?

— Я зажгла! Босс, я так зажгла! Ты бы видел... — Заметив лежавшие на столе часики, я невольно отвлеклась: — О, блестяшечка!

— Ты смогла призвать огонь, — уверенно заключил Зафрэ. — Уровень контроля?

— Ну... — Я замялась, какой там у меня может быть уровень? — Более-менее. Там, кстати, под мостом маленькая неприятность случилась. Меня какие-то бездомные обидели. Ну и один по каналу

теперь плавает, если его не выловить, совсем замерзнет. А второй с серьезными ожогами валяется...

Пока я говорила, не в силах притушить свою эмоциональность и сопровождая каждое слово бессмысленными жестами, Хельму подошел ко мне и немного подался вперед, сложив руки за спиной. Выражение лица у него было такое... Я на мгновение даже испугалась, что он снова меня покусает.

— Это они сделали? — спросил волк, когда я потерянно замолчала под его взглядом.

— А? — Я потрогала щеку, пострадавшую в драке, и поморщилась. Стоило только вспомнить об этом, как отбитая половина лица заболела. Я жалобно сморщилась. — И надо было тебе напомнить.

— Тебе нужно к лекарю, — практично заметил Зафрэ, — но для начала отдай мне, пожалуйста, чешую.

Вот уж кого мой побитый вид не особо впечатлил.

Осторожно обойдя Хельму, я подошла к артефактору и положила перед ним мокрый мешочек.

— Проточная вода! — мгновенно догадался он, развязывая тесемки. — Разумно. Ваш артефактор подсказала?

Цепи звенели, пока он перекладывал чешую обратно в часы и прилаживал заднюю крышку.

— Анха, в лазарет, — строго велел Хельму, неслышно подкравшись сзади.

— Ну давай позже, а? Интересно же, чем дело кончится.

— Повреждения поверхностные. — Зафрэ бросил на меня быстрый взгляд, не отрываясь от работы. — Даже если не брать во внимание ускоренную регенерацию нечисти, шрамов после заживания не останется. Можете не переживать.

Волк прерывисто выдохнул, задетый предположением Зафрэ о том, что он о сохранности моей мордашки заботится, а не о здоровье беспокоится.

— Несколько минуточек, — жалобно попросила я.

— Командор, — сказал Зафрэ, — наручники. Мне нужно восстановить защитное плетение... то, что от него осталось.

Волк ворчал, освобождая артефактора от наручников, янтарные кристаллы блокираторов мигнули и потемнели, прекращая

воздействие. Все те несколько минут, что Зафрэ оставался свободен, Хельму был напряжен и готов к атаке.

Я это затылком чуяла, едва подавляя инстинкты, требовавшие сейчас же где-нибудь спрятаться, пока угроза не исчезнет.

Когда все закончилось, часы были спрятаны в карман серого комбинезона, а наручники снова оказались на запястьях Зафрэ, он в упор посмотрел на меня.

— А теперь рассказывай. Как пробудился дар?

— Нечего рассказывать. Меня ударили, я обиделась и... немножечко разозлилась. А потом все начало гореть. Я пробовала контролировать огонь, он меня слушается, но еще очень плохо. Не так, как тарсу.

Зафрэ простонал.

— Такой случай... Анха, подумай еще раз, быть может, ты все же поедешь со мной?

— Спасибо, но нет, — отказалась я не раздумывая.

— Столица... — начал было он, не желая так просто сдаваться, но был прерван.

— Кажется, она уже дала свой ответ, — вмешался волк. — А вам уже пора.

Зафрэ недовольно поджал губы, но выпрямился, готовый отправляться в путь. Того, что часы будут найдены, он не боялся, волк, знавший весь процесс, уверял, что заключенных не обыскивают перед перевозкой. Не принято.

— Надеюсь никогда больше с вами не встречаться, — искренне произнес Зафрэ.

— К сожалению, это невозможно, — невозмутимо ответил волк. — Договор.

Артефактора перекосило, но, взглянув на меня, он улыбнулся.

— А тебя я бы хотел еще увидеть. Приезжай в Оверан, хотя бы в гости.

— Можете на это не рассчитывать, — ответил за меня Хельму, проигнорировав мой возмущенный взгляд.

— Почему же? В нашем договоре запрет на общение с Анхой прописан не был.

Волк скрипнул зубами, но ответить ему на это было нечего.

— Жду тебя в гости, — повторил артефактор, — помогу с изучением дара.

Все, что я могла сказать, это безопасное:

— Спасибо.

Дверь допросной распахнулась, возмутительным образом прервав наше неловкое общение, и в помещение, снисходительно осматриваясь, вошел огромный неприятный тип в легком доспехе. На груди его красовался герб королевской семьи — лев в короне. А на виске темнела странная татуировка. Круг с семью пересекающимися его линиями, почти сходящимися в центре.

Вслед за первым мужчиной вошел второй, почти не уступавший ему по комплекции и пренебрежительному выражению лица, только моложе. Он был в таких же доспехах и с таким же символом на виске.

Первый остановил взгляд на мне и поморщился:

— Это еще что за оборванка?

— Я с задания вернулась, невоспитанный ты хам. — Гордо расправив плечи, я с вызовом посмотрела на меченого. Но волк загородил обзор, одним движением оборвав наш разговор.

— Мы еще не закончили.

— А мне кажется, что закончили, — ухмыльнулся меченый. — Теперь им займутся дознаватели короля.

— Наш дознаватель...

— Не справился. Мы видели отчеты. Вам бы стоило лучше выбирать сотрудников и не держать в штате бездарей.

— А у вас, значит, лучше получится меня разговорить? — Зафрэ был возмущен тем, что скудность отчетов приписали не его сопротивляемости магии, а неумению стражника, проводившего допрос.

— Мы работаем только с профессионалами, — задрал подбородок меченый. — Наши дознаватели лучшие.

— Дознаватели, да? Забавно. Всю жизнь считал, что костоломов не так называют, — вздохнул Зафрэ.

Когда артефактора выводили из допросной, он улыбался. Меня это нервировало. Артефактор не был похож на человека, отправлявшегося в лапы какого-то живодера. Я опасалась, что меченые заподозрят неладное, как-то подстрахуются, и тогда Зафрэ ни за что не сможет сбежать...

Наглый меченый шел последним и, проходя мимо Хельму, снисходительно, с каким-то неприятным намеком сказал:

— Корона благодарна вам за сотрудничество.

Волка перекосило, и меченый с довольным видом покинул допросную. Он был уверен, что командор местной стражи унижен, растоптан и, возможно, чуть-чуть сломлен. Конечно, волк поймал такого опасного преступника и вынужден просто так его отдать.

Хельму не вышел провожать столичных стражников, и за тем, как Зафрэ заталкивали в карету, мы наблюдали из окна в коридоре второго этажа.

— Босс. — Я дернула его за рукав и негромко сказала: — Во всем этом есть же и положительная сторона.

— Неужели?

— Побег Зафрэ опозорит их, а не тебя.

Волк нехотя признался:

— Поверить не могу, что мы отпустили настолько опасного преступника.

— Ну так мы же не отпустили. Его забрали эти наглые типы. — Я нашла глазами меченого с сединой, что-то втолковывавшего стражнику на облучке. Интересно, какое у него будет лицо, когда опасный заключенный сбежит? — Слушай, босс, а тебе интересно, как Зафрэ планирует освободиться?

— Это совершенно невозможно в его положении. Разумеется, мне интересно.

— Тогда я все разузнаю! — пообещала ему и бросилась в кабинет командора, чтобы превратиться.

— Анха, лазарет!

— Все потом, — отмахнулась я на бегу, почти неслышно добавив: — Это сейчас совсем не важно.

Из кабинета Хельму я выбралась через окно и успела забраться на соседнюю крышу, прежде чем повозка с заключенным тронулась.

В зарешеченное окошко было видно, что Зафрэ зажат между двумя массивными мечеными, а еще трое сидят напротив него. С какой стороны ни посмотри, ситуация безвыходная. Артефактов у него нет, нечеловеческой физической силы тоже...

— И как же ты выберешься? — пробормотала я, затаившись в снегу и готовясь к забегу по крышам. Расстояние между домами было

достаточно небольшим, чтобы я, со своей прыгучестью, могла следовать за каретой и оставаться незаметной для парнишки, что следил за дорогой с задка повозки.

Как только лошади тронулись, шторы на окнах были задернуты.
И гонка началась.

Глава 23

В какой-то момент мне показалось, что я потеряла повозку, когда на перекрестке вынуждена была по земле перебираться на другую крышу и не успела увидеть, куда она свернули. Но стражников, будто специально для меня, задержала стайка институток, переходивших дорогу.

Оставшийся путь до окраин города прошел спокойно. Стражники больше не выбирали сложных маршрутов, и я могла без всяких проблем следовать за ними по крышам.

Забеспокоилась я, только когда повозка покинула оживленные улицы и подходящие для продолжения преследования крыши кончились, а Зафрэ не спешил освобождаться.

Чем дальше от городского управления стражи уезжала повозка, тем больше крепла моя уверенность в том, что у Зафрэ ничего не выйдет. Что он себя переоценил и теперь его ждет много неприятных, наверное даже мучительных, мгновений.

Хоть сама бери и спасай его...

Выбравшись вслед за стражниками за город, я осмелилась подобраться ближе.

В лесу было тихо, пахло хвоей.

В любое другое время я бы позволила себе немного посидеть, напитаться этим сонным покоем. Возможно, немного поохотилась бы.

Но только не сейчас.

Когда я окончательно отчаялась и уже совершенно серьезно стала прикидывать, что я могу сделать, чтобы и Зафрэ помочь, и волка не подставить, повозка содрогнулась, в передней и задней стенках образовались неровные дыры, щерящиеся обломками дерева.

Стражников смело с мест и швырнуло на дорогу. Упряж лопнула и напуганные, больше ничем не сдерживаемые лошади, сорвались в галоп.

Дверца резко распахнулась, и на вычищенную от снега дорогу вывалился Зафрэ, на ходу освобождаясь от оков. Наручники со звоном упали в снег на обочине, следом за ними полетела куртка, а артефактор тихо бормотал что-то под нос, похлопывая себя по бокам, там, где

ткань комбинезона словно чем-то разъедало. Сначала это было похоже на выжженные символы, но чем больше расходилась ткань, тем сильнее они теряли свою форму, под конец превратившись в простые дыры, сквозь которые было видно бледную кожу и красные, воспаленные и вздувшиеся линии, складывавшиеся в руны.

— Это еще что? — спросила я, перепрыгнув на ближайшее к артефактору дерево и сильно его напугав.

Зафрэ даже присел от неожиданности.

— Ты здесь откуда? — спросил он, поспешно натягивая куртку.

Из дымного нутра повозки и от оглушенных стражников так сильно пахло магией, что у меня зачесался нос. Что бы там ни произошло, это вывело из строя все оказавшиеся поблизости амулеты.

— Ну так... мимо пробегала? — не очень уверенно предположила я.

Артефактор пренебрежительно фыркнул, показав, что думает о моем неубедительном вранье, но допытываться не стал.

— А этим еще можно помочь? — Я повела носом в сторону распахнутой дверцы и чихнула. — Они хотя бы живы?

— Пока да. Но сейчас я это исправлю.

— Не надо ничего исправлять! — всполошилась я. — У босса потом проблемы будут.

Зафрэ едва ли беспокоили такие мелочи, как спокойная работа командора, но намеренно осложнять ему жизнь он вроде бы не собирался.

— Хорошо, — неохотно согласился Зафрэ. И, не оглядываясь на повозку, пошел в сторону города.

Я последовала за ним.

— Но как ты это сделал?

— Хм-м-м? — Артефактор поднял на меня взгляд.

— Ну вот это свое бабах! Чешуей? Признавайся, чешуей? И что случилось с твоей одеждой? — Я перепрыгивала с ветки на ветку и одновременно следила за Зафрэ. Он не беспокоился, что кто-нибудь из меченых может в любое мгновение очнуться и догнать его, не оглядываясь, не спешил. Шел уверенно и неторопливо. — И еще я видела ожоги у тебя на коже. Это стражники сделали, да?

— Не они. И освободился я не при помощи чешуи. За мной пристально следили, реагируя на любое движение, уж поверь, у меня

было время это проверить. Возможности достать хоть что-то, не привлекая внимания, у меня не было.

— Тогда как ты это сделал? Это же был какой-то амулет, верно? И откуда у тебя амулет, если у тебя все при задержании забрали? — Я подозрительно прищурилась. — Точно не чешуей воспользовался?

Я пыталась следовать за ним по деревьям, но артефактор шел слишком медленно, и, даже пытаясь подстроиться под его шаг, я все равно оказывалась немного впереди. Пришлось спуститься и выбраться на дорогу, чтобы не перекрикиваться с Зафрэ с ветки.

— Я оскорблен, — устало сказал он. — Разве я когда-нибудь тебе врал?

— Ну так никогда не поздно начать... — пробормотала я, чуть отставая. Лапки у меня все же были короткие, и поспевать за артефактором получалось с трудом.

— Не превратишься? — спросил он, останавливаясь. Моя проблема не ускользнула от его внимания.

Я села на задние лапы и осмотрелась. Лес казался совершенно пустым, я улавливала лишь копошение каких-то птиц в ветвях деревьев, но не могла себя заставить превратиться прямо так, посреди дороги.

Вокруг было слишком много свободного пространства, это делало меня, как тарсу, подозрительной.

— Пожалуй, нет. — Я почесала холодный нос. — Морозно сегодня, а я не очень одета.

Зафрэ понимающе кивнул. Его кожа побелела от холода, а нос и скулы покраснели. Тонкая куртка не могла полностью защитить его от зимы.

— Тогда забирайся. — Он склонился ко мне, протягивая руку.

— Что?

— На плечо забирайся. Как с командором.

Раздумывала я недолго, никаких причин для отказа не нашла, проворно забралась по рукаву на плечо и сразу же почувствовала, насколько отличались Хельму и Зафрэ. Под тонкой тканью куртки и комбинезона я очень четко ощущала лапами хрупкие косточки.

И заботливо поинтересовалась:

— Не тяжело?

— Анха, я не немощный, — оскорбился Зафрэ.

Я на всякий случай поддакнула, не желая тревожить его самолюбие, но расслабляться не стала. Чтобы успеть спрыгнуть, если подо мной что-нибудь хрустнет. Серьезные переломы лишь усложнили бы все для только сбежавшего от меченых Зафрэ.

— Но на вопрос ты не ответил, — занудно напомнила я. — Что это был за амулет?

— Собираешь информацию, чтобы потом доложить командору? — усмехнулся он.

— Вообще-то, мне интересно, — обиделась я. — Но боссу я, конечно, расскажу.

Какое-то время Зафрэ молчал, оценивая риски и прикидывая, получит ли он от своей откровенности хоть какую-то выгоду.

— Наверное, если артефактор командора так хороша, как я подозреваю, она и сама со временем догадается... — предположил он. И признался, чтобы не доставлять удовольствия Вирнэ: — Все дело в том, Анха, что я поместил в себя мощный магический заряд. Мое последнее оружие для самой безнадежной ситуации. Не могу сказать, что мою ситуацию можно было назвать безнадежной, но времени придумать что-то другое у меня попросту не было.

— Погоди... Как это заряд? Прямо в себя? Но человеческие тела так плотно набиты органами... как в тебе могло поместиться столько магии?

Мое искреннее желание понять принцип и полное непонимание законов магии Зафрэ позабавили.

— То, что ты приняла за ожоги, это следы активированных плетений. В качестве накопителя я использовал свои кости. Ребра состоят из губчатых костей, магии проще всего было накапливаться в них. Оттуда и ожоги.

Он поддернул рукав и показал мне свое запястье, овитое вспухшими красными символами.

— То есть, — я разглядывала обожженную кожу и не могла поверить, что судьба действительно свела меня с кем-то настолько безумным, — ты сам из себя сделал амулет?

— Скорее бомбу-накопитель. Одно из лучших моих изобретений, — гордо сказал он.

— И не болит?

Зафрэ удивленно посмотрел на меня.

— Разумеется, болит, но сейчас это не имеет значения. Времени жалеть себя у меня нет.

* * *

Когда впереди показались первые здания, я спросила:

— И что ты собираешься делать?

— Для начала переоденусь. Здесь недалеко находится один из моих тайников. Не могу больше носить это... — Он передернул плечами, отчего меня качнуло. — А ты? Не передумала? Может, отправишься со мной в столицу? Выясним, как работает твоя сила, возможно, даже сможем найти способ ее приумножить.

Предложение выглядело крайне заманчивым. Даже несмотря на то, что Зафрэ готов был ставить опыты на чем угодно, включая самого себя, и мне с ним оставаться было просто опасно.

— Нет, — произнесла я, малодушно добавив: — Но погостить непременно приеду.

И волка привезу. Ему необходим отпуск, иначе скоро он кого-нибудь загрызет.

— Жаль, очень жаль. Но если передумашь, найдешь в столице гостиницу «Рассвет» и назовешь управляющему свое имя. Тебя сразу же доставят ко мне. Я все устрою. — Зафрэ самодовольно улыбнулся. — В итоге ты все равно поймешь, что рядом с командором у тебя нет достойных перспектив.

— Зафрэ... — с укором произнесла я и невольно поежилась. Так я себе в этот момент волка напомнила, что не по себе стало. Осталось только научиться ворчать, и все, можно будет считать, что я поддаюсь дурному влиянию. Переняла плохие привычки... Жуть-то какая!

— Просто подумай об этом, Анха, — посоветовал он, ссаживая меня на землю. — Что ж, здесь нам придется попрощаться.

— Ты уж это... береги себя, — серьезно велела я. — Передать что-нибудь боссу?

— Нет, — сказал он, но, когда мы распрощались и я готовилась к долгому забегу, Зафрэ меня окликнул.

— Анха! Думаю, мне есть что сказать командору на прощание.

Я наострила уши, готовая слушать и запоминать.

— Передай ему, что я обязательно найду способ сделать наш договор недействительным.

— Передам, — пообещала я, — но просто не будет, ты же понимаешь?

— Трудности меня не пугают.

В управление я возвращалась в приподнятом настроении.

Рассказала все волку, не забыла передать последние слова Зафрэ и насладилась негодованием Хельму. После чего правда пришлось пострадать немного в лазарете. Зато помятых, очень злых меченых встречала подлеченная, в чуть великоватой, зато целой форме.

Волк настрого запретил мне вмешиваться в разговор, потому основную бурю я переждала в углу его кабинета, на диванчике. О том, что заподозрить в сговоре с преступником могут волка, как последнего, кто с ним виделся, я как-то не подумала и сначала очень переживала, что Хельму пострадает из-за выходов Зафрэ.

Но осмотр поврежденных защитных амулетов спас честное имя командора городской стражи. После нескольких очень напряженных часов причиной взрыва, а вместе с тем и побега заключенного назвали сбой в работе амулетов.

Вызванная в управление Вирнэ в не очень культурных выражениях сообщила главному меченому, что амулеты их были с очевидным дефектом, который и спровоцировал разрушение каких-то там матриц из-за сильного магического фона множества собранных в одном месте неисправных амулетов.

— Плетения просто перегорели, понимаете? — утомленно спросила охрипшая Вирнэ, в десятый раз повторяя одно и то же. — Это могло произойти в двух случаях. Во-первых, если с самого начала в кристаллах был критический изъян. Во-вторых, если в непосредственной близости от них был мощный выброс магии.

Порывшись в бесполезных уже стекляшках, она вытащила браслет с синим, треснувшим посередине камнем.

— Но у вас было это. Оно среагировало бы на любой накопитель, чей объем был бы больше разрешенного. А в разрешенные накопители столько магии, необходимой для подобного выброса, просто не помещается. У заключенного накопителей с собой должно было быть по меньшей мере штук двадцать! На такое количество накопителей в

одном месте ваш амулет, — Вирнэ потрясла браслетом, — тоже среагировал бы.

Я грызла ногти и внимательно прислушивалась ко всему, что говорила Вирнэ и что отвечал ей меченый. Изредка пару слов вставлял Хельму, но его в этом противостоянии было слишком мало. Вирнэ не позволяла волку взять инициативу. Это была ее территория.

В лабораторию городской стражи меня не пустили, потому все, что мне оставалось, — это подслушивать под дверью. Чем я и занималась, пока сзади не подкрался Гларан.

— Анха, ты что здесь делаешь?

Дальше мы подслушивали уже вместе.

— И чего они так психуют? Ну опозорились, и ладно, — проворчала я, когда меченый уже в который раз отказался признавать правоту Вирнэ.

— Элитные стражники упустили опасного заключенного, — шепнул помощник. — За такое могут не просто понизить в должности, но изгнать из личного королевского отряда. А у меченых плохие отношения со столичным управлением стражи... да и с любым управлением королевства тоже. На службу их, конечно, примут в случае необходимости, но никому это не нужно. Если удастся доказать, что побег произошел не по вине меченых, они смогут избежать наказания.

Прийти к соглашению они так и не смогли.

В конце концов окончательно взбешенная Вирнэ отправилась домой собирать вещи, чтобы ехать в столицу и лично присутствовать на официальной проверке. Мы едва успели отпрянуть, когда дверь распахнулась, и выбежавшая в коридор Вирнэ на прилетевший следом вопрос, зачем ей это, хрипло рявкнула:

— Не доверяю я вам. Вы заключенного потеряли, можете и улики потерять!

После отъезда меченых и злой Вирнэ в управлении снова стало тихо.

На следующий день командор получил записку из столицы, в которой почерком Вирнэ было написано, что ее заключения подтвердились и обвинения волку выдвигаться не будут.

Что случилось с мечеными, она не сообщила.

А спустя два дня Хельму настигла еще одна новость. И доброй она не была.

Глава 24

Утро выдалось солнечным и теплым. Казалось, весна в этом году все же решила прийти раньше времени. И даже волк выглядел не таким мрачным, как обычно, будто он уже устал вечно хмуриться и решил попробовать что-то новенькое.

По дороге в управление мы проезжали по торговой улице, мимо магазинчиков одежды. Витрины многих из них в предрассветной темноте казались бездонными.

Но были и уже открывшиеся магазинчики, витрины которых сияли, а мягкий свет продуманно расставленных светильников освещал самые популярные образцы нарядов.

— Босс, — позвала я, заметив в одном из магазинчиков симпатичный брючный костюм. Судя по фасону, он был рассчитан на мужчин. Судя по размеру и некой вольности кроя — на мальчиков. Но я была уверена, что мне вот эти штанишки с подтяжками и рубашка с пышным бантиком и даже берет... все это мне очень пойдет.

— М-м-м?

— Я тут подумала, вот я же девушка, да?

— Предположим, — осторожно согласился Хельму, расслабленность из его позы тут же исчезла. Словно в моем вопросе крылся недобрый намек.

— А у девушек должно быть много нарядов, так? И не смей этого отрицать. Я это точно знаю. Я гардеробную Эдит видела.

Отрицать волк ничего не стал, только подозрительно поинтересовался:

— К чему ты клонишь?

— Босс, а где моя гардеробная?

После недолгой паузы Хельму предложил, заметно расслабляясь:

— Пройдетесь по магазинам с Эдит, когда она вернется.

На это я могла согласиться. С детенышем должно быть куда интереснее ходить по магазинам, открывая для себя мир простых человеческих радостей, чем с волком. Некому будет пугать продавцов своим мрачным видом или поторапливать меня...

Но было кое-что еще. И сделать это мог только Хельму.

— И еще документы. Пусть в стражники ты меня брать не хочешь, но ваши смешные бумажки, подтверждающие мою личность, мне все равно нужны. На всякий случай.

Волк выглядел как человек, которому только что сообщили, что завтра в семь утра ему предстоит спасти мир. Растерянность и непонимание постепенно сменились решимостью.

— Сделаем, — пообещал он.

Хельму этим утром был таким сговорчивым, что было бы преступлением не попытаться удачу в последний раз.

— А еще я хочу себе отдельную спальню!

Это требование вызвало у волка только недоумение.

— Зачем? Ты все равно вечно пробираешься в мою.

Ответить на это мне было нечего, но сдаваться я не планировала.

Если я собиралась хотя бы попробовать сродниться с человеческим телом — а после щедрого подарка Зафрэ эта мысль больше не вызывала отторжения, — мне нужно было все то, что есть у людей. Документы, одежда, личный уголок и работа.

Фонари перед управлением не горели, и по лестнице мы поднимались в редкой предрассветной темноте — солнце с каждым днем поднималось над горизонтом все раньше, предчувствуя скорую весну.

Сонный дежурный, не успевший сдать смену, вяло поздоровался с командором, изо всех сил давая зевок. Волк сделал вид, что ничего не заметил, и быстрым шагом, рассеянно кивая на приветствия, поднялся в свой кабинет.

Пока волк снимал пальто, я успела превратиться, в который уже раз ощутив, как неудобно может быть в одежде не по размеру.

Хельму обещал, что совсем скоро мне выдадут новую форму, а пока приходилось старательно подкатывать рукава кителя и радоваться, что уцелели хотя бы штаны.

Мне нужно было придумать, как использовать дар и не разорить волка на моей одежде. Я не пробовала призвать огонь после случая под мостом, потому что никогда не бывала в безопасном месте. Кабинет волка, или его дом, или карета, или оживленная улица не подходили для того, чтобы я могла просто так возгореться.

Покосившись на волка, я уже собиралась напомнить ему о его обещании и предложить съездить ненадолго в лес. Чтобы он смог

выгулять своего зверя, а я немного попрактиковаться, но с грохотом распахнувшаяся дверь нарушила мои планы.

— Командор! — Голос Флоренс дрожал и срывался, когда она произнесла непоправимое: — Она не отпустили Эдит.

Трясущимися руками она протянула волку записку и осталась стоять перед его столом, рвано, судорожно дыша. Меня она сразу не заметила. И вздрогнула, когда я спрыгнула с подоконника и подошла к Хельму, чтобы взглянуть на помятый листок.

Писать понятнее за прошедшее время оборотни не научились, и я все так же могла разобрать в лучшем случае одно слово из трех, но посыл письма, кажется, уловила.

— Присвоили, да?

— Они пишут, — волк скомкал записку в кулаке, — что у Эдит есть потенциал и вернуть ее такому, как я, будет преступлением.

— Босс, дай мне неделю. Они нам не только детеныша вернут, но и извинения принесут. Официальные. В письменной форме.

— Нет. Я поеду сам.

Флоренс издала слабый, полузадушенный и совершенно непонятный звук. Пока она пыталась собраться с силами, чтобы что-то сказать, я азартно потерла ладони.

— Тогда справимся за несколько дней.

— Я отправлюсь с вами, — сдавленно прошептала Флоренс. — Позвольте искупить...

— Это необязательно, — скупно произнес волк. — Достаточно будет информации. Что произошло?

О том, как сначала от нее пытались скрыть письмо командора, а потом хотели подкупить предложением удачного брака и достойной жизни в стае, волк слушал с отстраненным видом.

Флоренс от щедрого предложения оборотней отказалась и потребовала не препятствовать выполнению ее работы, но Эдит от нее спрятали, а когда Флоренс попыталась пробиться к девочке силой, все ее атаки гасили какими-то заговоренными костями.

— Дары шамана, — пояснил волк. — Первые аналоги поглотителей магии. На их основе создавались блокаторы.

— И что? Их не победить, что ли? — спросила я.

— Почему же? У любого дара есть свой довольно скромный резерв. Если его израсходовать, они становятся простыми костями. Это

тебе не... — «не драконья чешуя», хотел сказать волк, но осекся вовремя и снова повернулся к Флоренс. — Что-нибудь еще?

— Старейшина приказал защитникам стаи выгнать меня из поселения. Записку сбросили со смотровой стены. — Сжав дрожащие руки в кулак, она выдохнула: — Я виновата, готова понести наказание.

Но волк лишь отмахнулся.

— Ты здесь ни при чем. Рано или поздно что-то подобное должно было произойти. Стая забыла, что их неприкосновенность перед людскими законами имеет и обратную сторону.

— То есть судить их за похищение детеныша не будут? — возмутилась я. — Это как так?

— Не будут, — подтвердил Хельму, — но и защищать права стаи в случае нападения на них тоже никто не станет.

Я представила, как мы вызволим Эдит, оставив за собой горящие руины поселения, а нам за это ничего не будет, и повеселела. Они еще пожалеют, что забрали себе чужого детеныша...

Еще какое-то время пришлось потратить на то, чтобы убедить волка, что помощь одной диковатой тарсы и заикающейся скромняшки в борьбе со стаей обнаглевших оборотней ему очень пригодится.

— Имей в виду, босс: я все равно пойду за Эдит. А так как дороги не знаю, возьму этот цветочек с собой. — Слабое «эй» со стороны Флоренс я проигнорировала, требовательно глядя на волка. — И представь, что мы можем натворить по дороге в поселение. А что мы можем натворить там... У-у-у! Ну согласишься же, лучше будет, если мы под твоим присмотром отправимся.

Хельму понимал, что запереть меня не сможет, даже если попытается, и все мои угрозы действительно способны воплотиться в жизнь. И неохотно сдался.

— Выезжаем через два дня. Флоренс, отправляйся домой и отдохни. Свободна, — сказал волк, и скромняшка, круто развернувшись на каблуках, пошла на выход.

— Анха... мы с тобой об этом еще поговорим.

— О чем? — любопытствовала я, следя за тем, как Флоренс притормозила в дверях, чтобы услышать ответ.

— О шантаже в присутствии подчиненных.

— Как скажешь, — бесстрашно согласилась я. Но на всякий случай уточнила, понизив голос так, чтобы ни одни любопытные уши

меня не услышали. — А значит ли это, что наедине я могу тебя шантажировать?

— Анха...

Что бы ни ждало нас впереди, одно я знала точно: Эдит мы вернем.

Но сомневалась немножко, что нервы Хельму уцелеют.

Конец первой части